П9
Ч
О-75

с. 103

...нная Академия Истории Материальной Культуры

С. Н. БЫКОВСКИЙ, Е. К. НЕКРАСОВА, А. С. ПОЛЯКОВ,
А. Г. ПРИГОЖИН, . И. РАВДОНИКАС, С. П. ТОЛСТОВ,
А. Д. УДАЛЬЦОВ, М. М. ЦВИБАК

103

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ПЛЕНУМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
20—22 июня 1933 г.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1934

9
О-75
ПРОВЕРКА 1946 г.

С. Н. Быковский, Е. К. Некрасова, А. С. Поляков, А. Г. Пригожин,
В. И. Равдоникас, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов, М. М. Цвибак.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ПЛЕНУМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
20—22 июня 1933 г.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведения
19
23841.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1934

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 7

ДОКЛАДЫ

Проблема основного противоречия феодальной формации. — *Е. К. Некрасова* 11

К вопросу о происхождении классов у древних германцев. — *А. Д. Удальцов* 27

Проблемы генезиса западноевропейского феодализма. — *А. Г. Пригожин* 48

Основные вопросы истории возникновения феодализма в России. — *М. М. Цвибак* 73

Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. — *В. И. Равдоникас* 102

Из истории классовой борьбы в Новгороде в XV в. — *С. Н. Быковский* 130

К вопросу о закономерности развития феодальной формации в Китае. — *А. С. Поляков* 139

Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — *С. П. Толстов* 165

ПРЕНИЯ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА ДОКЛАДЧИКОВ

Вопросы истории западноевропейского феодализма 203

Выступления: Е. А. Косминского (203 — 206), А. В. Мишулина (206 — 212), А. Е. Кудрявцева (212 — 222), А. В. Арциховского (222 — 224), А. М. Розенберга (224 — 235), Н. Н. Розенталя (235 — 238), С. А. Лотте (238 — 246), И. И. Смирнова (246 — 251).

Заключительное слово Е. К. Некрасовой (251 — 253).

Вопросы истории феодализма в Восточной Европе и России 254

Выступления: С. Н. Быковского (254 — 257), Б. Д. Грекова (257 — 263), М. Г. Худякова (263 — 267), Ш. А. Чакветадзе (267 — 270), В. В. Мавродина (271 — 274), Н. Н. Воронина (274 — 278), М. К. Каргера (278 — 280), К. К. Романова (280— 281), М. В. Джервиса (281 — 285), В. Н. Кашина (285— 295), С. Н. Валка (295 — 301), Ф. И. Шмита (301 — 305), А. В. Марара (305 — 308), Е. Э. Лишшиц (308 — 315).

Заключительные слова: М. М. Цвибака (315 — 318), В. И. Равдоникаса (318 — 319).

Вопросы истории феодализма у народов Востока 320

Выступления: А. Ю. Якубовского (320 — 329), В. И. Равдоникаса (329— 334), А. Н. Бернштама (335 — 344), Б. Л.

Богаевского (344—349), Х. Г. Гюламиряна (349 — 355), С. В. Киселева (355 — 358), С. А. Токарева (358 — 362), А. С. Моровоой (362 — 369), С. А. Майзель (369 — 372), Д. А. Ольдерогге (372 — 376), А. Маргуланова (376 — 278).
Заключительные слова: А. С. Полякова (378 — 381), С. П. Толстова (381 — 386).

Заявление Е. А. Косминского 386

Заключительное слово председательствующего 388

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 — 22 июня 1933 г. состоялся пленум Государственной Академии истории материальной культуры, посвященный вопросам генезиса и развития феодализма.

На пленуме были сделаны следующие доклады: Е. К. Некрасова — Проблема основного противоречия феодальной формации; А. Д. Удальцов — К вопросу о происхождении классов у древних германцев; А. Г Пригожин — Проблема генезиса западноевропейского феодализма; М. М. Цвибак — Основные вопросы истории возникновения феодализма в России; В. И. Равдоникас — Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных; С. Н. Быковский — Из истории классовой борьбы в Новгороде в XV в.; А. С. Поляков — К вопросу о закономерности развития феодальной формации в Китае; С. П. Толстов — Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах.

В прениях по докладам приняли участие: А. В. Арциховский, А. Н. Бернштам, Б. Л. Богаевский, С. Н. Быковский, С. Н. Валк, Н. Н. Воронин, Х. Г. Гюламирян, М. В. Джервис, М. К. Каргер, В. Н. Кашин, С. В. Киселев, Е. А. Косминский, А. Е. Кудрявцев, С. А. Лотте, Е. Э. Липшиц, В. В. Мавродин, С. А. Майзель, А. Маргуланов, А. В. Марар, А. В. Мишулин, А. С. Морозова, Е. К. Некрасова, Д. А. Ольдерогге, В. И. Равдоникас, А. М. Розенберг, Н. Н. Розенталь, К. К. Романов, И. И. Смирнов, С. А. Токарев, С. П. Толстов, М. Г. Худяков, М. М. Цвибак, Ш. А. Чакветадзе, Ф. И. Шмит, А. Ю. Якубовский.

ДОКЛАДЫ

С. П. Толстов

Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах

I

Проблема так наз. «кочевого феодализма» представляет собой одну из частей общей проблемы о тех вариациях и градациях, в которых проявляется феодальный способ производства за пределами «классического» европейского феодализма. В этом отношении проблема феодализма в кочевых районах оказывается тесно связанной с другой проблемой, относящейся также к этому же кругу вопросов, с проблемой так наз. «азиатского способа производства», т. е. с проблемой конкретных вариаций феодализма в районах с господством земледелия, основанного на искусственном орошении.

То же, что о последней проблеме — проблеме «азиатского способа производства», которая оказалась поставленной в порядок дня и нашла свое разрешение в тесной связи с вопросами классовой борьбы, с вопросами нашей политической практики, классовой борьбы на современном колониальном Востоке, в частности и в особенности с проблемой китайской революции, — то же самое мы должны сказать и о той проблеме, о которой мы говорим здесь, — проблеме «кочевого феодализма». Эта проблема имеет отнюдь не только академическое значение; она представляет собой не только общетеоретический интерес, ее разрешение не только помогает нам отточить наше оружие правильного марксистского понимания общего хода исторического процесса в целом, но она имеет отношение к непосредственной практике политической борьбы, практике классовой борьбы как на советском Востоке в процессе социалистического строительства, так и на зарубежном, колониальном Востоке. В сущности говоря, от правильного теоретического разрешения этого вопроса во многом зависит правильность практической работы по социалистической реконструкции кочевого и полукочевого аула советского Востока, во многом зависит успешность той борьбы, которую ведут трудящиеся массы колониальных народов против господства империализма и местных феодалов на гигантской территории от Западного Китая до Западной Африки, где кочевое скотоводство играет крупнейшую роль.

Как на фронте истории докапиталистических формаций вообще, так и, может быть, в еще большей степени на данном участке мы должны пока еще констатировать недопустимое отставание теории от практики. Теоретические наши разработки отстают. Мы не можем еще сказать, что мы выполнили полностью ту задачу, которую поставил перед работниками теоретического фронта т. Сталин в своей

исторической речи на конференции аграрников-марксистов. Между прочим, проблемы, которые мы еще собираемся дискутировать, которые не получили достаточного освещения на страницах наших органов, — эти проблемы уже разрешаются в практической борьбе и нашли свое освещение в целом ряде директивных решений партийных организаций на местах в процессе их работы. Те вопросы, которые оказываются для нас спорными, неясными, как, например, вопросы о формах эксплуатации в кочевых обществах, о связи феодальных отношений с родовыми пережитками, уже разрешаются в практической работе в самом ходе классовой борьбы. Но совершенно естественно, что недостаточная теоретическая разработанность этих вопросов не может не оказывать своего вредного влияния на практическую работу. Недостаточной теоретической разработанностью этих вопросов объясняется целый ряд ошибок в работе местных советских и партийных организаций, целый ряд извращений политики партии на местах, идущих как по линии правого уклона, ведущего к контрреволюционному национализму, так и по линии левого уклона, сползающего к контрреволюционному троцкизму.

Правые националистически-народнические тенденции заключаются главным образом в недооценке феодально-капиталистических элементов в кочевом и полукочевом ауле, в идеализации родовых пережитков. С другой стороны, имеется тенденция к «левацкому» смазыванию феодально-родовых элементов, попытки свести целиком отношения кочевого и полукочевого доколхозного аула к отношениям капиталистической деревни и соответственно этому строить практическую работу.

Наш теоретический фронт полностью отразил классовую борьбу на этом участке. Эти проявляющиеся на практическом фронте тенденции народнического и троцкистского порядка нашли свое отражение в целом ряде теоретических извращений по данному вопросу. То, что мы недостаточно укрепились на этом участке, вело к тому, что здесь открывался фронт для развития враждебных нам установок. Как правая опасность, так и «левацкая» трактовка социальных отношений аула нашли отражение в целом ряде претендующих на звание «научных» и «марксистских» «трудов». Как в теории, так и на практике главной опасностью является националистически-народническая трактовка социальных отношений кочевого и полукочевого аула, связанная с практикой правого уклона и заключающаяся в переоценке пережитков родовых отношений и в смазывании и игнорировании наличия действительно глубоко зашедшей классовой дифференциации аула.

Особенно ярко и откровенно эта точка зрения проявляется в писаниях буржуазных националистов (казакстанские националисты, алаш-ордынцы). С их легкой руки развивалась пресловутая теория, которую можно назвать «теорией врастания рода в социализм», теория, полностью игнорирующая тот факт, что сам род уже давно превратился у большинства кочевников в особую форму развития классового общества.

Байтурсунов писал в свое время, например, что родовые отношения сводят на нет противоречия между байством и беднотой, что интересы баев и бедноты фактически совпадают, что наличие «родового уклада делает казакский аул почти коммунистическим».

Следом за этими откровенно националистическими выступлениями идет целый ряд высказываний, претендующих на «научную постановку вопроса», профессоров: Налимова, Букинича, Руденко и др., и даже (Полочанский, [1] Соколовский [2]) на то, что их установка является марксистской. Наряду с этой концепцией мы имеем другую, особенно ярко выраженную в высказываниях вредителей — работников экономических органов того же Казакстана, которые заключались в стремлении повернуть аул по капиталистическому пути и прикрывались «теорией» о необходимости «капиталистического дозревания» аула как «переходной ступени» к социализму (своеобразная «азиатская разновидность» прищеповской хуторизации!)

К сожалению, приходится сказать, что некоторый отголосок этих связанных с практикой классовой борьбы в кочевом ауле враждебных нам тенденций, именно — народнически-националистической их разновидности, мы находим в работах некоторых товарищей и у нас в ГАИМК. Это не значит, конечно, что здесь можно говорить о какой-то сознательной смычке с теоретиками «теории врастания рода в социализм», но объективная перекличка между этими идеологами баев и манапов и некоторыми археологами — налицо.

Речь идет о работах по вопросу, казалось бы, весьма далекому от практики классовой борьбы сегодняшнего дня, — по вопросу о скифах.

Рамки настоящей работы не позволяют остановиться на детальной характеристике скифского общества. Ограничусь лишь основными моментами:

1. Геродот, [3] Псевдо-Гиппократ, Лукиан [4] и ряд других античных историков, также как и археологические материалы, позволяют нам утверждать, что в VII—IV вв. общество скифов Тавриды и Причерноморья, общество так наз. «царских скифов», было чрезвычайно резко социально дифференцировано. На одном полюсе группировалась немногочисленная аристократия, располагавшая огромными стадами скота, позволявшими погребать с покойниками сотни лошадей (до 600—700 шт.), [5] на другом — основная масса скифской бедноты, среди которой было немало бедноты, вовсе не имевшей скота и во всяком случае безлошадной. [6]

2. Базой этой дифференциации было рабство, широко распространенное в хозяйствах скифской аристократии. На эксплуатации ра-

---

[1] Е. Полочанский, За новый аул — Керау, М., 1927 г.
[2] Соколовский, Казакский аул, Ташкент, 1926 г.
[3] Геродот, IV, стр. 71, 72 и др.
[4] Лукиан, Toxaris. Цитировано по М. И. Ростовцеву, Скифия и Боспор, стр. 106 — 107.
[5] М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 315 — 316 и др.; Геродот, IV, стр. 71.
[6] Лукиан, ук. соч., 2.

бов базировалось скотоводство этой аристократии и особенно интенсивная его область — доение кобылиц и изготовление молочных продуктов (геродотовские рабы-слепцы). [1]

3. Классовые противоречия были настолько остры, что проявлялись в вооруженных восстаниях рабов (Геродот) [2] и в острых классовых конфликтах внутри свободной части населения (восстание против царей Скилы и Анахарсиса). [3]

4. В результате непримиримости классовых противоречий мы имеем *государство* в виде патрирхальной монархии, власти «царей» и «номархов», противостоящих массе народа и опирающихся на силу вооруженных дружин, своей «челяди». [4]

5. Тем не менее продолжают сохраняться чрезвычайно сильные пережитки родо-племенных отношений, трансформированных, однако, и подчиненных интересам господствующего класса. Об этом говорит классовая направленность генеалогических мифов скифов, фиксирующих неравенство родов (миф о Геракле, о золоте, упавшем с неба и др.). [5]

6. Все это заставляет утверждать, что причерноморские скифы уже в эту эпоху находились на рабовладельческой стадии, представляя собой сложившееся классовое общество, господствующий класс которого использует родо-племенные традиции в своих интересах. Это верно тем более, что мы имеем зафиксированный в скифских мифах отголосок того исторического скачка, эпохи революционной ломки, которая отделяет доклассовое общество от классового и которая дошла до нас в своем извращенном отражении в виде рассказов о войне скифов с киммерийцами. [6]

И вот под флагом борьбы с модернизаторской, антимарксистской концепцией Ростовцева, [7] зачисляющего скифов в феодальное общество и считающего все указания греческих авторов на пережитки первобытного коммунизма у скифов тенденциозным измышлением этих авторов, — под этим флагом выступает ряд товарищей, поднимающих на щит старую народническую концепцию Лаппо-Данилевского [8] и провозглашающих общество скифов доклассовым, первобытнокоммунистическим, родовым.

Пальма первенства в этом деле принадлежит Семенову-Зусеру. В своей брошюре «Родовая организация у скифов Геродота» [9] он дает образец не выдерживающей никакой критики даже с чисто

---

[1] Геродот, IV, стр. 2.
[2] Там же, стр. 3.
[3] Там же, стр. 76 — 80.
[4] Там же, стр. 66, 71, 72, 76 — 80.
[5] Там же, стр. 5—6, 8—11.
[6] Там же, стр. 11 — 12.
[7] М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, стр. 38; его же, Скифия и Боспор, стр. 88 и сл.
[8] А. С. Лаппо-Данилевский, Скифские древности, Записки отделения русской и славянской археологии Русского арх. о-ва, IV, 1887 г.
[9] С. А. Семенов-Зусер, Родовая организация у скифов Геродота, Известия ГАИМК, т. IX, вып. I, 1931 г.

формальной стороны работы, где обходится молчанием вся масса противоречащих точке зрения автора фактов, где для доказательства «родового строя» привлекаются аналогии из быта современных калмыков, казаков, киргизов, монголов эпохи Чингис-хана и даже из быта самого Чингис-хана. [1] И конечным выводом этого псевдо-научного творения выдвигается тезис:

«Мы приходим к твердому убеждению, что хозяйственный и общественный строй степных скифов VII—IV вв. до н. э. вполне точно соответствовал тому состоянию общества, которое относят к форме родо-племенной организации... Общность имущественных интересов, коллективное производство и потребление связывали их в одно хозяйство, обусловленное кочевым образом жизни. Последнее и породило те характерные социальные, правовые и религиозные явления, соединение которых вкладывается в соответствующее понятие родо-племенного строя». [2]

Нужно ли доказывать, что объявление общества, знающего такую степень развития классовых антагонизмов, эксплуатации, классовой борьбы государства, обществом родовым и первобытнокоммунистическим, равносильно ревизии основ марксистско-ленинского учения о первобытном коммунизме. Интересно отметить в качестве иллюстрации тот факт, что и проф. Преображенский, и Кушнер, и самый матерый из «отрицателей первобытного коммунизма» Кунов как раз одним из приемов своей ревизии марксистско-ленинского учения об анархической формации делают приклеивание ярлычка «родового строя» к таким глубоко антагонистическим обществам, как киргизское или туркменское, [3] и таким образом весьма просто доказывают, что «родовой строй» знает частную собственность, классы и т. д., и что, следовательно, все это существовало со времен Адама.

Семеново-зусеровская «концепция» скифского общества представляет собой лишь одну из этих попыток «взорвать первобытный коммунизм изнутри», как бы он ни декларировал свою преданность «первобытному коммунизму».

Но мало этого. Концепция Семенова-Зусера, являясь народнической ревизией марксизма, подводит «теоретическую базу» под народнически-националистические установки идеологов байства. В самом деле, если скифское общество было первобытнокоммунистическим, то киргизское или тем паче ойротское уж и подавно являются таковыми, так как все те элементы коллективизма, которые имелись у скифов, как показал тот же Семенов-Зуссер, имеются с избытком у калмыков, у киргизов, и у чингисхановских монголов, и у самого Чингис-хана. Так сам Семенов-Зуссер перебрасывает мост между «родовой организацией скифов Геродота» и теорией

---

[1] С. А. Семенов-Зусер, ук. соч., стр. 25, 27, 29 и др.

[2] Там же, стр. 34.

[3] См. В. Кушнер (Кнышев), Горная Киргизия (социологическая разведка), М., 1928 г.; П. Ф. Преображенский, Разложение родового строя и феодальный процесс у туркмен-иомудов, «Этнография», 1930 г.

«врастания рода в социализм», подает руку Байтурсуновым и Букейхановым.

На Семенове-Зуссере не стоило бы так долго останавливаться, если бы у него не оказалось последователей. К сожалению, такие нашлись. Сюда приходится отнести В. И. Равдоникаса с его статьей в Готском сборнике [1] и М. И. Артамонова, докладчика по «скифскому вопросу» на пленуме ГАИМК 20 апреля 1933 г.

Точка зрения тт. Равдоникаса и Артамонова отличается от установок Семенова-Зусера. Если тот вопреки фактам постулирует полное отсутствие классовых противоречий в скифском обществе и рисует это общество как общество первобытнокоммунистическое с начала до конца, то Равдоникас и Артамонов не могут не видеть всей глубины наличных там классовых противоречий. В силу этого оба они делают вывод, что здесь мы имеем «последний этап родового строя» (так и озаглавлен доклад Артамонова), родовой строй уже накануне перехода в классовое общество, которое будто бы и возникает в сарматскую эпоху. Мы не будем здесь полемизировать по вопросу о взаимоотношении скифов и сарматов. Напомним только, что Равдоникас, в полном согласии с Ростовцевым, зачисляет сарматов в феодальное общество. [2]

Совершенно ясно, что, стремясь во что бы то ни стало «сохранить» скифское общество в рамках первобытного коммунизма, Артамонов и Равдоникас совершают грубейшую методологическую ошибку, которая их приводит в объятия Семенова-Зусера и всех тех, кто пытается «взорвать» родовой строй изнутри.

К сожалению, этот факт не случаен.

Напомню, что два года тому назад т. Равдоникас выступил с наиболее оригинальной, но далеко не наиболее верной концепцией «азиатского способа производства», объявив этот последний... доклассовым обществом [3] и солидаризировавшись таким образом с гоминдановскими теоретиками и вообще с националистическими, народническими концепциями исторического процесса на Востоке.

«Скифские ошибки» Равдоникаса заставляют опасаться, что эти ошибки начинают перерастать в систему.

II

Для того чтобы уяснить себе процесс развития феодализма в обществах с преобладанием, ведущей ролью кочевого скотоводческого хозяйства, нам придется хотя бы очень кратко остановиться на вопросе о *предшествующей* феодализму формации — вопросе, до сих пор чрезвычайно мало изученном, что содействует косвенно

[1] В. И. Равдоникас, Пещерные города и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья, Готский сборник, Известия ГАИМК, т. XII, 1932 г., стр. 62 и сл.

[2] Там же, стр. 85 — 87 и др.

[3] В. И. Равдоникас, К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество, Известия ГАИМК, т. IX, вып. 2, 1931 г., стр. 8.

созданию всякого рода антимарксистских, народнически-националистических «теорий».

Прежде всего, однако, мы должны подчеркнуть здесь одно из основных положений марксизма по вопросам истории Азии, выдвинуть тезис, говорящий, что:

«У всех восточных племен можно установить общее соотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевым бытом другой части». [1]

Это сосуществование кочевников и земледельцев в рамках одного общества является ключом к целому ряду специфических особенностей исторического процесса на Востоке, в частности к той роли «торгового капитала», которая заставила не одного востоковеда видеть чуть ли не в первых шагах развития классового общества на Востоке «разложение феодализма» и тому подобные страхи, которая обусловила тот безудержный разгул модернизаторства в вопросах истории Востока («Финансовый капитал» в эпоху Хаммураби [2] или в Корейшитской Мекке [3]), с плодами чего мы не расквитались до сих пор. Это модернизаторство представляет собой, в сущности, перелицовку достаточно уже разоблаченной троцкистской теории «торгового капитализма», смыкающейся с трактовкой исторического процесса на Востоке среднеазиатских националистов (например, профессора Фитрата и других идеологов группы «Чагатай-Гуруни».)

Неверно видеть здесь противопоставление каких-то расовых единств по типу пресловутой борьбы «леса со степью» и говорить о «турках и Китае», о «половцах и Руси», «Согде и саках», о «Скифии и Боспоре». Не исключена, конечно, возможность того (встречается это довольно часто), что кочевники и земледельцы представляют собой два различных в этно-лингвистическом отношении народа. Но это отнюдь не правило, это лишь одна из форм проявления вскрытого Марксом противоречия.

Достаточно указать на древнейшие традиции земледелия в Киргизии, [4] в Хакасии, достаточно указать на то, что кочевники и земледельцы Аравии представляют собой один народ, и грань между теми и другими весьма условна, достаточно напомнить «чомуров» (оседлых) и «чорву» (кочевников) у туркмен, чтобы стало ясно, что гвоздь тезиса Маркса лежит именно в соотношении *оседлости одной части народа с кочевым бытом другой.*

Чисто кочевых народов вообще не существует и, повидимому, никогда не существовало. Элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство.

Соотношение земледельческого и скотоводческого хозяйства у

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 488, перевод исправлен по немецкому оригиналу. Курсив мой. *С. Т.*

[2] См., напр., статью Н. М. Никольского «Вавилон» в БСЭ.

[3] Ср. Lammens, La Mecque à la veille de l'hégire, Beyrouth, 1924 г., стр. 135 и сл.

[4] В. В. Бартольд, Киргизы, 1927 г., стр. 23.

скифов общеизвестно. В орхонских надписях мы также встречаем в составе «турецкого племенного союза» «балыкдагы», «горожан»,[1] Рубрук в описании хозяйств монгольских «кочевых феодалов» говорит о земледельческом хозяйстве в их поместьях на юге.[2] Наконец, историко-этнографические данные о наиболее характерных кочевых народах — казаках и киргизах, не говоря уже о туркменах, — в XVII—XIX вв. говорят нам о повсеместном наличии земледельческих хозяйств в районах зимовок.

Все это заставляет нас подчеркнуть условность самого термина *«кочевой феодализм»*. Он охватывает лишь одну сторону в единой проблеме социально-экономической структуры каждого конкретного общества «кочевников», именно — феодальные отношения в сфере *кочевого скотоводства*. Но, изучая эти отношения, мы неизбежно должны брать их в единстве со всей общественной структурой, в первую очередь с отношениями в сфере оседлого земледелия, иначе мы рискуем ничего не понять в изучаемых обществах и скатиться к вульгарно-механистической, народнической их трактовке.[3]

Эта проблема «разделения труда между кочевниками и земледельцами» вплотную подводит нас к другой проблеме, от решения которой зависит правильное понимание «кочевого феодализма». Эта проблема — о роли *рабства* в истории обществ, о ведущей роли кочевого хозяйства — уже отчасти затронута в связи со скифским вопросом.

Энгельс в «Происхождении семьи» пишет:

«Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров, то было первое крупное общественное разделение труда... *первое крупное общественное разделение труда* при данных общих исторических условиях вместе с обусловленным им увеличением производительности труда, а следовательно, богатства и вместе с сопровождающим его расширением поля производительной деятельности с необходимостью влекло за собой и рабство. *Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса* — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых».[4]

Роль рабства как базы для создания первой антагонистической формации неоднократно подчеркивалась и Марксом и Энгельсом — отошлю хотя бы к предисловию к «К критике политической экономии», «Немецкой идеологии», к «Анти-Дюрингу». Но наиболее от-

---

[1] Малая надпись в честь Кюль-Тегина, 10, W. Radloff, Die Alttürkische Inschriften der Mongolei, вып., I, SPB., 1894 г., стр. 49.

[2] G. Rubruquis, Voyage, Paris, 1888 г., стр. 35.

[3] То же, естественно, относится и к рабовладельческой стадии. В частности в трактовке вопроса о скифах мы должны брать их общество в единстве с скифо-греческими городами Северного Причерноморья, так как эти последние представляют лишь более резко выраженные те же самые социально-экономические отношения, которые господствуют и в скифском кочевье.

[4] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1933 г., стр. 190.

четливую и не допускающую двоякого толкования формулировку по этому вопросу Ленин дал в своей лекции о государстве, говоря:

«Развитие *всех* человеческих обществ в течение тысячелетий *во всех без изъятия странах* показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов: *затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое.* Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло *громадное большинство народов* остальных частей света... Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы».[1]

Совершенно ясно, что попытка некоторых товарищей трактовать этот тезис Ленина так, что будто бы здесь идет речь о «патриархальном рабстве», укладывающемся еще в рамки доклассового общества, в корне неправильна. Речь явно идет об «*обществе, основанном на рабстве*», т. е. *о рабовладельческой формации*, через которую, по Ленину, прошло большинство народов земного шара, пережитки которой, как это отмечает Ленин, мы до сих пор встречаем в Африке. Ясно, что весьма далека от этого ленинского понимания данной проблемы трактовка вопроса многими из наших товарищей, «теоретически» признающими правильность положения о том, что рабовладельческая формация является первой антагонистической формацией, но утверждающими в то же время, что все народы, кроме греков и римлян (даже финикияне и карфагеняне, у которых римляне брали уроки ведения «образцовых» рабовладельческих хозяйств), перешагнули через рабовладельческую формацию.

Попытаемся разобраться поглубже в вопросе, попытаемся вскрыть почему именно этот «панфеодализм» в корне ложен, почему Маркс, Энгельс, Ленин так настойчиво подчеркивали, что именно *рабство* (а не что другое) является первой формой эксплуатации, образующей *первую* антагонистическую формацию.

Обратимся прежде всего к анализу обеих форм эксплуатации, основанной на внеэкономическом принуждении, — рабовладельческой и феодальной. Если мы попытаемся вскрыть отношение прибавочного и необходимого продукта в феодальном обществе, то мы увидим, что здесь *необходимый продукт* рассчитан на воспроизводство не только рабочей силы крестьянской семьи, но и средств производства (инвентарь, рабочий скот, удобрение земли, хозяйственные постройки, находящиеся во владении этой семьи). Это тот лимит, который ограничивает притязания феодала, — нарушение этого лимита неизбежно влечет за собой подрыв воспроизводства, разрушение крестьянского хозяйства и неизбежный взрыв классовой войны.

При рабском способе производства, напротив, «*необходимый продукт*», реализующийся в «корме раба» и содержании его казарм,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 366. Курсив мой. *С. Т.*

значительно меньше, чем это было бы необходимо для действительного воспроизводства его рабочей силы. Доля рабовладельца охватывает здесь, таким образом, не только прибавочный продукт в собственном смысле слова, но и значительную часть необходимого продукта за счет сокращения жизни раба, уничтожения семейной жизни и естественного воспроизводства рабов.

Таким образом, возможность того или иного вида эксплуатации целиком и полностью определяется уровнем развития производительных сил. Из нашего анализа ясно, что для нормального функционирования хозяйства, построенного на основе крепостничества, требуется *несравненно более высокий уровень развития материальных производительных сил*, именно — такой уровень производительности, который дал бы возможность уплаты феодальной ренты (безразлично, в виде ли труда или продуктов) и дал бы возможность наряду с этим произвести количество продукта, обеспечивающее воспроизводство *рабочей силы и средств производства*. Напротив, рабовладельческий способ производства возникает еще на крайне низком уровне развития производительности, при минимальных размерах прибавочного продукта, который рабовладелец «расширяет» за счет вторжения в область «необходимого продукта». Другими словами, рабство возникает и быстро превращается в основу производства там, где феодальная эксплуатация привела бы к неизбежному подрыву воспроизводства и полному крушению хозяйства. Почему те «феодальные» явления — отношения данничества, то «завоевательное крепостничество», которое отмечает Энгельс в древней Фессалии [1] и т. п., которые *сопровождают* рабовладельческое общество на всем протяжении его истории, начиная с первых шагов, не могут составить базиса общественной структуры? Потому что либо размеры этой «феодальной» эксплуатации совершенно ничтожны и она носит спорадический характер, либо она ведет к полному разрушению хозяйства, к страшным взрывам классовой борьбы, к гибели целых народов. *Лишь тогда, когда материальные предпосылки для перехода к феодальному способу производства налицо, совершается этот переход*. А созреть эти предпосылки могут лишь в рамках рабовладельческой формации, так как только внутри доклассового общества создаются предпосылки для перехода в общество, основанное на рабстве, — *общество становится рабовладельческим*, и не чем иным, как чудом, нельзя было бы объяснить того, что какое-нибудь общество ухитрилось бы сохранить первобытнокоммунистический характер до тех пор, пока в нем не развились бы материальные предпосылки для перехода к феодализму. И единственный пока исторически доказанный факт перехода доклассового общества к феодальному, минуя рабовладельческую стадию, — история древних германцев, — не опровергает, а подтверждает сформулированную выше закономерность. Для того чтобы германцы, завоеватели Римской империи, перешли прямо к

[1] Маркс—Энгельс, Письма, изд. 3-е, стр. 312.

феодализму, нужна была вся тысячелетняя история античного общества Средиземноморья.

Обратимся теперь к истории наших кочевников.

Мы имеем, к сожалению, чрезвычайно мало доброкачественных источников о рабовладельческой стадии в скотоводческих обществах. Этот период отделен от нас рядом столетий, и слабое развитие письменности у кочевников привело к тому, что этот период мы можем изучать почти исключительно по хроникам и географическим трудам других народов, в частности греков и китайцев, либо в поздней передаче арабских и персидских авторов, писавших уже в эпоху господства феодальных отношений. Наряду с этим важнейшим источником должен явиться для нас *археологический материал*, а также, наконец, *эпос и генеалогические мифы*, частью дошедшие до нас непосредственно, частью зафиксированные древними и средневековыми авторами. (Я имею в виду такие источники, как легенды Огуз-хановского цикла, переданные нам Рашид-эд-Дином, Абуль-Гази и др., как Огуз-Намэ, как саги о Салор-Казане, как арабские генеалогические мифы и военный эпос, дошедшие до нас в передаче авторов эпохи аббасидов, и как, наконец, первые 4 книги Библии и т. п.).

Но нашу задачу облегчает то, что осколки этой стадии развития обществ кочевников дожили почти до нашего времени, хотя, конечно, в видоизмененных формах. Я подразумеваю в первую очередь докапиталистическую Туркмению, которой мною был посвящен здесь, в Ленинграде, весной 1933 г. специальный доклад на географическом съезде.[1] Это позволяет мне не повторять всей той аргументации моих положений, которую я изложил тогда, и ограничиться суммарной характеристикой структуры туркменского общества до русского завоевания.

Туркменское общество характеризуется своеобразным сочетанием чрезвычайно сложной и разветвленной родо-племенной организации с чрезвычайно глубокой классовой дифференциацией, возникшей отнюдь не вчера, ибо еще Ибн-Фадлан говорил о хозяйстве аристократии Огузов Приаралья, насчитывавших до 100 000 голов скота.[2] При этом, как показывает анализ источников русских и европейских, характеризующих туркменское хозяйство XVIII—XIX вв. (Бланкеннагель,[3] Муравьев,[4] Бернс,[5] Вамбери,[6] Галкин[7] военные авторы эпохи завоевания — Терентьев,[8] Куропаткин,[9] Галкин-

[1] См. «Советская этнография», 1933 г., № 2.

[2] А. З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибнуль-Факиха, Известия Российской Академии наук, 1924 г., стр. 246.

[3] Бланкеннагель, Путевые заметки, «Вестник Географического общества».

[4] Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и в Хиву, М., 1822 г., ч. I, стр. 28 — 30, 99 — 100.

[5] Бернс, Путешествие в Бухару, т. III.

[6] Вамбери, Путешествие по Средней Азии, Спб., 1865 г.

[7] М. Галкин, Этнографические и исторические материалы.

[8] Терентьев, История завоевания Средней Азии, Спб., 1906 г., т. III.

[9] Куропаткин, Завоевание Туркмении, Спб., 1899 г.

Гиршфельд [1], Гродеков [2] и др.), эта дифференциация базировалась на эксплуатации рабов. Туркменская аристократическая верхушка состояла из разбойников, купцов, работорговцев и рабовладельцев.

Земли ее обрабатывались силами рабов-персов, стада ее пасли также персидские невольники. О масштабе рабовладельческих хозяйств туркменской аристократии можно судить хотя бы на примере одного из наиболее ярких ее представителей начала XIX в. (Описание Муравьевым [3] и Галкиным [4] Кият-хана, захватившего в свои руки Челекен, в хозяйстве которого работало свыше шестидесяти невольников-персов.

По данным того же Галкина, рабы у прикаспийских иомудов составляли около 25% всего населения. [5] Кяризное орошение южной Туркмении, арыки туркмен Хорезма, по данным Цымбаленко, Гиршфельда, Галкина и др., строились и содержались целиком силами рабов. [6] По данным того же Муравьева и других, земли туркменской аристократии обрабатывались исключительно силами невольников. [7]

В сфере скотоводства мужской рабский труд находил применение прежде всего в деле строительства колодцев в пустыне, затем, по указаниям Бернса, Гродекова и того же Галкина, и в пастьбе скота. Но особенно широко эксплуатировался труд женщины-рабыни — «кырнак». И этот факт понятен. Рабство находило свое применение прежде всего в наиболее интенсивных и трудоемких областях скотоводческого хозяйства, а таковой является не столько уход за скотом, сколько обработка продуктов скотоводства — стрижка и доение, приготовление молочных продуктов, изготовление кошем, тканей, паласов, ковров, т. е. область применения по преимуществу *женского* труда. Женское рабство в докапиталистической Туркмении было массовым явлением.

Но классовая дифференциация, основанная на рабстве, сказалась и на свободной части общества. Мы имеем характерный процесс перехода к своеобразному *кастовому* строю, облекаемому в традиционную форму. В туркменском докапиталистическом обществе мы можем наметить 4 основных классовых слоя: рабовладельцы, свободные мелкие производители, зависимые производители (клиенты) и рабы, в свою очередь разбивающихся на более мелкие прослойки, число которых доходит до девяти: 1) рабовладельческая аристократия—рабовладельцы, работорговцы, купцы и одновременно организаторы военно-разбойничьих экспедиций; 2) своеобразная каста служителей культа—ишанов, образующая особые замкнутые племена

---

[1] Гиршфельд и Галкин, Статистическое описание Хивинского оазиса, Ташкент, 1902 — 1908 гг., т. I — II.
[2] Гродеков, Война в Туркмении, Спб., 1883 г., т. I, стр. 69 и др.
[3] Муравьев, ук. соч.
[4] М. Галкин, ук. соч., стр. 80.
[5] Там же, стр. 83.
[6] Цымбаленко, Кяризы (водопроводы) в Закаспийском крае.
[7] Муравьев, ук. соч., стр. 28.

«эвляд», выдающие себя за потомков «пророка», также рабовладельцы и купцы; 3) масса мелких свободных производителей, эксплуатирующих рабский труд лишь в слабой степени, преимущественно женский (или совсем не эксплуатирующих); 4) зависимые мелкие производители — клиенты («конши») крупных рабовладельческих фамилий; 5) «чомуры» — не владеющие скотом оседлые земледельцы, также обычно клиенты сильных скотоводческих хозяйств; 6) безземельные и бесскотные наемные рабочие-батраки, обычно потерявшие связь с родами; 7) близкие к клиентам отдельные лица и роды, происходящие от брака свободных туркмен с рабынями («кул», «ярым»); 8) вольноотпущенники и потомки рабов («кул»); 9) рабы («кул») и рабыни («кырнак»).

Для докапиталистической Туркмении характерна (мы это увидим ниже и для других обществ с аналогичным общественным строем) специфическая форма политической организации, специфическая форма государства, которую мы предлагаем обозначить термином «*военно-рабовладельческая демократия*». Это та форма, характеризуя которую, Энгельс говорит: «Органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа». [1]

Мы имеем здесь подчинение всего устройства общества военным задачам, войне, являющейся «постоянным промыслом». Общество является военной демократией, «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни». [2] И органы этой военной демократии, уже государства, являющегося проявлением той «натуральной формы ассоциации», которой вынуждены держаться активные граждане по отношению к рабам, выступают в форме традиционной организации родоплеменного союза, лишенной, однако, своего первоначального содержания.

Государство туркмен выступает то в форме своеобразной военной республики («çumhur», «çymhyrijət»), возглавляемой представителями аристократии родов и племен союза («kedxuda», «agsaqal») и военными руководителями — ханами и сердарами (как у Тене), то приобретая некоторые черты примитивного теократизма, когда во главе военно-политического объединения выступают представители духовенства — ишаны (как у иомудов). [3]

Мы видим здесь достаточно развитое и сложно дифференцирован-

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1933 г., стр. 194.

[2] Там же, стр. 193.

[3] А. Самойлович, Абду-с-Саттар-Казы, Книга рассказов о битвах текинцев, стихи 454—459, стр. (текст) 240.

ное рабовладельческое общество, но общество, облеченное в традиционные родо-племенные одежды. За исключением рабов, в собственном смысле слова, все остальные классовые группы, своеобразные касты, оформляются в виде «родовых подразделений». И ознакомление с туркменскими генеалогиями сразу же заставляет видеть в них документ *классовой* идеологии, основной задачей которого является фиксировать и освятить «родовой» традицией неравенство родов, возникшие классовые деления. Отдельные роды и племена, происшедшие от рабов и клиентов, противопоставляются в этих генеалогиях родам и племенам, происшедшим от героев эпонимов, мифических ханов и беков — Огуз-хана, Саур-Казана и т. д. [1] Уже один анализ генеалогических преданий огузов-туркмен в том виде, как их передают авторы XI, XIV, XVII вв. (Махмуд Кашгарский, [2] Рашид-эд-Дин, [3] Абуль-Гази [4]), позволяет утверждать, что в ту эпоху классовые отношения вполне сложились и социальный строй мало отличался от социального строя туркмен XVIII—XIX вв.

Но этот эпос сохранил нам и прямые указания на чрезвычайно широкое распространение рабства. Так, в легенде о борьбе Ильхана и Сююнуч-хана Абуль-Гази говорит: «так как кибитки монголов были собраны в одно место, то татары захватили их со всем богатством... Все большие из пленников были убиты мечом, а молодые сделаны рабами (bandə). Каждый взял по одному пленнику. Из монголов не осталось ни одного человека, а оставшиеся в живых исправляли обязанности рабов (bandə) и к какому племени (il) принадлежали их господа, имя (того племени) и они приняли». [5]

Насколько крупную роль продолжало играть рабство в хозяйстве кочевников еще в эпоху, предшествующую возвышению Тимура, т. е. в эпоху, когда в большинстве кочевых обществ вполне сложились феодальные отношения, говорит нам описание хозяйства вождя рода Барлас, отца Тимура, дошедшее до нас в Тимур-намэ.

«Когда мне исполнилось 20 лет, в этом году отец имел хорошее хозяйство. Скот давал много приплода. Я назначил над каждыми 15 рабами (qul) начальника, из каждых 20 кобылиц я составил косяк, на каждые 10 косяков я назначил одного раба, на каждые 10 верблюдов, на каждую тысячу баранов для присмотра я назначил одного раба, над собственными владениями наблюдение поручил самому доверенному рабу». [6]

---

[1] Абуль-Гази-Бехадур-хан, Родословная туркмен, перевод А. Туманского, Асхабад, 1897 г.

[2] Mahmud al - Kašğarī. Kitābu dīvāni lugati-t-turki. Стамб., изд. 1333 г., х., т I, стр. 58 и др.

[3] Рашид-эд-Дин, Собрание летописей, изд. Березина, Труды Восточного отделения Русского археологического общества, т. VII, Спб., 1861 г., персидский текст, стр. 13 и сл., особенно стр. 28 и сл.

[4] Aboul-Ghâzi Bêhâdour Khan, Histoire des Mogols et dès Tatares par Desmaisons, St. Pétersbourg, 1871 г., джагатайский текст, стр. 17 и сл., особенно 27.

[5] Aboul-Ghâzi, Texte, стр. 31.

[6] Цит. по Polat Səlijif «Özbekistan tarьxь», Öznesr, Task-Sam, 1929 г.

Если даже принять самые скромные цифры для количества скота у отца Тимура, то и то количество рабов в его хозяйстве должно исчисляться минимум в 100—120 рабов, что сделало бы честь крупному рабовладельцу не только Греции, но даже и Рима.

Материал позволяет предполагать, что хронологическими гранями рабовладельческой стадии в истории кочевников Центральной Азии являются: для наиболее ранней — эпоха хуннов, начиная примерно со второго века до нашей эры, и для наиболее поздней — когда, за немногими исключениями (туркмены, может быть, те же барласы и др.), переход к феодализму, наметившийся уже в VIII—IX вв., окончательно завершился монгольским завоеванием, когда (как мы постараемся показать дальше) феодальное общество приобретает завершенные формы.

Мы не имеем возможности здесь остановиться на детальной характеристике общества хуннов, туров-тугю и т. п., так как это слишком далеко увело бы нас от нашей темы.

Приведу немногие факты. Вся история взаимоотношений хуннов с Китаем во II в. до н. э. — это война за захват рабов. Китайский источник, приводимый Иакинфом, так объясняет военные успехи хуннов: «пленные мужчины и женщины поступают в неволю, посему каждый в сражении одушевляется корыстью».

Под 126,125, 121, 120, 103 и др. годами до н. э. мы читаем в китайских хрониках, собранных Иакинфом, о набегах хуннов, результатом которых является обращение в неволю от 1000 до 40 000 человек, захватываемых хуннами в плен. [1] Сочетание этого с чрезвычайно близкой к туркменской системой военно-племенной организации (ибо только безудержное модернизаторство может видеть в 24 «сановниках» хуннов «феодалов» или «чиновников» совсем в стиле китайских хронистов-бюрократов, а не искаженное изображение военно-племенной организации с типичным и имеющим глубокие корни в самом существе социального строя этой эпохи делением на 24 родо-племенных объединения, распределяющихся по ступеням родовой иерархии)[2] заставляет нас предполагать в хунском обществе социальный строй, весьма близкий к строю туркмен XVII—XIX вв., и ту же военно-рабовладельческую демократию как форму становящегося государства.

То же должны мы сказать и относительно тугю. Никаких данных о феодализме, кроме богатого воображения исследователей, орхонские надписи нам не сохранили. Напротив, рабство явно является важнейшим общественным институтом.

Бильге-Каган так характеризует результат успешных завоевательных походов, совершенных тугю под руководством Ильтерез-Кагана «ол ӧдкӓ кул куллуг, болмыш, ӓртї, кӳн кӳна lӳг болмыш артї» [3] («наши рабы рабовладельцами стали, и наши рабыни рабовла-

[1] Иакинф, т. I, стр. 17, 36, 37, 40, 47 и др.

[2] Там же, стр. 14, 15 и др.

[3] Большая надпись Кюль-Тегина, 21. W. Radloff, Die Alttürkische Inschriften der Mongolei, St. Petersburg, 1894 г., вып. I, стр. 15; Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, Спб., 1899 г., стр. 65.

делицами стали»). Конечно, это свойственная торжественной надписи гипербола. Вряд ли не только рабы тугю, но и вся масса свободных стала рабовладельцами? Но сама «точка приложения» этой гиперболы знаменательна. Цель войны тугю, согласно этому тексту,— в захвате рабов, а количество новых рабов таково, что даже прежние рабы превращаются в рабовладельцев. Обратную этой формулу дает автор надписи, говоря о подчинении тугю китайцам. «Табҕач будунка färlik уры оҕлын кул болды cilik кыз оҕлын кӱн болды».[1] Я предлагаю следующее чтение этого спорного отрывка (рассматривая здесь суффикс *н* как признак страдательного залога с винительным падежом): «Китайскому народу сыновья беков сделались рабами и дочери чистых сделались рабынями».[2] Рабство, таким образом, составляет основной стержень, вокруг которого вращается общественная жизнь и в эту эпоху.

Наконец, для характеристики родо-племенных отношений в эпоху сельджукских завоеваний, бывших одним из важнейших звеньев в формировании феодализма в Передней Азии и Иране, большое значение имеет Салорский эпос, отраженный в опубликованной В.В. Бартольдом Китаби-Коркуд.[3] И здесь рабство и войны за рабов составляют экономический стержень, вокруг которого вращается повествование. Достаточно отметить освобождение Салор-Казаном 40 рабов в ознаменование освобождения его сына из плена[4] и ряд подобных фактов, рассеянных в различных местах эпоса.[5]

В Передней Азии ближайшую аналогию обществу туркмен мы находим в социальном строе домусульманской Аравии и, если итти еще дальше в глубь истории, в обществе древнееврейских кочевников, в том виде, в котором оно отразилось в библейских легендах первых четырех книг пятикнижья.

Уже Маркс и Энгельс обратили внимание на эти книги как на важный источник для изучения идеологии древнейших кочевников Аравии.[6] И если мы будем вслед за Марксом и Энгельсом рассматривать эти предания не с точки зрения достоверности или недостоверности описанных в них событий (здесь их ценность как источ-

[1] Большая надпись Кюль-Тегина, 6. W. Radloff, Die Alttürkische Inschriften der Mongolei, вып. I, стр. 7.

[2] Мелиоранский (Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 65) переводит это место, принимая указанный суффикс *н* за признак инструментального падежа: «китайскому роду стали они (турки) рабами со (?) своими крепкими сыновьями и со (?) своими чистыми дочерями». Знаки в скобках, принадлежащие самому Мелиоранскому, показывают, насколько натянутым является этот перевод. Радлов (ук. соч., 7) дает близкий к нашему перевод: «Die Söhne ihrer Fürsten wurden Knechte des berühmten Volkes (der Chinesen), und ihre reinen Töchter wurden Mägde derselben», непонятно почему, впрочем, заменяя единственно возможный перевод «кул»—Sklave—терминами Knechte и Mägde.

[3] В. В. Бартольд, Китаби-Коркуд, Зап. Вост. отд. Русск. арх. о-ва, тт. VIII (3—4), XII (4), XV (2—3).

[4] В. В. Бартольд, ук. соч., ЗВО, т. XII (4), стр. 046.

[5] См., например, ук. соч., ЗВО т., XII (3—4), стр. 16; т. XV (2—3), стр. 29, 34 и др.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 488.

ника — величина бесконечно малая), а как памятник общественного сознания, отражающий общественное бытие определенной исторической эпохи, то значение пятикнижия как исторического источника для познания истории социально-экономического уклада народов Передней Азии — вне всякого сомнения. Освобожденные от позднейших наслоений генеалогические мифы древнееврейских кочевников рисуют картину, почти тождественную вскрытой нами выше. Основой общества является рабство. Авраам имеет «318 рабов, рожденных в его доме». [1] Библейское законодательство прежде всего регламентирует вопрос о рабстве. [2] Генеалогические легенды фиксируют неравенство «родов», превратившееся в своеобразные касты — особенно левиты, точная копия туркменских «эвляд», наряду с которыми выступают «рабские» роды, соответствующие родам «кул» у туркмен (хотя бы роды, ведущие происхождение от невольниц-жен Иакова). [3] Собственно говоря, основной задачей всех громоздких библейских генеалогий и является фиксация этого неравенства. Любопытно, что в «Родословной туркмен» [4] Абуль-Гази и в книге «Чисел» [5] мы находим один и тот же условный прием выражения этого неравенства — путем символического плана ставки Кюн-хана и путем символического же плана лагеря евреев, где каждый род занимает место у шатра хана или у скинии соответственно своему положению на ступенях родовой иерархии. Важно отметить, что «род», как и у туркмен, не экзогамен. [6]

Совершенно аналогичную картину мы находим в обществе древних арабов.

Анализ социально-экономического уклада городских общин V—VII вв. Центральной Аравии (Мекка, Таиф, Медина), также как быта кочевников-бедуинов, дает нам право видеть здесь даже в несколько более развитом виде то же, что мы вскрыли у туркмен. [7]

Мы имеем здесь широкую эксплуатацию рабов в земледельческом и скотоводческом хозяйстве, о чем позволяет судить как то место, которое отводится рабству древнейшим мусульманским источником — Кораном, [8] так и постоянное упоминание у всех авторов, описывающих домусульманскую Мекку, Таиф и Медину (Ибн-Хишам, Табари, Масуди, Якуби, Бакри и др. [9]), большого количества рабов, в частности негров и абиссинцев, [10] — данные так наз. «домусульманской поэзии». Наряду с этим мы имеем прямые указания на захват

[1] Книга Бытия, гл. 14, 14, ср. также гл. 24, 36 и др.
[2] Исход, гл. 21, 2—8, 20, 21, 26, 27, 32.
[3] Книга Бытия, гл. 35, 22—26.
[4] Абуль-Гази-Бехадур-хан, Родословная туркмен, перевод А. Туманского, Асхабад, 1897 г., стр. 31—32.
[5] Книга Чисел, гл. 2, 1—34.
[6] Ср. Книга Бытия, гл. 24, 1—5, 15.
[7] См. мою работу «Очерки первоначального ислама», «Советская этнография» № 2 за 1932 г.
[8] См., напр., 4, 28, 29, 94; 5, 91; 8, 68 и др.
[9] См., напр., Lammens, La Mecque à la veille de l'hégire, Beyrouth, 1924 г., стр. 37, 56, 140, 148, 226, 238, 274 и др.
[10] См. там же, стр. 2 и сл.

рабов для латифундий меккской и мединской аристократии как основную задачу завоевательных предприятий арабов в первый период ислама (Ибн-Хишам, [1] Табари, [2] Баладзури [3] и т. д.). Для арабского общества того времени весьма характерно родовое неравенство, сильно развитые отношения родовой клиентелы. Городская община выступает как совокупность неравноправных родов (привилегированные роды корейшитов в Мекке, сакафитов в Таифе, Аус и Хазрадж — в Медине, и противостоящая им масса плебеев или метеков — «алхаф».[4] (Классовая борьба между привилегированными родами и «алхаф» — чрезвычайно близкая аналогия борьбы патрициев и плебеев в Риме периода Тарквиниев и ранней республики [5]). Генеалогические мифы арабов фиксируют это «родовое неравенство». Также как и у наших туркмен, у арабов мы находим неэкзогамный род. [6] Наконец, в качестве политической организации периода первоначального ислама перед нами выступают все знакомые нам черты военно-рабовладельческой демократии. Вот основные признаки, характеризующие аравийское общество накануне ислама и в основных чертах сохраняющиеся в эпоху Омайядского халифата, представляющего собой последнюю крупную рабовладельческую империю в истории Средиземноморья, воспроизведение в гигантском масштабе отношений Мекканской общины. [7] Лишь переход власти к аббасидам означает начало победы феодальных элементов над рабовладельческими.

Однако наиболее, пожалуй, яркие примеры этих отношений мы найдем не на азиатском материале, где за редкими исключениями они отделены от нас тысячелетиями и дошли в передаче из третьих рук, а на материалах другого материка, которые могут нам осветить целый ряд темных проблем в истории Азии, — на материале африканском. Пусть это звучит парадоксом — многие проблемы истории Азии решаются в Африке. Здесь мы имеем целую цепь народов с ведущей ролью скотоводства, находящихся или, вернее, находившихся совсем недавно примерно на той стадии развития, на которой античные писатели застают скифов, китайцы — хуннов, на которой три тысячи лет назад находились еврейские кочевники и полторы тысячи лет назад — племена Центральной Аравии. Речь идет прежде всего о народах Восточной Африки, Сахары и Судана — туарегах, галла, сомали, масаях, вагумах — и некоторых народах

---

[1] Ibn-Hischam, Рассказ о походе против бену-Корейза.
[2] Tabari, I, 1954, 2, 1952, 9 и сл.
[3] Al-Balasori, Liber expugnationis regiorum Lugd-Bat., 1866 г., стр. 208 и др.
[4] Lammens, La Mecque à la veille de l'hégire, стр. 23, 53, 54 и сл.; его же, La cité arabe de Taif, Beyrouth; Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, т. IV, стр. 4 и сл.
[5] См. мою указ. выше работу в «Советской этнографии», № 2, 1932 г., стр. 49—50.
[6] W. Robertson Smith, Kinship and marriage in early Arabia, London, 1907 г., 2-е изд.; Cl. Huart, Histoire des Arabes, т. I, Paris, 1912 г., стр. 15.
[7] См. мою указ. выше работу, стр. 58—59.

Южной Африки — тех народах-завоевателях, из которых наиболее громкую славу получили зулу.

Общество туарегов — социологически почти копия общества туркмен.

У туарегов мы имеем сильное развитие рабства и работорговли, имеем крайне резко выраженное родовое неравенство, выделение особо привилегированных родов — «шаггарен» — и на противоположном полюсе — неполноправных, полурабских родов-париев. И здесь мы видим широкое развитие родовой клиентелы, в частности зависимость земледельческих групп от богатых скотоводческих родов. Сходную картину мы найдем у галла и сомали.

Так, у центральных и южных сомали рабский труд составляет основу сельского хозяйства. На полях сомалийской аристократии работали десятки рабов, закованных в цепи. Охота за рабами и работорговля составляли важную отрасль деятельности этой аристократии. *Рабы служили монетной единицей* (раб оценивался в 120—150 талари).

Привилегированным племенам *хауйи*, *раханунов*, *хашия* противостоят «племена-парии» — *адон* (термин, означающий одновременно «*раб*»). Родо-племенные деления фактически являются делениями кастовыми.

Особого внимания заслуживает общество *масаев*, анализ которого проливает свет на генизис той своеобразной формы ранне-рабовладельческих отношений, которую мы знаем из истории спартанского общества. Мы здесь имеем своеобразную форму коллективного рабства, общинных рабов, подобных илотам Спарты, в лице так наз. вандороббо и других «племен-париев», подчиненных масайским общинам и выполняющих за них сельскохозяйственные и ремесленные работы. Деление свободных на возрастные классы эльморан и эльморуа (юношей-воинов), живущих военными коллективами, внутри которых господствуют отношения промискуитета, и взрослых женатых мужчин, живущих парными семьями, военно-республиканский строй, — все это говорит за то, что здесь мы имеем наиболее раннюю стадию в формировании классового общества, еще со всех сторон покрытого первобытнокоммунистической оболочкой, превращающейся уже, однако, в свою собственную противоположность становясь орудием классового господства и сохраняясь лишь в рамках господствующей касты.

И, перефразируя Энгельса, мы с полным правом можем сказать, что из-за спартанского аристократа выглядывает масай в еще большей степени, чем ирокез.

Проблема коллективного рабства, явления широко распространенного (например, положение — шудра по законам Ману), но мало исследованного, требует особого внимания. Этот институт, нашедший свое отражение в платоновской утопии и свою своеобразную реализацию в государстве карматов в Бахрейне, представляет, повидимому, наиболее древнюю форму рабовладельческих отношений и наиболее последовательную реализацию того принципа коллектив-

ной общинной собственности на рабов, о которой говорят Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии».

Но коллективное рабство отнюдь не исключает, а скорее предполагает наличие индивидуального рабства, как юношеский промискуитет масаев не исключает, а предполагает существование индивидуальной семьи. При этом нужно *особенно* подчеркнуть неправильность попыток рассматривать эти «рабские» племена как результат завоевания и превращения в низший класс формирующегося антагонистического общества когда-то независимых племен, как это хотели бы видеть Кунов, Каутский и им подобные. Анализ «родовой» номенклатуры туркмен, как уже приведенные выше соответствующие термины сомалистской этнонимики, позволяет видеть здесь оформившиеся по образцу «родов» и «племен» новообразования, касты, сложившиеся из военнопленных рабов различного происхождения. Равным образом и привилегированные «роды» и «племена» суть оформившаяся по этому образцу, отдифференцировавшаяся социальная верхушка прежних родо-племенных союзов.

Таким образом, мы можем наметить следующую последовательность стадий становления рабовладельческих отношений у народов Африки: 1) зулу и масаи, 2) сомали, туареги, 3) галла, вагумы, в государствах которых эти отношения достигают уже высокой ступени развития.

Так, у галласов Каффы мы знаем крупнейшие хозяйства местной аристократии типа латифундий, особенно кофейные плантации, обрабатывающиеся исключительно силами рабов. То же мы найдем в других государствах северных галласов. Хозяйства аристократии вагумских государств — Уганда, Унионо и др. — также были целиком построены на эксплуатации рабского труда.

Маркс дал нам классическое по своей сжатости и четкости определение основных закономерностей развития рабовладельческой формации в «Немецкой идеологии».

«Второй формой собственности является античная общинная и государственная собственность, которая возникла благодаря объединению путем договора или завоевания нескольких родов в один город и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность, но как исключительная, подчиненная общинной собственности форма.

«Граждане государства обладают властью над своими рабами лишь коллективно и уже по одному этому связаны с формой общинной собственности. Это — коллективная частная собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации. Поэтому все основывающееся на этом расчленение общества, а вместе с ним и мощь народа исчезают в той самой мере, в какой развивается недвижимая частная собственность». [1]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

Эта характеристика оказывается целиком приложимой и к рассмотренному нами материалу.

Подводя итоги предыдущему анализу рабовладельческой стадии в районах с крупной ролью кочевого скотоводства, мы можем так сформулировать наши основные положения.

Рабовладельческая стадия в развитии обществ с преобладанием кочевого скотоводства, соответствующая античной формации Средиземноморья, развивается в своеобразной форме военно-рабовладельческой демократии или патриархальной монархии. Характерными чертами этой стадии являются неэкзогамные (что не исключает, конечно, в отдельных случаях сохранения экзогамии как пережитка) родовые деления как низшая конструктивная единица общества и форма политической организации его свободных членов, противостоящих стоящим вне родов рабам. Военно-политическая организация рабовладельческой общины — государства — соответственно этому строится по традиционному образцу родо-племенной организации.

Основное противоречие развития этой стадии развертывается как противоречие между коллективной собственностью рабовладельческого «рода», являющейся прежде всего собственностью коллектива свободных над рабами, и частной движимой и недвижимой собственностью, выражающейся прежде всего в скоте, затем в жилище, орудиях производства и в конечном итоге в земле. Это противоречие реализуется в форме выделения из родов скотовладельческой аристократии, аппроприирующей не только личность рабов-чужеродцев, но и личность членов родовой общины, становящихся в личную зависимость от обособляющейся военно-скотовладельческой аристократии.

Те отношения родовой клиентелы (туркменские «qonsь», орхонский «cγuš», арабские «ḥile, ḥalif (мн. aḥlāf), mavlā), на которых мы останавливались выше, и рост вольноотпущенничества, обусловливаемый ростом производительности труда, ведущие в конечном счете к созданию своеобразной разновидности колонатных отношений, и являются зародышевыми элементами крепостничества, на определенном этапе завоевывающего себе господствующее положение. Отношения феодальной зависимости слагаются прежде всего как отношения, связанные с скотовладением. Особый характер природы скота как социальной категории обусловливает именно это направление феодализирующего процесса. Скот является одновременно и *средством* и *продуктом* труда. Соответственно этому частная собственность на *продукты труда* и возникающее еще в рамках первобытного коммунизма имущественное неравенство в отношении предметов потребления здесь находят себе наиболее прямое русло для превращения *в частную собственность на средства производства*, воплощенные в том же скоте.

Монополизация владения скотом в руках аристократии, рычагом которой является рабовладение (захват рабов и скота в межплеменных войнах — явления параллельные), имеет своим неизбежным

следствием *зависимость* массы свободных членов родов от этой аристократии. Однако на ступени рабовладельческих отношений эта зависимость не переходит рамок отношений между патронами и клиентами, не составляя материальной основы общества. В этом реализуется *коллективная собственность* рабовладельческого рода над рабами, превращающего пауперизированных, лишенных скота «пролетариев» рода в косвенных потребителей рабского труда.

Но рабский труд превращается на данном этапе в оковы производительных сил. Интенсификация форм кочевого хозяйства оказывается невозможной в условиях эксплуатации рабского труда. Вместе с тем рост производительных сил вновь выдвигает значение мелкого непосредственного производителя.

Конечным итогом развития этого противоречия является переход к феодальному способу производства, реализующийся в виде революции рабов, ликвидирующей рабовладельческое хозяйство.

Революция рабов приобретает в условиях кочевого хозяйства своеобразные формы. Мы имеем указания, хотя бы у Рубрука [1] на факты массового бегства рабов и образования вооруженных «разбойничьих» отрядов беглых рабов. У Абуль-Гази мы находим облеченные в легендарную форму прямые указания на рабские восстания (восстание рабов во главе с рабом Аязом против их хозяина Санклы Сина [2]). Эта вооруженная борьба рабов толкает кочевую аристократию на углубление наметившихся форм *феодальной* эксплуатации свободных членов родов. Развитие вольноотпущенничества, своеобразных форм колоната, отмеченных уже нами для туркменского общества, превращение отношений родовой клиентелы в крепостные отношения и (наряду с этим) усиление завоевательной деятельности, ставящей теперь целью не столько захват рабов, сколько захват земель с *крепостным населением*, — таков путь этого процесса.

Мы должны при этом отметить, что рабовладельческая формация на Востоке нигде, а тем более в кочевых районах (где она проходит путь своего развития и упадка в формах примитивной военно-рабовладельческой демократии), не достигла той ступени развития, которую мы знаем в рабовладельческом Риме. Причины этого сводятся, на наш взгляд, в основном к двум положениям: 1) высокой интенсивности поливного земледелия и, в отношении скотоводства, — малой трудоемкости экстенсивного скотоводческого хозяйства. И то и другое значительно раньше, чем земледельческое хозяйство Европы, создает материальные предпосылки для перехода к феодализму в виде высокой производительности труда и значительных размеров прибавочного продукта; 2) *роли общины*, кладущей и в земледельческих и в скотоводческих районах предел развитию процесса экспроприации независимых производителей, так как эта экспроприация и пауперизация свободных производителей и связанный

[1] G.Rubruquis, Voyage, Paris, 1888 г., стр. 62.

[1] Абуль-Гази-Бехадур-хан, Родословная туркмен, пер. А. Туманского, Асхабад, 1897 г., стр. 67—68.

с ней распад общин как в условиях поливного земледелия, так и в условиях кочевого хозяйства неизбежно ведут к катастрофическому подрыву воспроизводства, разрушению (в земледельческих районах) ирригационных систем и полному хозяйственному распаду значительно раньше, чем в условиях античного общества Средиземноморья.

То и другое обусловливает переход к феодализму.

Но те же причины, которые обусловливают собой раннее крушение рабовладельческого общества на Востоке, определяют собой ту чрезвычайно крупную роль, которую рабовладельческий уклад продолжает играть уже в рамках феодального общества. Сопротивление общин феодальному гнету, несравненно более сильное, чем сопротивление разрозненных крестьянских хозяйств, толкает феодалов на сохранение рабского труда в своих собственных хозяйствах. И если основной формой эксплуатации крестьян является рента-налог, то слабое развитие барщины компенсируется усиленным применением вплоть до XIX в. рабского труда, игравшего на Востоке исключительно крупную роль.

Этим обусловливается и крайне затяжной характер перехода рабовладельческого общества к феодализму на Востоке. Так, наиболее крупная волна революции рабов в истории формирования феодального халифата падает на вторую половину IX в. (речь идет о грандиозном восстании черных рабов «зенджей» в Ираке, захвативших в свои руки Басру и в течение 14 лет угрожавших самому существованию халифата).

Характерно, что в начале X в. мы имеем попытку реставрации рабовладельческого общества на территории Аравии — в Бахрейне, где захватившие власть в свои руки представители повстанческого движения общин против феодалов — карматы — создают в Лахсе (аль-Ахса) своеобразную рабовладельческую общину — государство, являющееся в некотором смысле попыткой реализации утопического государства Платона. По описанию Насир-и-Хусрау, члены общины имели в коллективном владении 30 000 рабов-негров, выполняющих все необходимые работы. Свободное население не платило налогов. Государство управлялось коллегией шести царей и шести визирей. Интересно, что вместо монеты употреблялись плетенки, наполненные свинцом. [1]

Этот факт тем более интересен, что демонстрирует нам, насколько сильны были рабовладельческие тенденции внутри самих общин, боровшихся против растущего феодального гнета.

В кочевых обществах также (я не говорю уже о туркменах, где рабство вплоть до русского завоевания составляло основу общества) рабство продолжает играть крупнейшую роль почти вплоть до революции.

Так, «Устав о сибирских киргизах» (результат реформы 1824 г.)

[1] Насир-и-Хусрау, Sefer Nameh, Relation du voyage de Nassirï Khosrau, publ. et trad. Ch. Schefer, Paris, 1881 г., русский перевод, изд. «Academia» 1933 г., стр. 179—183.

в главе IX, § 277, гласит: «Невольники, ныне находящиеся у Киргизов, остаются при их владетелях с правом продажи, передачи и наследственного владения...»

Захват и продажа рабов составляли важную отрасль деятельности казакских феодалов.

Не менее широко было распространено рабство у киргизов. Так, в 60-х годах прошлого столетия мы знаем факты, когда Манан Тура гельды Батыр отдал в качестве калыма 11 человек рабов. Рабы же выставлялись в качестве призов на скачках. Погорельский обнаружил еще в 1928 г. рабыню («кюн») у манапа Керимбая Атаханова. [1]

Этим именно и обусловливается отмеченное нами выше своеобразное явление консервации обществ с рабовладельческим в своей основе хозяйством, как туркмены, туареги, рабовладельческие государства Восточной Африки (и особенно Занзибарский султанат), на периферии феодальных обществ Востока. Необходимость воспроизводства рабов в феодальном обществе Востока не только консервировала, но и заново создавала эти своеобразные рабовладельческие разбойничьи объединения, где массовое наличие дешевой рабской силы тормозило развитие производительных сил и консервировало рабовладельческое хозяйство.

III

Для раскрытия специфики «кочевого феодализма», феодальных отношений, слагающихся в сфере скотоводства, мы должны попытаться найти тот простейший элемент, в котором, как в основной клеточке общественных отношений, содержится все существо данного способа производства. Для феодализма в кочевых районах таким простейшим элементом, основным зерном, откуда вырастает вся система феодальных отношений, является «суан» (у киргизов — «саан») — отдача скота на выпас. Отношения «саан» заключаются в том, что крупный скотовладелец дает известное количество скота бедняку — как раз такое, которое может обеспечить ему полуголодное существование. За это бедняк обязуется выполнять отработочную повинность на этого феодала в качестве ли пастуха или барщинного работника на полях феодала в районе зимовок. Наряду с этим существует другая, особенно распространенная у туркменов (что является одним из показателей большей примитивности их социально-экономических отношений) форма отдачи скота на выпас. Дело в том, что в условиях кочевого хозяйства требуется определенный минимум скота, без которого кочевать невозможно. В силу этого бедняк, имеющий пять-десять овец, не может существовать как самостоятельный производитель. Он сдает этих овец в хозяйство крупного скотовладельца — бая, который гарантирует ему сохранность скота и продукцию этого скота, взамен чего бедняк обязуется

[1] Погорельский и Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М. 1930 г., стр. 73, 43.

выполнять определенные повинности в качестве пастуха всего стада феодала или, как это мы обычно имели в Туркмении, оставаясь в культурной полосе, отрабатывать на полях ушедшего кочевать скотовладельца.

Мы видим здесь лишь две формы одного и того же, в сущности, явления. Ближайшую аналогию этим отношениям в области «классического феодализма» мы находим в той первичной форме феодальных отношений, которая носит название «прекария». Отсюда через бенефициальные отношения (как и в земледельческих районах) мы приходим к феоду.

На этой базе слагается господствующая в условиях «кочевого феодализма» форма кочевья, представляющего собой не что иное, как группу хозяйств, связанных между собой отношениями «саун».

В силу ограниченного максимума скота в кочевой группе, как правило, феодал разбивает свое хозяйство на ряд таких групп. В одной из них кочует он лично со своими «саунщиками», в другой — его сыновья и жены, также окруженные «саунщиками», несущими на себе всю работу по пастьбе и обслуживанию скота. И, наконец, часть зависимых людей феодала, получившая ссуду скотом (или сдавшая свой скот на выпас), обрабатывает его пашни в районе зимовок.

Такова эта первичная форма феодальных отношений в районах с преобладанием кочевого скотоводства, которая пронизывает все общественные отношения сверху донизу.

И именно в этом — корни той роли, которую получает родовая организация в условиях кочевого феодализма, причина консервации родовых пережитков.

Отношения «саун», как и вообще почти все формы феодальной эксплуатации в кочевых районах, восходят генетически к перенесенным через рабовладельческую стадию пережиткам экономики первобытного коммунизма, формам родовой взаимопомощи, превращающимся здесь в свою собственную противоположность. То, что получает здесь характер формы кабальной ссуды, формы внеэкономического принуждения, орудия получения феодальной ренты, восходит к архаическим формам помощи рода своему малообеспеченному члену. Сущность переворота заключается в том, что здесь вместо *рода*, помогающего своему члену, выступает *крупный собственник скота*, выросший на дрожжах рабовладельческого хозяйства. Мы имеем здесь узурпацию функций родовой взаимопомощи растущим феодалом.

И на этой, превращающей пережитки родовой взаимопомощи в орудие закрепощения простейшей форме феодальной ренты вырастает целая пирамида разнообразных ее форм — натуральных повинностей, таможенных и судебных пошлин, баналитета и т. п., причем все они своими корнями оказываются восходящими к тем же, превращенным в собственную противоположность формам родовой взаимопомощи, узурпированной феодалом.

Так, киргизский манап берет в свои руки организацию помощи

пострадавшим от стихийных бедствий (пожара, наводнения, падежа), помощи бедняку в обзаведении хозяйством, уплате калыма и т. п. (так наз. «джуртчилик» или «сельвик). В этих целях он производит сбор с населения, львиная доля которого, естественно, попадает ему в карман. Он берет на себя организацию общественных праздников («той»), естественно, собирая то, что для этого необходимо, с населения.

А так как «общественные угощения», устраиваемые феодалом за счет своих «подданных», дают ему право требовать взаимности, то вырастает институт сбора «подарков» в пользу манапа, «добровольных приношений» «благодарного населения» по случаю свадьбы манапа, рождения у него сына, просто приезда к нему гостей и т. д. и т. п.

Увенчивает все эти многообразные формы ренты систематически собираемый в пользу манапа налог — «салык».

Именно этот факт облечения феодальной ренты в традиционную мистическую оболочку «родовой взаимопомощи» обусловливает крепость и устойчивость родовых пережитков в условиях вполне сложившегося феодального общества. Этим же определяется та роль, которую родовые пережитки играли и продолжают играть в процессе классовой борьбы в кочевом и полукочевом ауле. «Род» и феодализм сосуществуют не отдельно один от другого. Они органически слиты в одно целое. «Род» перестал быть родом в собственном смысле — он превратился лишь в форму развития феодального общества, скрывая внутри себя глубоко развитые антагонистические отношения.

В известном смысле роль «рода» в кочевых районах можно сопоставить с ролью сельской общины в земледельческих районах феодального Востока.

Строго говоря, и кочевой род давно перестал быть действительно кровнородственным объединением, как мы это уже пытались показать выше. Но специфические условия кочевого хозяйства с его недостаточно прочными территориальными связями обусловливают то, что сельская община облекается в традиционную форму рода.

Наиболее сложным вопросом «кочевого феодализма» является вопрос о формах феодальной земельной собственности в кочевых районах. Для того чтобы вскрыть эти формы, мы должны уяснить себе основное положение — именно тот факт, что земельная собственность в скотоводческих районах выступает в осложненной форме. Процесс формирования феодальной земельной собственности начинается в сфере наиболее интенсивных областей хозяйства кочевников — в области сопутствующего скотоводству земледелия в районе зимовок. Здесь феодальная собственность на землю выступает в своей неприкрытой форме очень рано, причем родо-племенные традиции облегчают захват феодалами земель. Так, у киргизов еще в кокандский период мы встречали крупные помещичьи хозяйства, обрабатываемые барщинным трудом.

Рубрук, описывая хозяйство монгольской аристократии XIII в.,

пишет: «Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляются просо и мука». [1]

Казакские султаны малой орды в конце XVIII в. — нач. XIX в. имеют поместья, зимние жилища и пашни, обрабатываемые рабами и тюленгутами, на западном берегу Урала (хан Нурали, султан Каратай и др.). [2]

В сфере скотоводческого хозяйства этот процесс оказывается осложненным отношениями по скоту, на которых мы останавливались выше. *Номинально* летние пастбища, территория кочевий, продолжают оставаться родо-племенной собственностью еще очень долго. Но *фактически* они оказываются безраздельным владением того слоя, который монополизирует в своих руках владение скотом. Здесь, таким образом, *фактическая власть над людьми*, право сбора феодальной ренты, сложившаяся в области отношений по владению скотом и оформившаяся в районе зимовок в законченные формы феодальной земельной собственности, продолжает сочетаться с *юридической фикцией* родо-племенной собственности на землю. Но насколько это действительно является фикцией, говорит нам то, что, например, киргизский манап в полной мере реализует право феодальной собственности и на территории пастбищ.

Мы знаем факты передачи пастбищ (вместе со скотом и его владельцами — «букарой») одним киргизским феодалом другому, например, в качестве уплаты калыма. Так, как передает Погорельский, [3] вскоре после русского завоевания манап Байзак отдал в качестве калыма за дочь манапа Медета часть джяйляу на Сусамыре.

Эта феодальная собственность на территорию пастбищ Киргизии находит свое наиболее завершенное выражение в праве манапов сбора «отмай» — арендной платы за право пользования пастбищами сферы своего влияния. Этот «отмай», собираемый с представителей посторонних родов и племен, целиком поступает в пользу манапа. [4] Это еще раз демонстрирует нам фиктивность «родо-племенной» собственности на землю, ее полное несоответствие реально сложившимся отношениям.

На этой базе слагается вся система феодального общества — отношения вассалитета, сословное членение общества, — типичные формы феодального государства. Особенно яркий пример мы имеем в обществе казаков. [5]

Феодальная аристократия здесь была обособлена в особое, противостоящее «массе» черной кости», «кара-суэк», сословие «тюря», считавшее себя особым родом, ведущим происхождение от Чингисхана. «Султаны» и «ханы», господствовавшие над отдельными родами и племенами «черной кости», не принадлежали к составу этих

---

[1] Rubruquis, ук. соч., стр. 35.

[2] Рязанов, 40 лет борьбы киргизского народа за независимость.

[3] Погорельский и Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана.

[4] Там же, стр. 147.

[5] Ср. Левшин, Описание киргиз-казачьих орд и степей, т. II, III; Хирузин, Киргизы Букеевской орды, т. I.

родов, а входили в привилегированный род «тюринцев». Именно этот «род» рассматривается как суверенный собственник всех казакских земель, находящихся во владении племен и родов «черной кости», обязанной платить феодальную натуральную ренту — «подарки» — своим султанам. Внутри тюринского сословия мы наблюдаем членение по лестнице вассальной зависимости (ханы и султаны, «чон-манапы» и «чала-манапы» у киргизов).

Рядом с сословием «тюринцев» стояло сословие «ходжей», также считавшее себя «родом», причем, как и «тюринцы», «родом» строго эндогамным — наследственное духовенство, монополизировавшее в своих руках торговлю и вместе с «тюринцами» образовавшее «белую кость».

Низшую ступень феодальной лестницы занимал «род» — сословие «тюленгутов» — тюринской челяди, слагавшейся из вольноотпущенных рабов султанов и вставших под их покровительство отдельных, потерявших связь с родами «свободных» казаков.

Это сословие «султанских людей» представляло в высшей степени противоречивую группировку: с одной стороны, в своей массе стоя очень близко к рабам (сравнительно недавно существовало клеймение тюленгутов тюринской тамгой), работая на полях султанов в качестве пастухов их стад, в качестве домашних слуг, с с другой — поставляя вооруженных дружинников и ближайших клевретов султанов, являясь в их руках военно-полицейским аппаратом против «свободных родов».

Рубрук, характеризуя хозяйство Батыя, вскрывает нам обе формы эксплуатации — эксплуатацию своих личных крепостных и «ренту-налог».

«Около своего становища на расстоянии дня пути Батый имеет 30 человек, из которых всякий служит ему молоком от ста кобылиц, т. е. всякий день он получает молоко от 3 000 кобылиц, за исключением того, что приносят другие, ибо как в Сирии поселяне дают одну треть плодов, так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ молоко каждого третьего дня». [1]

Но феодальные отношения не ограничивались отношениями лишь между тюринской аристократией и родами «черной кости».

Как мы видели выше, в форме отношений «суан» они проникали далеко в глубь родов этой «черной кости», «букары». И здесь центральной феодальной фигурой является «бай», теснее всего связанный с родовыми традициями и полнее всего их использующий в целях феодальной эксплуатации.

Сам термин «бай», разновидностями которого является «бий», «бек», тесно связан с родо-племенными традициями, восходя к имени родовых вождей и судей. Таким образом, даже в названии мы имеем отражение того же процесса превращения родо-племенных отношений в свою противоположность. Сохранение «родовой» общины и обусловливает тот перманентный процесс ее внутренней феодализа-

[1] Rubruquis, ук. соч., стр. 34.

ции, который многими исследователями принимается за признак «молодости» феодализма у казаков, киргизов, и т. п. Суть дела не в «молодости», а в том, что сохранение на протяжении столетий внутри феодального общества не разложившейся в силу условий кочевого хозяйства родовой общины, являющейся базой этого общества, обусловливает собой перманентность процесса внутренней дифференции общины, постоянного выделения ею новых и новых слоев феодалов, пополняющих собой господствующее сословие «тюринцев».

Примером этого может явиться факт, описанный Левшиным для конца XVIII в.:

«Говорят, что в последних годах минувшего XVIII столетия один богатый киргиз Меньшой орды, Дюрт — коринского рода, по имени Кара-Булат, сделал на берегу Сыра маленькое глиняное укрепление и внутри оного построил из глины же мечеть, возле которой сам жил в кибитке, посреди многих кочевавших с ним родственников. В укрепление сие, прозванное «Кара-Булат-там», т. е. «стеною Кара - Булата», и скоро развалившееся, купеческие караваны заходили покупать съестные припасы и платили владельцу за переход через его кочевье небольшую пошлину. Возле укрепления были пашни». [1]

Здесь перед нами яркий факт процесса внутренней дифференциации одного из «родов» «черной кости» и превращения «полуфеодала» - бая в законченного феодала.

Этот момент определяет, как мы попытаемся показать далее, своеобразие форм классовой борьбы в условиях кочевого феодализма.

Развитым формам феодальных отношений соответствуют также вполне развитые формы феодального государства. Киргизский манап, казакский султан опирались на отделенную от народной массы и противостоящую ей вооруженную силу — своих дружинников-джигитов, вооруженной «челяди», в значительной мере вербовавшейся, как уже указывалось выше, из рядов тех же «тюленгутов». Народное ополчение выступало лишь в период крупнейших военных столкновений. В этом — одно из крупных отличий рабовладельческой и феодальной стадий в развитии обществ кочевников: на первой, несмотря на наличие аналогичных «дружин», на которые опираются представители рабовладельческой аристократии, и, как мы имели это у рабов, общинной полиции из рабов, решающую роль продолжает играть вооруженная сила всех активных граждан, противостоящая рабам и неполноправным членам общин.

Государственная власть расчленена по типично феодальному принципу в соответствии с отношениями вассалитета. Над «родовыми» полуфеодалами — баями и батырями — стояли в казакском обществе султаны — тюринцы, находившиеся в вассальной зависимости от ханов казакских «орд» («джуз») или от феодалов Коканда, Хивы и т. д.

---

1 Левшин, Описание киргиз-кайсакских (или киргиз-казачьих) орд степей, т. III.

Этот момент помогает объяснить нам то заблуждение, в которое сплошь да рядом впадали исследователи, находившие государства у киргизов, казаков и т. д., исследуя их в эпоху после русского завоевания.

Это завоевание и политика царизма, направленная к снятию верхних звеньев феодальной лестницы за счет укрепления влияния царизма на низшие звенья (ср., например, систему административного управления Степными областями до реформы Сперанского, после нее и после введения «Степного положения»), вели к тому, что функции верхних ступеней этой лестницы переходили к Российской военно-феодальной империи, выступавшей в качестве сюзерена мелких феодалов и полуфеодалов степных областей. Но уничтожение ханата (реформа Сперанского) и султаната («Степное положение») отнюдь не означало уничтожения феодализма, так как экономическая основа этого феодализма внутри самого аула, вскрытая нами ранее, осталась нетронутой, не только не уничтожаясь, но консервируясь и укрепляясь всей политикой царизма.

Основное противоречие феодальной формации — противоречие между мелким производством непосредственных производителей, растущих в сторону мелкотоварного производства, и феодальной собственностью, кладущей преграду этому росту и превращающейся, таким образом, на определенном этапе в тормоз развития производительных сил, — находит свое выражение в классовой борьбе между массой непосредственных производителей — крестьян - скотоводов — и феодалами. Но отмеченная выше роль неразложившейся «родовой» общины с ее внутренней тенденцией феодальной дифференциации накладывает своеобразный отпечаток на историю классовой борьбы в районах кочевого скотоводства и определяет собой относительную застойность обществ кочевников. Стихийное движение масс непосредственных производителей против феодальной аристократии неизменно выносит на своем гребне представителей растущей внутри родов полуфеодальной прослойки, что ведет в конечном итоге, даже в случае победы движения, к смене одной «генерации» феодальной аристократии другой. Таким образом, баи родов и вожди «родовой» полуфеодальной аристократии — «батыри» — используют освободительную борьбу крестьян в своих целях. Вместо разрешения основного общественного противоречия мы имеем разрешение относительного противоречия между двумя фракциями феодалов: обособившейся от родов непосредственной законченно-феодальной аристократии, эксплуатирующей «родовые» общины через «ренту - налог», и растущими постоянно внутри «родов» «полуфеодалами», широко использующими в целях эксплуатации узурпированные ими традиции родовой взаимопомощи. Ярким примером такой борьбы является борьба «батырей» и «султанов» в истории казакского общества. В итоге мы имеем возвращение к исходной точке процесса и повторение его на высшей основе — характерная черта классовой борьбы на Востоке вообще, отмеченная еще Энгельсом в «Первоначальном христианстве».

IV

Нам остается коснуться еще одной проблемы, составляющей одну из важнейших частей общей проблемы «кочевого феодализма». Это — проблема взаимоотношения кочевых, скотоводческих, и оседлых, земледельческих и городских, элементов обществ Востока, которую мы уже затрагивали вначале.

Правильное разрешение этой проблемы одно лишь может вскрыть сущность пока не затронутого нами противоречия, одинаково характеризующего и рабовладельческую и феодальную стадии развития всех обществ, в том числе и обществ «кочевых». Это — противоречие, возникающее в результате отделения ремесла от сельского хозяйства, противоречие между городом и деревней.

Рассуждение об «обществах, не имеющих городов», которыми нам хотят представить наших кочевников, основано на грубо механистическом разрыве единого целого, которое представляют собой внутренние дифференцированные на кочевую и земледельческую часть общества, и означает тенденцию выдать часть за целое. Сильное развитие городов, являющееся характернейшей чертой всей истории Востока, отнюдь не является продуктом развития только земледельческой части обществ Востока. Наоборот, в условиях замкнутого общинного хозяйства это развитие было бы просто невозможным. Возникновение восточных городов целиком и полностью обусловлено именно «первым крупным общественным разделением труда» — отделением кочевников от земледельцев. Возникающий на этой ступени город как центр натурального обмена между скотоводами и земледельцами является тем звеном, которое сохраняет внутреннюю связь общества.

В сферу этого обмена, стержнем которого является обмен продуктами обоих отраслей сельского хозяйства, с самого начала входит и обмен продукцией локальных ремесл, связанных обычно с центрами сырья (керамика, металлургия, деревообделочное производство, с одной стороны, продукция обработки шерсти и кожи — с другой), имеющий глубочайшие традиции еще на сравнительно ранних этапах доклассового общества и блестяще описанный для Меланезии Малиновским в его «Аргонавтах». [1]

При этом именно кочевники в силу более односторонней специализации их хозяйства, в силу обусловленной самим хозяйством подвижности и, наконец, в силу легкой отчуждаемости их основного средства (и одновременно продукта) производства — скота — становится, как этоуказывал еще Маркс, основной силой, движущей развитие обмена. Как это ни парадоксально, но именно кочевники оказываются в первую очередь носителями «городского уклада» в истории восточных обществ, именно из их среды выделяются первые представители пресловутого восточного «торгового капитала».

«Кочевые народы первые развивают у себя денежную форму, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непо-

[1] Malinowsky, Argonauts of the western Pacific.

средственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов». [1]

Этот процесс, приводящий в силу локализации мест обмена, в виде знаменитых «восточных базаров», к постепенной локализации конечных стадий производственного процесса локальных ремесл, обслуживающих кочевников, в тех же пунктах обусловливает формирование ремесленно-торгового города как основного звена, связывающего обе половины общества.

Этим объясняется необычайно раннее появление «торгового капитала» на Востоке, его крупная роль в жизни восточных обществ и, вместе с тем, тот решающий факт, что этот «торговый капитал» отнюдь не является инструментом «разложения» феодализма, напротив — он выступает как реакционный фактор, консервирующий создавшиеся отношения примитивного межобщинного разделения труда. Поэтому все наиболее яркие проявления классовой борьбы в истории восточных народов — крестьянские войны, цеховые движения, борьба городов против феодальной зависимости и т. п. (движение «сарбедаров» 1337 г., восстание ремесленников Самарканда 1367 г. и т. п.) — оказываются бесплодными, не приводя к тем результатам, к которым они приводят на Западе, так как неизменной остается база восточного феодализма в сфере сельского хозяйства— община (сельская в земледельческих и «родовая» в скотоводческих районах).

Роль городов в хозяйстве кочевников чрезвычайно ярко вскрывается в истории возникновения в центре «кочевой империи» Чингисидов крупнейшего торгово-ремесленного центра — города Каракорума, сконцентрировавшего в своих стенах лучших представителей ремесла с огромной территории — от Германии до Китая, [2] и не менее быстрое формирование аналогичных центров в западном улусе империи — в Золотой орде.

Это отношение трех элементов: города, деревни и кочевого аула, как на рабовладельческой, так и на феодальной стадии вскрывается внутри простейшей клеточки общества — низовой общине, с ее дифференциацией на чомуров и чорву и с торгово-рабовладельческим характером ее аристократии.

Оно не является, таким образом, лишь внешним по отношению к каждой отдельной слагающей общество территориальной единице. Оно является проекцией на отношения внутри крупного территориального объединения, отношения, существующие в зачатке внутри каждой из его ячеек.

Мы переходим ко второму моменту в отношениях между кочевой и оседлой частями общества, представляющему особый интерес в связи с новейшей ревизией марксистско-ленинского учения о государстве,— к пресловутой «теории завоевания» Каутского, Кунова и др.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1932 г., стр. 45.
[2] Ср. Rubruquis, ук. соч., стр. 112, 113 и др.

Основными аргументами в концепции Каутского являются факт зависимости земледельцев от кочевников на ранней стадии развития общества (факты берутся им из Африки) и факты завоеваний «кочевниками» «земледельческих» государств на более поздней стадии (факты берутся из истории Азии). Отсюда теория о происхождении классов и государства из завоевания общиной кочевников, превращающейся в господствующий класс, общины земледельцев, становящихся крепостными.

Мы, прежде всего, должны категорически отвергнуть отожествление двух явлений — «африканского» и «азиатского»,— которое лежит в основе концепции Каутского. Первое является более ранним явлением, и попытка объяснить первое вторым, в свою очередь нуждающимся в объяснении, есть злейшее насилие над исторической действительностью.

Процесс создания кочевой аристократии, противостоящей зависимой оседлой части общества, как показывает наш анализ туркменского общества, есть процесс внутренней дифференциации земледельческой скотоводческой общины. Монополизация скотовладения аристократической верхушкой общества делает только для нее возможным и нужным кочевое хозяйство. Посаженные на землю рабы, вольноотпущенники и лишившиеся скота клиенты составляют постоянное население земледельческих деревень, куда на зиму прикочевывает скотовладельческая аристократия, кочующая с другой частью своих рабов и клиентов.

Повидимому, аналогичные явления имели место и там, где скотоводство вовсе не господствовало над земледелием. Так, нам известны кочевания болгарской аристократии, своеобразный «кочевой быт» древнеперсидских царей и абиссинских негусов и т. п. *Гигантское скопление скота в руках правящей аристократии в условиях экстенсивного скотоводства неизбежно превращало эту аристократию в «кочевников» вне всякой зависимости от того — были или нет кочевниками ее предки.*

Совершенно иное явление представляют собой «кочевнические завоевания». Наш предыдущий анализ, показавший *единство* восточных обществ, объединяющих внутри себя кочевую и оседлую часть, позволяет нам рассматривать эти завоевания не как столкновение двух обществ, а *как особую форму классовой борьбы внутри единого общества*. Именно так смотрел на этот вопрос Энгельс, формулируя свою точку зрения в «Первоначальном христианстве».

Кочевнические завоевания представляют собой проявления классовой борьбы на гораздо более поздней стадии — на той стадии, когда центром объединения правящей аристократии (как на рабовладельческой стадии, так и на феодальной, несущей в себе, как мы показали выше, крупнейшие пережитки рабовладельческого хозяйства) становится *город*. Кочевнические *завоевания* суть реализация противоречия *между городом и деревней* или, точнее, между объединившимися в господствующее сословие феодалами, живущими за счет «ренты - налога», и массой непосредственных производителей,

возглавляемых, как мы это вскрыли выше, полуфеодальной верхушкой родовых общин, использующей в целях эксплуатации и господства родо-племенные традиции. (На рабовладельческой стадии это — восстание экспроприируемых городской торгово-рабовладельческой аристократией родовых общин, возглавляемое «своими», связанными с общинами вождями - рабовладельцами).

Итогом, как мы уже показали выше и как раньше показал это Энгельс, являются лишь смена правящей верхушки и повторение процесса на высшей основе.

Совершенно не случайным является совпадение кочевнических завоеваний с наиболее острыми моментами классовой борьбы и внутри земледельческой и городской части общества.

Так, движение гиксов, «завоевание» ими Египта совпадает с глубочайшим обострением классовой борьбы в эпоху «Среднего царства». «Бедуинское завоевание» Сирии, Египта, Северной Африки совпадает с глубоким кризисом рабовладельческого общества Средиземноморья. Завоевания сельджуков совпадают с длительной полосой гражданских войн, разрушивших халифат. Завоевания караханидов падают на эпоху наибольшего обострения классовой борьбы в городах Маверанагра и т. д. и т. п.

Это отнюдь не исключает «завоеваний» и на более ранней стадии, на стадии становления классового общества. Наоборот. Самый процесс классовой дифференциации неизбежно обусловливает завоевание, обеспечивающее приток рабской силы и материальных ценностей в руки господствующей аристократии. Классовое общество не может сложиться на племенной территории. Оно неизбежно требует расширения территориальных связей в интересах господствующей аристократии, и инструментом этой экспансии являются завоевательные походы.

Но, как правило, закономерности в смысле определения здесь отношений между номадами и земледельцами установить нельзя. Так, государство тугю, например, направляет свои главные завоевательные удары против таких же «кочевников» — тюргешей, токуз-огузов и т. п. Хунны ведут завоевательные войны против юе-чжи. Первый и основной удар монгольского государства в Восточной Европе был направлен против кипчаков. Войны зулу ставили своей целью объединение под властью зулусского государства в первую очередь именно скотоводческих племен восточной части Южной Африки.

Таким образом, если Каутский, Кунов и другие объясняют завоеванием процесс возникновения классов, подводя этим базу под социал-фашистскую концепцию исторического процесса, для нас исторические завоевания сами объясняются из классовой борьбы как на этапе становления классового общества, так и в его дальнейшем развитии, в связанных между собой взаимно обусловленных кочевых и земледельческих компонентах единого общества.

Процесс завоевания не может рассматриваться и как механическое столкновение двух этнических образований или расовых групп,

как это рисуют нам буржуазные и социал-фашистские историки. Напротив, как правило, процесс завоевания одновременно является процессом этногенизиса. Завоевательные «народы» Восточной и Южной Африки представляют собой создающиеся в процессе самого завоевания и крайне быстро оформляющиеся этнические новообразования, сочетающие в себе разнообразнейшие этнические элементы.. В этом свете мы должны рассматривать и проблему генезиса тюркских этнических образований.

Подводя итоги, мы должны констатировать, что весь процесс развития феодализма кочевых народов, также как феодализма земледельческого Востока, базирующегося на сохранении общин, и обусловленное этим своеобразие форм классовой борьбы, которые не приводят к разрешению противоречий, заложенных в развитии феодального общества,— процесс этот является косвенной причиной того, что империализм застал эти общества на стадии феодальной. Только пролетарская революция разрешила эту задачу ликвидации феодализма как по отношению к земледельческим, так и «кочевым» народам.

В настоящее время «родовые пережитки» выступают как наиболее опасное для нас оружие в руках классового врага, пытающегося на новой стадии классовой борьбы использовать их для борьбы против социалистического строительства. Поэтому проблема «кочевого феодализма» приобретает сейчас политически особенно важное значение, и задача его правильного разрешения, требующая мобилизации максимума внимания наших научно-исследовательских сил, есть вопрос не теории только, но и, в первую очередь, нашей революционной практики.

ПРЕНИЯ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Вопросы истории феодализма у народов Востока

А. Ю. Якубовский

Я хочу высказаться по вопросу о рабстве на передне- и среднеазиатском Востоке в VII—XIV вв. в связи с проблемой спецификума восточного феодализма и тем самым коснуться ряда положений, которые выдвинул в своем докладе т. Толстов.

Одной из наиболее важных проблем советского востоковедения является проблема спецификума феодализма на Востоке, ибо в связи с ней решается труднейший вопрос о степени и характере застойности так наз. азиатских обществ. Едва ли сейчас кто-либо из марксистов-историков примет установившуюся в буржуазной науке точку зрения на восточные страны как на общества абсолютно застойные. Принять такой взгляд — это значит утверждать, что Восток без вмешательства посторонней силы не может самостоятельно подняться на высшую ступень общественного развития. Нужно ли говорить, что эта точка зрения не выдерживает никакой критики и объективно может быть полезна только колониальной политике империализма. Однако отрицать некоторую застойность восточного общества, что так четко формулировали еще классики марксизма, не приходится. К сожалению, еще недостаточно выявлены размеры, характер и причины этой застойности.

Задачей своего краткого сообщения я и ставлю — вскрыть одну из причин относительной застойности восточного феодализма и тем самым выявить одну из наиболее специфических его черт. Я имею в виду непреодоленное на феодальном Востоке рабство. Обычное представление о рабах на Востоке сводится к тому, что там рабство носит домашний характер и не затрагивает прямым образом основы производства.

Я позволю привести себе некоторое количество фактов, которые с достаточной убедительностью покажут, что в условиях феодальных отношений на передне- и среднеазиатском Востоке мы имеем не только домашнее рабство, но и рабов, которые широко используются в производстве. В самых разнообразных источниках из разных эпох, для разных областей Востока мы имеем ряд фактов, говорящих нам, что рабы употреблялись на полевых работах, в садах, на оросительных работах, на очистке орошаемых площадей от солончаков, на добыче селитры, в рудниках, в ремесле, не говоря уже об обслуживании торговли, в войске и т. д. Время, которое я затрону, захватывает почти целое тысячелетие — с конца VII в. и до конца XIV в.

Итак, перейду к фактам. В 70-х годах VII в. арабы, как известно,

взяли первый раз Бухару. Во главе арабского отряда стоял Саид-ибн-Усман, бывший тогда эмиром Хорасана. Родом он был из окрестностей Медины, где и являлся крупным землевладельцем. При взятии Бухары он захватил много пленных и некоторое количество заложников из богатых, влиятельных дехкан. Все награбленное имущество он погнал с собой в Хорасан, а оттуда отправил к себе на родину, в Медину. Вот что пишет по этому поводу Нершахи в своей истории Бухары (написана в середине X в.): «Когда Саид приехал в Медину, он приказал своим гуламам, чтобы они сняли с заложников шемширы (кривые сабли) и пояса, а также отобрали все, что у них было, а именно: дорогие платья, золото и серебро. Затем надели на них грубое шерстяное платье и заставили работать в поле в качестве обрабатывающих землю. Заложники были крайне удручены и говорили про того человека: какое унижение осталось нам еще, которому бы он (Саид) не подверг нас. Он обратил нас в рабство (употреблено бесспорное слово бандаги) и поручил нам очень тяжелую работу». [1] Приведенное место не вызывает никакого сомнения. Бухарские дехкане в окрестностях Медины были обращены Саидом в рабов и отправлены работать на поля. Уже этот факт говорит о том, что в феодальной, вернее, феодализирующейся Аравии конца VII в., рабство, связанное в какой-то мере с основой производства, было налицо. Но не только арабские завоеватели, покоряя Среднюю Азию, вывозили рабов или людей, обращаемых впоследствии в рабов, но и самые дани, которые собирались в VIII в. с областей Мавераннагра, строились так, что наряду с зерном, хлопком-сырцом и тканями шли в большом количестве рабы и рабыни. Об этом совершенно определенно говорит хорошо осведомленный Белазури в своем труде «Книга завоеваний стран». [2]

Позволю себе по поводу рабства в Аравии и Сирии привести несколько замечаний о начале ислама буржуазного востоковеда H. Lammens, чьи глубокие знания фактического материала не вызывают сомнений. «К вышеуказанным источникам завоеватели (арабы) еще прибавят владения огромными количествами рабов. Некоторые цифры позволяют представить, насколько велико было у арабов распространение рабства и какую значимость имел рабский труд. Моавия I насчитывал 4 000 рабов только в своих владениях в Аравии. Jéménite Dhou'l Kala, сирийскому вождю, приписывалось освобождение 10 000 рабов. Эти несчастные сидели или на землях, которые они обрабатывали, или занимались ремеслами, доход с которых шел рабовладельцу». [3]

Наиболее яркий факт, чтобы не сказать больше, из жизни Аббасидского халифата второй половины IX в., на который мельком указывал Толстов, — так называемое восстание зинджей в Ираке, — со всей категоричностью ставит вопрос о роли рабского труда в производ-

[1] Нершахи, изд. Schefer'a, персидский текст, стр. 39, а также Белазури, стр. 406, 408.

[2] Белазури, стр. 405.

[3] H. Lammens, La Syrie, т. I, 1926 г., стр. 123.

стве наиболее богатой части халифата — в Ираке. Зинджами, как известно, назывались в халифате черные рабы с восточного берега Африки. Многие тысячи их работали в разных частях Ирака на самых тяжелых видах работ. Согласно арабским источникам, мы их видим в поле, в рудниках, на добыче селитры и в качестве силы, которая в ужасающе тяжелых условиях подготовляет путем очистки от солончаков годные для орошения новые земли. В 70-х годах IX в. (собственно говоря, еще в 869 г.) рабы эти под предводительством гениального своего вождя Али-ибн-Мухаммеда, араба, родом из окрестностей селения Теграна, подняли одно из самых грандиозных восстаний рабов. Восстание это продолжалось около 15 лет, образовало целое государство, вело войны, расширяло свою территорию, строило свои своеобразные города со столицей Мухтара, недалеко от знаменитой тогда Басры (Мухтара примыкала к западному берегу Тигра), имело хорошо вооруженное войско и не раз держало халифат (мировую тогда державу) в страхе и заставляло его мобилизовать против себя огромные силы. О восстании зинджей есть исследование недавно умершего крупнейшего немецкого ориенталиста Нельдеке,[1] работа которого при ряде больших достоинств не может, однако, удовлетворить нас не только своими установками, но и не до конца использованными источниками. В мою задачу не входит давать хотя бы краткую характеристику этому примечательному восстанию рабов. Мне только хочется остановить внимание нашего пленума на некоторых чертах, которые связаны с поднятым мною вопросом. Начали восстание те группы зинджей, которые работали в окрестностях Басры по очищению огромных площадей так наз. «мават» («мертвых земель») от солончака, чтобы сделать их годными к орошению и тем самым к плодородию, по добыче селитры. Группируемые в огромные массы повстанцев, они быстро вобрали в себя и другие категории иракских рабов, и характерно, что высылаемые против них войска из гуламов, в состав которых входили и черные рабы с африканского побережья, не раз целыми отрядами переходили на сторону зинджей. Именно этим и можно объяснить, что последние образовали такое сильное, дисциплинированное войско, которое могло завоевывать целые области халифата, как Хузистан с городами Ахваз и Шустер, или брать нападением огромные города, как Басра. Каков был характер войска из гуламов (рабов) в Багдаде начала IX в., видно, хотя бы, из следующего стихотворения (касыды) поэта Ал-Хурейми, умершего в 815—816 гг., относящегося к периоду гражданской войны (борьба Мамуна с Амином).

«Где евнухи и чернь? Где его жители и застраивающие его? Где преторианцы — славяне и бегущие (по улицам) вислогубые абиссинцы? Войско откололось от свиты. Исхудалые, бродят они (по Багдаду

---

[1] Th. Nöldeke, Orientalische Skizzen. Ein Sklavenkrieg im Orient, стр. 153—185.

небольшими) отрядами. Берберские его отряды перемешались с синдскими, хиндскими, славянскими и нубийскими». [1]

Не менее характерны и такие факты, как то обстоятельство, что восставших черных рабов поддерживали соседние бедуины, вводя в их войска нужную им конницу. Зинджи находили сочувствие и в иракском крестьянстве, доставлявшем нужные им сельскохозяйственные продукты, хотя Али-ибн-Мухаммеду так и не удалось, несмотря на ряд переговоров, привлечь на свою сторону ремесленников таких крупных иракских городов, как Басра и Васит. Насколько укреплена и сильна была выстроенная зинджами их столица Мухтара, видно из того факта, что фактический правитель халифата Муваффак в течение трех лет (с 881 по 883 г.) с огромной, свыше чем пятидесятитысячной армией, снабженной метательными и стенобитными машинами, судами-крепостями и судами легкого типа, осаждал этот город. Против Мухтары на восточном берегу Муваффак выстроил даже целый город, который в честь Муваффака носил имя Муваффакия. Восстание рабов, которое так блестяще разворачивалось, в конце концов было ликвидировано, хотя и не прошло бесследно. После него мы в Ираке не видим такой массы рабов на тяжелых работах. Удельный вес рабского труда в производстве значительно упал. Однако, насколько и в IX в. рабство было здесь привычной формой эксплуатации, видно хотя бы из того факта, что зинджи пленных из господствующего класса в свою очередь обращали в рабов. С другой стороны, и те бедуины, которые одно время их поддерживали, после разгрома восстания захватили часть бежавших зинджей и обратили в рабов. Едва ли кто-либо при характеристике общественного строя Аббасидского халифата может пройти мимо такого важного факта, как широкое использование рабского труда на тяжелых работах в сельском хозяйстве в специфических условиях искусственного орошения. А между тем никому, кто знаком с историей халифата, особенно Аббасидского, не придет в голову, что общественная структура халифата, в том числе и Месопотамии, покоилась на господствующем рабовладельческом способе производства. Рабство в халифате было только укладом, удельный вес которого, как выше было сказано, резко пал после восстания зинджей. Особо стоит вопрос о генезисе этого уклада. Откуда он идет, занесен ли он сюда античностью (вспомним мысль К. Маркса, что иногда «народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства» [2]) или уходит корнями в глубокое прошлое, что наукой еще не решено, хотя В. В. Струве и претендует (правда, без достаточной убедительности) на полное его разрешение в смысле рабовладельческого способа производства древней Месопотамии. Но как бы мы ни решали этот вопрос в жизни своеобразных форм восточного феодализма, рабство было, несомненно, задерживающим фактором, ибо наличность рабского труда,

[1] В. А. Эберман, Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда, Записки Коллегии востоковедов, V, стр. 446.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1932 г., стр. 29.

хотя бы и не ведущего, не могла не закрывать выхода к поступательному движению восточного феодализма.

От того же IX и X вв. у нас есть много сведений в источниках о тех областях Востока, откуда поставлялись в большом количестве рабы. В этом отношении нам особенно интересными представляются кочевые и полукочевые общества Средней Азии и Юго-восточной Европы. Известно, что кочевники (перечисляю с юго-востока на северо-запад) — карлуки, токуз-огузы, гузы, печенеги, башкиры, хазары, буртасы, мадьяры, а также и оседлые народы — булгары, славяне и мало еще изученные русы — были огромным резервуаром, откуда поставлялись в земледельческие области Средней и Передней Азии рабы. По словам Энгельса, до определенного времени «для военнопленных не находили никакого употребления; поэтому их просто убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «экономического развития пленники приобретают цену, им оставляют жизнь и пользуются их трудом ..... Рабство было найдено».[1]

У нас нет никаких данных утверждать, что перечисленные кочевники, вернее — полукочевники, в указанную эпоху или ей предшествующую свою производственную жизнь строили на рабском труде как на ведущем способе производства, и, наоборот, есть ряд данных считать эти общества феодальными. Тем не менее, отрицать и у них рабство, даже выходящее за пределы домашнего, не приходится. Однако не будет ошибкой, если мы возьмемся утверждать, что добыча пленных для обращения их в рабство в ту лучше других освещенную нарративными источниками эпоху было повседневным и широко распространенным фактом. Начну с отдаленных от Востока областей Европы. По словам арабского географа начала X в. ибн-Русте, у русов были рабы, причем он особенно отмечает, что во время войн, которые они постоянно ведут, они побежденных обращают в рабство.[2] В одном месте он даже рассказывает: «они (русы) нападают на славян, подъезжают к ним на судах, выходят на берег и захватывают в плен людей, которых и отправляют затем в Хазаран и к булгарам и продают там.[3] Выше мы видели этих славян в качестве отборных гуламов в войске халифа в Багдаде. Даже совершая далекие походы, — таков, например, известный поход русов на албанский город Берда в 943/44 г., — русы не отказывались от обращения жителей покоренных мест в рабов. Читая интересный текст ибн-Мискавейха,[4] посвященный описанию этого похода, невольно одной чертой сходства вспоминаешь Анабасис Александра у Арриана. И тут и там мы видим, как воинственные победители, грабя город,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 183.
[2] Ибн-Русте, B.G.A., VII, стр. 145—146.
[3] Там же, стр. 145; Д. А. Хвольсон, Известия о хазарах, буртасах ... ибн-Даста, стр. 35.
[4] См. мою статью «Ибн-Мискавейх о походе русов на Берда в 943/44 г.», Виз. врем., изд. Ак. наук СССР, XXIV.

захватывают в рабство и его жителей. По словам вышеупомянутого ибн-Русте, добычей рабов занимаются и мадьяры (они жили тогда к северу от Черного моря). Объектами нападения являются по преимуществу также славяне, которых они выменивают у греков на парчу, пестрые шерстяные ковры и прочие товары. То же можем мы сказать и о булгарах, хазарах, буртасах, а особенно о башкирах и печенегах. По словам персидского автора XI в. Гардизи, осведомленность которого о кочевниках хорошо известна специалистам, кочевники пленных своих продают в рабство. Так, рассказывая о печенегах, он отмечает: «с каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока — кыпчаки, с юго-запада — хазары, с запада — славяне; все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают (в рабство)»;[1] отмечает он аналогичные факты и относительно других народностей, например, киргизов.[2] Все добытые войной рабы в пределах степной полосы Юго-восточной Европы свозились в Итиль. Торговая часть Итиля, известная под именем Хазаран, была крупнейшим на юго-востоке Европы рынком рабов. Отсюда на судах рабов огромными партиями свозили в Дербенд, про который все арабские географы говорят, что главное место в торговле его порта занимают рабы и славянский лен. Как дальнейший на путях из Юго-восточной Европы в Переднюю Азию крупный невольничий рынок известен был остров Сари у Мазандеранского — Табаристанского тогда — берега Каспийского моря. Отсюда они и распределялись по преимуществу в западные области — в долину Тигра и Ефрата и дальше, хотя часть их шла и в области собственно Персии. Географ IX в. ибн-Хордадбех подчеркивает, что рабы употреблялись даже в обслуживании караванной торговли. Нельзя, однако, не отметить одной характерной черты: рабы из славян и тюркских кочевников употреблялись на тяжелые работы в меньшей мере, чем зинджи или абиссинцы. Славян еще употребляли в полевых работах, а что касается тюрков, то они ценились главным образом в качестве гуламов, о чем я еще буду говорить ниже.

Та же картина добычи пленных и обращения их в рабство в целях сбыта на невольничьи рынки восточных городов наблюдается и среди кочевников Средней Азии. Про каждый из народов, населявших степи от Каспийского моря и до Кашгара, мы можем сказать, что своих пленных они свозили в пограничные города, где и продавали в рабство. Наиболее крупными невольничьими рынками были Ургенч в Хорезме и Исфиджаб (недалеко от нынешнего Чимкента в Казакстане). Средняя Азия была не только потребителем рабского труда, но и мощным резервуаром, из которого рабы в большом количестве поступали в западные области Передней Азии. Часть рабов оставалась в самом Мавераннахре, главная же масса направлялась в качестве отборной военной силы ко дворам

---

[1] Гардизи, перевод В. В. Бартольда, стр. 120.
[2] Там же., стр. 109.

феодальных государей, а то и просто телохранителей при отдельных феодалах. Известно, что в ряде среднеазиатских городов были настоящие школы, где обучали молодых отборных тюркских рабов военному делу. Низам-ал-Мульк, даровитый везир сельджукских государей, в своей «Сиасет-Наме» (конец XI в.) оставил нам описание карьеры такого гулама — раба-воина, почти всегда становящегося вольноотпущенником. Хорошо вышколенные, они при дворах крупнейших государей играли роль настоящей гвардии, доставлявшей, впрочем, много хлопот своим вмешательством в политические дела. У нас даже есть сведения, во сколько оценивался такой гулам, когда он был подготовлен уже к отправлению военной службы. Ибн-Хордадбех, приводя перечень ежегодной дани, которую тахирид Абдаллах выплачивал в казну халифа, говорит о 2 000 рабов из гузов стоимостью в 600 000 дирхемов. Отсюда ясно, что цена на гулама в Средней Азии определялась в 300 дирхемов, т. е. 75 рублей золотом. Саманидское правительство великолепно учитывало свою выгоду как монополиста по поставке гуламов и ввело на Аму-Дарье пошлину при перевозке рабов в западные области Востока. За выдачу свидетельства на право перевоза тюркского раба брали, по словам В. В. Бартольда, от 70 до 100 дирхемов. [1]

Чрезвычайно интересные сведения сообщает нам о рабском труде для первой половины XI в. известный путешественник Насире-Хосрау. Он был дебиром (финансовым чиновником) у сельджукского султана Джагрибека и проехал в течение 7 лет (1045—1052 гг.) ряд областей Востока; из Мерва достиг он Египта и вернулся через Аравию назад. В его записках («Сефер-Наме») есть очень ценное описание своеобразного карматского княжества, выросшего в процессе сложной классовой борьбы конца IX—X вв. в Бахрейне, в Аравии, на которое вскользь указывал т. Толстов. Рассказывая о его столице Лахсе (Ал-Ахса), известной иногда под именем Хеджра, а также о внутреннем устройстве самого княжества, Насире-Хосрау, которому нельзя отказать в точности описаний и острой наблюдательности, пишет: «У них (правителей Лахсы) в то время [когда он здесь был. *А. Я.*] было 30 000 невольников из негров и абиссинцев, работающих по обработке полей и в садах. С ра'ята (крестьян-подданных) правители не взимали десятины. Если кто-нибудь беднел или залезал в долги, ему выдавался (из казны) аванс, чтобы он смог выправить свои дела. Если кто-нибудь ссужал другого деньгами, то не брал с него ничего другого, кроме выданной ему ссуды. Всякому иноземцу, который прибывал в тот город и знал какое-нибудь ремесло, (правители) выдавали такую ссуду, какую ему нужно, чтобы он мог купить материалы и инструменты в его ремесле, причем он мог возвратить взятые у них деньги тогда, когда считал для себя удобным. Если у кого-нибудь из владельцев участка или мельницы владения их приходили в упадок и не было средств своими силами поднять их благоустройство, то они (правители)

[1] В. В. Бартольд, Туркестан, стр. 280.

посылали вышеупомянутых своих рабов, которые и восстанавливали эти земельные участки и мельницы, причем с владельцев их за это (правители) ничего не брали. В Лахсе есть мельницы, которые принадлежат султану [власти. *А. Я.*], на которых перемалывалась для крестьян пшеница в муку, за перемол ничего не взимали, а что касается содержания мельницы и зарплаты мельников, то она шла за счет казны султана [власть]». [1]

Ни по характеру своего выступления, ни в силу ограниченности предоставленного мне времени я не могу остановиться ни на карматах, ни на некоторых чертах их княжества, которые выступают уже даже в том кратком отрывке из записок Насире-Хосрау, которые я привел. Карматы заслуживают специального исследования, и очень жаль, что никто из наших историков не занимается ими. Мне вышеприведенная выписка нужна в данный момент только с одной стороны, а именно — показать, что в карматском княжестве рабский труд тесно связан с основой производства; и надо еще подумать над тем, какое это общество — феодальное или рабовладельческое, хотя едва ли можно сомневаться, что в остальной Аравии мы имеем феодальный строй. Как и почему здесь такую огромную роль играют рабы? Каков источник этого рабства? — Решение этого вопроса предоставим тем, кто специально им займется, мне же хочется только подчеркнуть, что рабство, выходящее за пределы домашнего, не было изжито в Аравии и в XI в. Для конца XI в. в упомянутой уже работе Низам-ал-Мулька «Спасет-Наме» мы имеем ряд указаний на наличие развитого рабского труда, используемого крупными феодалами. Приведу только один из наиболее ярких примеров. Один из крупных персидских феодалов, имевший большие земельные владения в Хорасане, Ираке, Фарсе и Азербайджане, владел 1 700 рабов из тюрков, румийцев и абиссинцев и, кроме того, 400 невольниц. [2]

Едва ли такое количество рабов могло считаться домашними рабами. Здесь приходится говорить о какой-то реальной связи с основой производства, и едва ли я сделаю ошибку, когда выдвину предположение, что рабы эти работали в сельском хозяйстве и ремесле. Несколько слов о последнем. Что в ремесле употреблялись рабы, нам хорошо было известно и раньше. Сейчас мне только хочется привести один выразительный факт из XII в., относящийся к Кавказу. В данном случае свидетелем является арабский путешественник Ал-Гарнати-ал-Андалузи, который в 20-х годах XII в. проехал через Кавказ в Восточную Европу. Имя его должно было быть хорошо известно русским историкам, ибо у него имеются хотя и краткие, но очень точные сведения о Булгаре, где он прожил несколько лет. Проезжая через Кавказ, он на некоторое время задержался в Дербенде, где был в двух селениях, носивших имя Зирие-Гаран (мастера по выделке кольчуг). Вот его подлинные

---

[1] Сефер-Наме, изд. Schefer'a, персидский текст, стр. 82—83.
[2] Низам-ал-Мульк, изд. Schefer'a, персидский текст, стр. 34.

слова: жители этих селений «изготовляют всевозможное вооружение, необходимое для войны, как то: кольчуги, латы, шлемы, мечи, копья... стрелы... и всякую утварь из меди. Изготовлением предметов этого ремесла занимаются все их женщины, их дети, их дочери, их рабы и их рабыни». [1] Здесь все четко, и ничто не может вызвать сомнений. Рабский труд, мужской и женский, употреблялся и в феодальном ремесле.

Я несколько задержался, и мне придется сократить за недостатком времени факты. Однако мимо двух из них пройти мне не хочется. Вот они. Известно, что в 1337 г. в Хорасане в классовой борьбе выросло государство сербедаров («висельников»), просуществовавшее свыше 30 лет и окончательно ликвидированное только Тимуром. Один из источников, и вместе с тем современников и свидетелей, арабский путешественник ибн-Батута, пишет о сербедарах следующее: «Напали они на город Бейхак (Себзевар), завоевали его, потом завоевали другие города, захватили имущество их, стянули войска, сели на лошадей, и Масуд [вождь их. *А. Я.*] стал называть себя султаном. Бежали тогда к нему рабы от господ своих, и каждому рабу, который бежал от них, дал он лошадь и снаряжение [или деньги — мāл]. [2]

Мне представляется, что и вышеприведенных бесспорных исторических фактов, которые подобраны только в качестве показательных примеров, вполне достаточно, чтобы ставить вопрос о рабском труде как укладе в системе феодальной формации на передне- и среднеазиатском востоке VII—XIV вв. Свое выступление я начал с того, что наличность рабства, выходящего за пределы домашнего, составляет одну их характерных и специфических черт восточного феодализма. Оспаривать эту черту не приходится. Нельзя, конечно, и преувеличивать удельный вес этого рабства как уклада в системе феодальных отношений, хотя его и вполне достаточно, чтобы при прочих условиях служить сильным тормозом, задерживающим поступательное движение производительных сил на указанных участках восточного мира. Теперь несколько слов о «прочих условиях». Всем хорошо известна точка зрения Маркса и Энгельса на роль неразложившейся общины в жизни азиатских обществ. «Там, где уцелел древний общинный быт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма. Только там, где он распался, самостоятельное развитие пошло вперед, и первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда». [3] Неразложившаяся сельская община на Востоке не дала возможности развернуться рабству в господствующий способ производства, однако она вполне терпела раб-

[1] Ал-Гарнати, изд. Ferrand, арабский текст, стр. 84.
[2] Ибн-Батута, изд. Defremery, арабский текст, т. III, стр. 65—66.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 183.

ство не только в его домашней, патриархальной форме, но и в виде рабочей силы на самых тяжелых работах (по орошению новых земель, добыче селитры, в рудниках и т. д.). История Востока пошла иными путями, чем история античности. Искусственное орошение, неразложившаяся община, которая при всех обстоятельствах воспроизводит себя в нетронутом виде, преобладание натуральной формы земельной ренты, являющейся в то же время главным элементом государственных налогов, непреодоленное рабство и, наконец, соседнее кочевое общество — вот условия и вместе с тем черты, которые придают восточному феодализму его спецификум, вместе с тем некоторую застойность.

В. И. Равдоникас

Выступающие на пленуме испытывают настоящее затруднение от изобилия докладов. Не знаешь, по какому докладу выступить. Мне придется по необходимости в первую очередь говорить по докладу т. Толстова, так как он дал явно неправильное освещение тем представлениям о скифском обществе, которые давали я и другие товарищи.

Особенностью т. Толстова как научного работника является его неизменное стремление к очень широким обобщениям, к обобщениям на самом разнообразном материале — от палеолита до феодализма в Средней Азии. Это, конечно, безусловно положительное качество, безусловное достоинство т. Толстова, проявившееся и в настоящем его докладе. Но я помню и, конечно, никогда не забуду, как на IX Съезде советов В. И. Ленин говорил, что недостатки человека являются очень часто как бы продолжением его достоинств. «Если достоинства, — говорил Владимир Ильич, — продолжаются больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками».

Мне кажется, что некоторые моменты в докладе т. Толстова могут служить неплохой иллюстрацией к этому замечанию Владимира Ильича. И когда т. Толстов в своих обобщениях сваливает самые разнообразные явления или самые различные взгляды в одну общую кучу и клеймит их одним и тем же штампом, то здесь перед нами действительно наглядный пример, как достоинства, проявляющиеся не там, где нужно, и не тогда, когда нужно, переходят в совершенно очевидные недостатки.

Тов. Толстов считает, например, что «националистически-народническая трактовка социальных отношений кочевого и полукочевого аула, вылившаяся в реакционную теорию «врастания рода в социализм» (Байтурсунов, Вукинич и др.), и наше понимание скифского общества как разлагающегося патриархально-родового — одно и то же («аналогичные тенденции», «по принципу дальнего прицела подводящие теоретическую базу под практику буржуазных народников-националистов и правых оппортунистов»). Но разве современный кочевой и полукочевой аул, существовавший

уже долгое время в капиталистическом и феодальном окружении и сам при этом изменивший свое социальное содержание в сторону феодализма, сам внутренне переродившийся, при некотором сохранении только формы родового строя, разве этот аул — то же самое, что скифское общество северного Причерноморья, существовавшее в I тысячелетии до н. э. в условиях совершенно другой конкретно-исторической среды? Разве можно выносить и то и другое за одну скобку, при этом даже не попытавшись сколько-нибудь серьезно и самостоятельно, по первоисточникам, разобраться в том, что такое скифское общество? Ведь т. Толстов даже не соизволил включить в свой доклад ни одного конкретного факта из области культуры и социальных отношений у скифов. Я думаю, что обобщения такого порядка, такого прямо богатырского размаха в стиле «размахнись рука, раззудись плечо» назвать достоинством уже никак не представляется возможным.

Другой пример обобщений т. Толстова. Он считает, что и Семенов-Зусер, и Равдоникас, и Артамонов придерживаются якобы одних и тех же взглядов на скифское общество и что разница между этими лицами только в степени квалификации: у Семенова-Зусера — ляпсусы, у Равдоникаса их нет и т. п., но ведь всякий, кто хоть сколько-нибудь следил за изданиями нашей академии за последние годы, должен знать, что просто нелепо и смешно отожествлять столь различные представления, как представления Семенова-Зусера и, скажем, мои по одному и тому же вопросу.

Как Семенов-Зусер понимеет скифское общество? Для него оно, так сказать, идеальное воплощение первобытного коммунизма, всеобщее братство, равенство и т. п. Возьмем его «Родовую организацию у скифов Геродота», изобилующую, как известно, невероятными погрешностями в отношении техники и даже добросовестности научной работы, и мы увидим в этой книжке, что средства производства у скифов, оказывается, были все обобществлены, что института собственности, «за исключением лишь на предметы потребления», скифы не знали, что положение рабов у скифов было нетяжелым, что воинственность скифов — будто бы миф буржуазных авторов, и т. д. и т. п. Все противоречия в скифском обществе и вместе с тем всю его динамику Семенов-Зусер старательно выхолащивает, и получается прямо какая-то олеография, идиллическая картинка с коробки для конфет, а не изображение реального общества скифов. Я уже не говорю о том, что Семенов-Зусер даже и не пытался прощупать генезис скифского общества, равно как выяснить последующие стадии его развития.

Как понимаю скифское общество я (с Артамоновым у меня есть общие взгляды, хотя существуют и различия, как это показали прения на пленуме ГАИМК 20—22 мая 1933 г., посвященном вопросам доклассового общества) — это видно из моей работы «Пещерные города Крыма в связи со стадиальным развитием северного Причерноморья». Я указывал, что скифы не представляли однородного единства и на территории Скифии существовало сочетание

различных общественных укладов.[1] В районах, прилегающих к городам-колониям античных греков, у скифов уже существовал рабовладельческий способ производства.[2] У массы скифов-кочевников, живших между Волгой и Днепром, существовало патриархально-родовое общество со всеми признаками крайнего разложения, т. е. примерно тот же социальный строй, какой был у греков в эпоху Гомера. В высокой степени резко у скифов выступает противоречие частного хозяйства, частной собственности, например, на скот, отдельных семей и старых коммунистических родовых отношений. Имеет место частное накопление. Имеет место рабство, хотя и патриархальное, но очень тяжелое рабство, и торговля рабами, захваченными в войне с античными греками. Война и грабеж — это стихия, в которой живет скифское общество. Резко выраженное противоречие между родами и племенами — борьба за скот, за пастбище, борьба между кочевниками и земледельцами. Скифы были уже накануне образования классового общества, и самые родовые институты у них уже перерождались, превращались в орудие господства родо-племенной знати. Ясно, что если бы каким-нибудь чудом скифы оказались в социалистическом окружении, то я первый стал бы настаивать на раскулачивании скифских вождей и всей скифской родо-племенной знати и отнюдь не стал бы защищать взгляд о врастании этой знати в социализм. В социализм эти вожди и знать не вросли бы ни при каких условиях, потому что — и это теоретически очень важно — в дуализме отношений, существовавших в разлагающемся патриархальном родовом обществе, они олицетворяли как раз начало классовых, а не доклассовых отношений, и расти они могли только в направлении к классовому, а не к бесклассовому обществу. Нечего поэтому пришивать, как это делает т. Толстов, мне контрреволюционную тенденцию защиты байства и манапства, к которой ни я, ни мои взгляды на скифов никакого отношения не имеют.

Можно ли после сказанного обобщать представления Семенова-Зусера и мои о скифском обществе в одну категорию? Думаю, что нельзя, и думаю, что это действительно один из примеров, как достоинство т. Толстова, его стремление к обобщениям, переходит в недостаток и в очень неприятный недостаток. Думаю также, что смешение арабов, туркмен, зулусов, древних евреев, сомали, скифов и т. д. в одну общую рабовладельческую стадию тоже есть пример одного из очень поспешных и малоубедительных обобщений т. Толстова. Хоть бы на одной из этих народностей, но вполне конкретно т. Толстов показал бы, что представляет собой эта рабовладельческая стадия.

Перегибая в обобщениях, т. Толстов позволяет себе и еще весьма свободное обращение с мнениями критикуемых им авторов, искажая иногда эти мнения для облегчения своих полемических задач.

[1] В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма в связи со стадиальным развитием Причерноморья, стр. 77.

[2] Там же, стр. 76—77.

Что он говорил, например, о моем прежнем понимании азиатского способа производства? Он приписал мне тенденцию выдать классовое восточное общество с деспотией и бюрократией за доклассовое и в подтверждение процитировал выхваченный из контекста отрывок из моей работы 1931 г., где я говорил, что «общество, основанное на азиатском способе производства, есть общество доклассовое, оно идентично с общинным или родовым обществом» и т. д.[1] Получилось очень наглядно: с одной стороны, за доклассовое общество выдаются скифы с рабовладельческим, по мнению т. Толстова, способом производства, с другой стороны, и восточное феодальное общество мною тоже якобы именуется доклассовым. Явная и определенно политически вредная линия налицо, что и требовалось доказать т. Толстову.

Но каково было мое мнение об азиатском способе производства в действительности? В период разгара соответствующей дискуссии я, исходя из того положения, что у Маркса азиатский способ производства стоит рядом с феодальным, попытался отожествить его с первобытнокоммунистическим способом производства и применял термин «азиатский способ производства» только к роду и общине как таковым, но ни в каком случае ни к феодальным азиатским обществам с деспотией и бюрократией. Я писал в указанной работе, — и это решил оставить без внимания т. Толстов, — как этот общинно-родовой или азиатский способ производства переходит в феодальное общество[2] с момента возникновения классов, и хотя такое понимание азиатского способа производства было ошибочным, оно не имеет ничего общего с отожествлением доклассового и классового общества. Это ошибка совсем другого рода.

Теперь я позволю себе изложить вкратце некоторые аргументы в защиту положения, что у скифов было патриархально-родовое общество в стадии разложения. Время мое почти истекает, и я вынужден привести только некоторые доказательства и притом в самом кратком виде.

Геродот сообщает о следующей легенде. Скифский царь (мы бы сказали — вождь), пожелав учесть, сколько у него имеется населения, приказал однажды каждому скифу принести по одному наконечнику стрелы. Из этих наконечников был слит огромный котел с толщиной стенок в шесть пальцев и вместимостью в 600 амфор. Для нас самое интересное здесь то, что число скифов было выяснено по числу наконечников стрел. О чем это говорит? О том, что все мужское население у скифов было вооружено, и это подтверждается археологическими раскопками: можно сказать, нет или почти нет мужских скифских погребений без оружия. А может ли существовать такое классовое общество, с его непримиримыми классовыми противоречиями, с его классовой борьбой, в котором все население — и угнетатели и угнетенные — вооружено? Конститутивной

[1] В. И. Равдоникас, К вопросу о социологической периодизации палеолита, стр. 8.

[2] Там же, стр. 11.

особенностью сложившегося классового общества является государство как орган классового господства, а государство всегда опирается на материальную силу принуждения, на особые, оторванные от общества отряды вооруженных людей (армия, полиция и т. д.). Там, где все население вооружено, настоящее государство еще существовать не может. Там существует, как у скифов и у греков эпохи Гомера, еще военная демократия (термин Маркса и Энгельса) лишь с зародышем государственной власти (вожди с дружинами).

Основой сложившегося классового общества с государством являются территориальные объединения. Между тем у скифов еще сильны были родовые союзы и родовые обычаи. Об этом говорят и родовые курганные некрополи и родовые обычаи, отраженные в предметах скифского искусства (обряд побратимства, культ предков и т. п.) или описанные греческими писателями.

У скифов патриархальный род еще сохранил некоторые традиции матриархального рода, что указывает на его недавнее происхождение. Кроме известного культа женского божества, укажу на следующую крайне любопытную черту идеологии скифов, на которую обратил мое внимание в одной беседе Н. Я. Марр. Псевдо-Гиппократ дает следующее интересное сообщение о евнухах у скифов-кочевников: «они занимаются женскими работами и говорят по-женски; называются такие мужчины «энореями». Причину такого явления туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя...» Псевдо-Гиппократ объясняет это рационалистически — причина, мол, здесь в верховой езде, от которой некоторые скифы — при этом наиболее знатные и богатые, так как именно они чаще других ездят верхом, — заболевают половыми болезнями и т. д. Но дело, конечно, не в половом бессилии, а в добровольном отказе от пола. У современных народностей Сибири такого рода обычаи широко распространены: мужчина отказывается от пола, надевает женское платье, живет с женщинами и даже иногда вступает в брак с мужчинами — все для того, чтобы приобрести якобы особо могущественную сверхъестественную силу, чтобы вселить в себя божество. Укажу на известных коекчучей у камчадалов и коряков (каждый этнограф знает, что в этих коекчучах, аналогичных энореям у скифов, воплощены еще представления материнского рода, когда именно женщина занимала центральное место и в общественной жизни и в идеологии).

Из археологических данных мы знаем, что доскифское общество северного Причерноморья (эпоха курганов со скорченными костяками) еще не имело признаков сколько-нибудь резкой социальной дифференциации (однородность и бедность инвентаря погребений, неукрепленные земледельчески-пастушеские поселения, весьма слабое развитие обмена и т. д.). В прошлом году мною раскопана на Дону, у с. Костенки, часть такого доскифского поселения конца II тысячелетия до н. э. Раскопанное жилище — землянка — имело размеры 10 × 20 м и содержало 2 очага и 2 большие кучи отбросов. Аналогичные жилища были раскопаны на р. Иргизе и в Пен-

ченском районе. Эти памятники говорят об общем домохозяйстве большого коллектива, жившего мотыжным земледелием и пастушеским скотоводством. Неужели отсюда, из этой стадии был сделан прямо скачок к рабовладельческому обществу, как думает т. Толстов, без всякого процесса имущественного расслоения и хозяйственного обособления отдельных семей? Это невероятно.

Греческие писатели, начиная от Гомера и Эсхила до Страбона, любили описывать коммунистические черты скифского общества (общность имущества, справедливость, равенство и т. д.). В основе этой греческой литературной традиции, тенденциозно опороченной буржуазными историками, например, М. И. Ростовцевым, лежали вполне реальные наблюдения. И если бы у скифов существовал рабовладельческий способ производства, что помешало бы античным грекам признать в скифском обществе аналогичные их собственному общественному устройству черты? Однако греки нигде и ни разу при описании общественных порядков у скифов не отождествляли их с греческими рабовладельческими порядками. Наоборот, говоря, например, о рабах у скифских царей, Геродот подчеркивает, что скифы рабов не покупают. Что же это за рабовладельческое общество, в котором не покупают рабов?

Должен сказать, что в хозяйстве скотоводов-кочевников, с его небольшой трудоемкостью, место для применения рабов как рабочей силы имеет весьма ограниченный характер. Пастухами рабы вряд ли могли быть; они употреблялись главным образом для доения и изготовления молочных продуктов. При постоянных передвижениях кочевников рабы легко могли освободиться путем бегства. И Геродот говорит, что всех своих рабов скифы ослепляют — очевидно, для того, чтобы предупредить возможность такого бегства. Но можно ли допустить, чтобы ослепленные люди играли роль основной рабочей силы в обществе, как это должно бы было быть в том случае, если бы у скифов действительно существовал рабовладельческий способ производства.

И, наконец, еще один — очевидно решающий — аргумент. Ведь у скифов частной земельной собственности еще не было. Для Маркса во всяком случае этот аргумент был бы решающим, так как Маркс, как известно, указывал, что «монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, покоящихся на эксплуатации масс в той или иной форме». [1] Впрочем, т. Толстов думает иначе и считает, что для кочевников достаточно одной собственности на скот, чтобы у них существовало уже классовое общество. Очевидно, моими аргументами т. Толстова не убедить, но, надеюсь, они будут убедительны для тех, кто еще не вступил на путь ревизии марксизма-ленинизма.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, изд. 1929 г., стр. 126.

Трактовка исторического процесса в целом в Средней Азии сводилась до сих пор лишь к обычным утверждениям о развитости торгового капитала, в котором видели единственную пружину исторического процесса. Буржуазное востоковедение либо оставляло общеисторические процессы без внимания, либо сводило все процессы к миграциям и борьбе между отдельными обществами. Вопрос генезиса классовых отношений, можно с уверенностью сказать, почти не ставился в советской литературе. В то же время мы имеем законченную теорию процесса классообразования в труде Каутского «Материалистическое понимание истории», в котором Каутский последовательно проводит социал-фашистскую теорию насилия и грабежа как единственной прогрессивной силы истории. Последовательная ревизия Маркса по всем основным вопросам истории, отрицание общественно-экономических формаций, отрицание рабства как причины классообразования, сведение всех процессов формирования классов к наложению одного племени на другое, к подчинению доклассовыми номадами доклассовых же земледельцев «аргументированы» фактами из истории Востока. Насколько верна эта аргументация, мы увидим ниже. Другой, по нашему мнению, ошибкой является утверждение ряда историков, утверждение, получившее широкое распространение в последнее время, что все общества в своем развитии проходили стадию рабовладельческой формации. Ошибка эта заключается в том, что всеобщую форму развития общества, данную основоположниками марксизма-ленинизма, они прикладывают, без учета особенностей, ко всем обществам мира. Естествен следующий вопрос: если все общества пережили все стадии прогрессивного формирования общества, то чем объяснить то положение, что ряд стран, в том числе и большая часть Востока, отстал в своем историческом развитии? Приходится неизбежно либо искать объяснение в расовых особенностях тех или других народов, либо заниматься вульгарно-экономическим оправданием своих концепций ссылками только на искусственное орошение. На наш взгляд, единственно правильным путем исследования причин «застойности» конкретно-исторического процесса Востока является анализ причин, коренящихся не только в форме производства, но и в системе исторически сложившихся производственных отношений. Подчеркивая ленинское определение формации как системы производственных отношений, мы обращаем особое внимание на исследование укладов, исследование их либо реакционной, либо прогрессивной роли в развитии общества. Считаем также необходимым отметить, что узел всех этих особенностей находится на стадии смены общества первобытнокоммунистического — обществом классовым. Форма же последнего может быть познана не на основании исследований его ранних стадий, а лишь после исследования его законченной, наиболее яркой формы. Нам представляется также основным, определяющим критерием данной формации ана-

лиз ярко проявляющихся противоречий, т. е. анализ форм классовой борьбы.

Для ранних обществ Востока, точнее Средней и Центральной Азии, характерно широко развитое рабство. Все без исключения источники, из которых мы получаем сведения о далеком прошлом народов, предшествовавшем феодальным отношениям, мы имеем упоминание о рабах, военнопленных, участвующих в производстве. Подтверждением этого может служить, например, то, что именно рабство в минусинском обществе дало возможность отделиться кочевому скотоводству от земледелия, как известно, совпадающему с началом разделения общества на классы. Отделение кочевников от земледельцев и их дальнейшая связь путем обмена, завоевания и грабежа были фактом общественного разделения труда, при котором разъединение не обозначает окончательной изоляции одной части от другой, а является лишь видоизменением связи между двумя отраслями производства. Выделение этих отраслей производства было возможно только благодаря определенному росту производительных сил, главной и составной частью которых явилось использование военнопленного как раба. Подтверждение такому рабству мы находим не только в сведениях китайских летописей (И. Бичурин, Julien, Chavannes, Klaproth о хуннах, усунях, юеджей и др.), но и в памятниках вещественных; так, например, изображение раба-слуги на сибирской пряжке, сделанные, очевидно, руками китайцев-рабов вазы, известные под названием «киргизских» и резко отличающиеся по своей выделке от другого сопутствующего им керамического инвентаря могил.

О наличии в это время партиархальной семьи говорит также не только характер одиночных погребений, сменяющих родовые курганы минусинской стадии, но и анализ, с помощью теории Н. Я. Марра, терминов родства, имеющихся в более поздних текстах (периода владычества турок), терминов, встречающихся как в памятниках Кюль-Тегина, Тонюкука, Онгинском памятнике, так и в многочисленных надгробных эпитафиях Енисея. Если в дальнейшем будет оправдана связь таких же эпитафий, найденных в районе Семиречья Heikel'ем, с памятниками вещественными, то можно датировать более или менее точно окончательное сложение патриархальной семьи веками начала н. э., т. е. временем смены усуней — хуннами. Период возникновения же ее надо отнести к смене «карасука» — «минусинской стадией». Помимо этих внутренних причин дифференциации производства, появления частной собственности, результатом чего явилось отделение средств производства от собственности, большую роль сыграло взаимоотношение кочевников не только с земледельческой полосой, выходцами откуда они явились, но и с феодальным Китаем, особенно с его северными провинциями (например, Šan-si). Самый факт прекрасной осведомленности о варварах-кочевниках со стороны официальной китайской истории говорит о том, что связь Китая с кочевниками, выступающими на арену истории под тем или другим этническим наименова-

нием, была повседневной, формы связи были разнообразны: от найма на службу к китайскому двору для защиты границ до покорения больших частей Китая кочевниками. Естественно, что это не могло не сказаться на дальнейшем развитии. Этот синтез кочевников, стоящих на ступени разложения первобытного коммунизма, с одной стороны, и феодального Китая — с другой, привел к тому, что феодальные тенденции, имевшие место уже при отделении кочевников от земледельцев, получают толчок для своего дальнейшего развития. И если турки в начале VIII в. «дают устройство толесам и тардушам» по феодальному образцу, то они в своих собственных отношениях с Китаем сами были на положении последних. Напомню, например, тот факт, что до выступления на арену истории Гу-ду-Лу Кагана и Тонюкука в 658—659 гг. турки сами были разделены китайцами на ряд областей, управлявшихся феодальным государством Китая. Так, например, были устроены пять племен Tou-lou Джунгарии и племена Nou-che-pi в Семиречьи. Поскольку значение варваров не ограничивалось взаимоотношениями с Китаем, имели место связи (в самых разнообразных формах, вплоть до завоевания) и с земледельческой полосой, постольку, подобно германцам, хунны развивали у себя организацию войск, способствовавшую созданию иерархической феодальной собственности. Так, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» по поводу германцев писали, что «...и организационная форма завоевания развили под влиянием структуры германских войск феодальную собственность. Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственного производящего класса не рабы, как в античном мире, *а мелкие крепостные крестьяне*» [курсив мой. *А. Б*].[1] Результатом взаимоотношений кочевников и феодального Китая, а также благодаря исторически сложившейся военной организации быстро завершается процесс классообразования, законченным выражением которого является общество турок VI—VIII вв. н. э. Имевшее место раньше данничество получает здесь полное развитие. В текстах, описывающих события этой эпохи, мы имеем выражение, говорящее о подвластных народах (yγar budun), о взимании дани; тексты, наконец, раскрывают иерархический характер общества и собственности. Структура общества представляется следующим образом: во главе стоит каган, вождь, он же верховный собственник земли, что, однако, вуалируется ссылками на коллектив, который выступает здесь в виде патриархального рода. Его ближайшими вассалами являются jabγu и šad'ы — начальники левого и правого крыла войск, они же наместники над покоренными племенами (ср. памятник Кюль-Тегину: «дал устройство племенам толесам и тардушам и назначил тогда же ябгу и шада»). Опорой кочевой знати в территориальных общинах покоряемых народов были beg'и и boj'и. Последние, являясь представителями имущественной знати, были

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

ближайшими союзниками jabγu и šad'a во взимании дани, налогов с непосредственного производителя. Беги, находясь в вассальной зависимости от кочевой знати, были фактическими собственниками земель, в то время как община владела землей, распределяя участки, сначала только зимовки, для частного пользования отдельных семей. Все эти формы эксплуатации окутывались покрывалом родового строя, сохранению которого способствовали следующие обстоятельства: А) Характер самих отраслей производства, требующих общинной организации труда (искусственное орошение и кочевое скотоводство); рабство также получает здесь дальнейшее развитие, но оно растет внутри системы феодальных отношений. Все эти обстоятельства способствуют сохранению общинного быта. Б) Родовой строй сохраняется искусственно в интересах эксплуатации сородичей, что особенно ярко подтверждается впоследствии этнографическим материалом (саун у казаков, ювар у туркмен и т. д.). Так, например, родовая взаимопомощь туркмен, «ювар», во всех полевых работах обслуживает главным образом хозяйства кулачества — байства. Последние, пользуясь своим экономическим положением, предоставляя бедноте средства и орудия производства (у кочевников — крупный рогатый скот) во время летних работ, кочевок на джайляу, при покосе лугов и других видах работы, используют пережиток родовой взаимопомощи, который здесь выступает в качестве отработок. Родовая добровольная помощь перешла в свою противоположность — в принудительный труд. Право сменилось обязанностью. В) Родовая организация используется как «политический регулятор», превращается в организационную форму государства. Этим обусловлено превращение «el» орхонских турок из союза племен в аппарат угнетения одного класса другим. Сохранение общинного быта, препятствуя развитию рабства, и послужило основой восточного деспотизма, по поводу которого Энгельс писал, что «там, где уцелел древний общинный быт, он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма». [1]

Характер феодального общества и формы государства объясняются также рядом мест из тех же текстов, где мы находим такие выражения, как — когда «младший брат не был подобен старшему брату, а сын не был подобен отцу, то и сели неразумные каганы, сели трусливые каганы, все их буюруки были неразумны». Несомненно, что здесь имела место классовая борьба, смуты внутри данного народа, в результате чего турецкому государству угрожала гибель. В заслугу Кюль-Тегину и Могилян-хану ставится то, что они организовали ряд походов, покорили племена и «неимущий народ сделали богатым, немногочисленный сделал многочисленным». Далее в источнике идут перечисления покоренных племен, указания о подчинении их и т. д. Очевидно, что результат такого удач-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 183.

ного завоевания и увеличения народа за счет нового непосредственного производителя в качестве данника, зависимого или раба приводил к обогащению, создавал новый источник накопления, а вместе с тем приводил к временному ослаблению классовой борьбы. Такие же факты имели место и раньше, в конце VII в., в результате походов Тонюкука, которого буржуазные ученые, в частности Hirth, называют Бисмарком турок. Такое же положение мы имеем в памятнике Ykhe-khuchotu, опубликованном Котвичем и Самойловичем, во всех орхонских текстах, опубликованных Радловым, Томсеном и др. Экспансия завоевания турок, простираясь не только до границ Китая и его северных областей, захватывала Согд и районы Таджикистана (täzik), доходила вплоть до Тохаристана (tokrasin). Турки воевали с эфталитами, карлуками и другими. Все эти народы включались в состав турецкого государства и платили последнему дань.

Наряду с непосредственным включением земледельческой полосы в состав так наз. кочевого государства, мы имеем оседлые становища «balyk» у кочевников, как то: Тавриз (Талас), Баласагун в Семиречьи, в Кошо-Цайдаме и т. д., с крупными постройками, сделанными руками китайцев и персов. Так, на широкое распространение работ китайских ремесленников указывает надпись Кюль-Тегину, где говорится, что для устройства малого памятника к Йоллыг-Тегину, племяннику (или внуку) Кюль-Тегина, прислали «внутренних (т. е. лейб-) мастеров китайского императора» или что «в качестве соорудителя здания и камня с надписью, украшенного резьбою, пришел чыкан каменотес китайского кагана Чанг-Сенгуна». Наличие сасанидских элементов во дворце в Кошо-Цайдаме (по раскопкам Котвича и Долбежева) говорит о персидской рабочей силе. Таким образом, «чистых» кочевников, как это обычно трактуется в истории, не было. Интересна зафиксированная китайскими источниками легенда о том, что когда к Модэ, представителю хуннов-кочевников, предшественников турок, Дун Ху прислал за лошадьми, затем за янч-жы (женщинами или рабами), их Модэ отдавал, но когда было предъявлено требование на землю, то «Модэ в чрезвычайном гневе сказал: земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем советовавшим отдать землю, отрубил голову». [1]

Многочисленный этнографический материал дает основание утверждать об особых формах связи кочевников с земледелием, помимо связи, вытекающей из общественного разделения труда или через грабеж, завоевание и данничество, на основе непосредственной экономической связи (баи и джатаки), причем эксплуатация оседлого населения происходит на основе отдачи определенного скота во временное пользование (крупный рогатый скот). Так, например, если мы возьмем экономические данные по б. Семипалатинской области и исследуем состав стада, то увидим, что в бедняцких

[1] Бичурин, т. I, стр. 14.

группах при отсутствии лошадей соотношение крупного и мелкого рогатого скота 50% на 50%, в то время как у баев, имеющих свыше 100 лошадей, рогатый скот составляет одну семнадцатую стада. Этот рогатый скот и отдается, под флагом родовой взаимопомощи, сородичам-джатакам. Крупный рогатый скот дает возможность существовать джатаку, за что последний должен отработать баю и возвратить скот с приплодом.

Те же исторические источники дают нам возможность говорить о сильно развитой торговле. Мысль Маркса о том, что «торговый дух и торговый капитал присущ как раз не оседлым, кочевым народам»,[1] полностью оправдывается наличным материалом. Однако этот «торговый капитал» надо рассмотреть в его двух главнейших стадиях: 1) роль его на ранних стадиях, когда он разлагает первобытную общину и способствует накоплению, способствует созданию антагонистических отношений, и 2) стадия, когда он превращается в самостоятельную отрасль производства. Здесь наиболее ярко сказывается его обратная сторона, роль консерватора сложившихся отношений, и торговый капитал, основанный на «варварстве производящих народов», консервирует эти отношения. Такое развитие торговых отношений мы наблюдаем во всей истории Востока, начиная от договора турок с Византией (Маниах и Зимарх) вплоть до развития караванной торговли, особенно после монгольского завоевания.

Если торговый капитал взял на себя функцию связи кочевой степи и оседлой части, то он этим самым не уничтожил другие формы связи последних. Войну и грабеж надо рассматривать как неизбежное соотношение кочевой и оседлой части, «продолжающееся, — по выражению Энгельса, — с самого начала истории». Однако такая форма связи не могла бесследно проходить для земледельческой полосы, и здесь глубоко прав Маркс, когда он говорит в отношении Персии, Индии и других стран Востока, что «одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации». [2]

Патриархальное рабство первобытного коммунизма получает свое дальнейшее развитие, превращаясь в мощный уклад внутри феодального общества. Его историческая роль была выполнена на последней ступени первобытного коммунизма, когда на основе рабства произошло отделение кочевого скотоводства от земледелия. Дальнейшее развитие, которое мы обрисовали выше, обусловило создание феодальных отношений, в системе которых патриархальное рабство развилось в уклад. Наличие развитого рабства мы наблюдаем в период истории турецких народов Средней Азии, следующий за периодом, освещенным орхонскими памятниками. Большую помощь оказывают нам юридические документы, найденные в районе Турфана, в Восточном Туркестане, опубликованные Маловым и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 348.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 256.

Радловым. Однако и рабство орхонских турок, равно как и рабство уйгуров, явно преувеличивается. Термин qul, раб, встречающийся в текстах, не всегда означает раба, а может служить для обозначения просто зависимого, крепостного; так, например, в том же памятнике Кюль-Тегина мы встречаем место, где говорится, что турецкий народ стал рабом Китая благодаря внутренней классовой борьбе, которая происходила в обществе турок. В соответствующем месте текста мы читаем: «Вследствие неверности кагану беков и народа, вследствие подстрекательства и шпионства китайского народа и вследствие его прельщений, вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и беков, — турецкий народ привел в расстройство свой (до того времени существовавший) племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним (до того времени) кагана; китайскому народу стали они рабами со своим крепким мужским потомством и со своими чистыми дочерьми». Здесь в тексте для обозначения раб — мужчина — и рабыня — женщина — употреблены термины qul и kün, однако, как следует из дальнейшего текста и из сведений китайской истории (Танской династии), они находились в состоянии данников. Эти же «рабы»-турки отделились от Китая, создав свое собственное государство, и они называют себя дальше не qul и kün, а «kara-kamγ budun», что значит — черный народ, подвластный. Успехи турецкого народа в борьбе за свою «независимость» заканчиваются покорением турками толесов и тардушей, власть над которыми устанавливается через ябгу и шадов. Однако эти вассальные отношения обозначаются терминами qul, т. е. считается, что данные народы находились в состоянии рабства. Аналогичное положение наблюдаем мы в результате победы Кули-Чура над карлуками, о чем имеются сведения в памятнике.

В более поздних документах XII—XIX вв. у уйгуров мы имеем также частое употребление термина раб — qul и рабыня — kün. Но здесь под термином qul (иногда kara baš) выступают лица, которые не только имеют собственное хозяйство, но выступают как юридические лица в качестве свидетелей, подписывающих долговые обязательства. Термин служил для обозначения целого ряда зависимых, связанных с институтом клиентелы припущенцев. Другое положение с рабынями. При торговой сделке всегда употребляется выражение «на тысячу лет и десять тысяч дней», что обозначает отдачу ее в полную собственность, т. е. с правом отчуждения. Так, в уйгурском документе, изданном Маловым, мы читаем: «По отношению к этому человеку, проданному мною, Бачаном, мой старший и младший брат, мои родственники и свойственники, мои десятники и мои сотники, мои клиенты, кто бы они ни были, пусть-ка попробуют делать споры и тяжбы. Над этим проданным мною человеком до тысячи лет и десяти тысяч дней Бедрун пусть будет властителем». С рабом этого никогда не было, наоборот — при отдаче в услужение оговариваются сроки эксплуатации, запрещаются передача другим лицам и продажа и т. д. Таким

образом, здесь имеет место факт феодальной кабальной сделки, но отнюдь не продажа в рабство. Таким образом, не отрицая известного роста рабства, усиления рабовладельческого уклада, мы предостерегаем от излишнего преувеличения и неправильного толкования источников.

Почему же рабство в системе феодального общества Востока консервировало отношения производства?

При переходе от первобытнокоммунистических отношений к отношениям классовым, сложились отношения крепостной зависимости. Особые, ранее отмеченные нами причины способствовали сохранению общинного уклада, как известно, препятствующего сложению рабовладельческой формации. Энгельс в «Анти-Дюринге» определенно говорил, что «только там, где он [древний общинный быт от Индии до России. *А. Б.*] распался, самостоятельное развитие пошло вперед, и первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда». [1] Поскольку сложились особые формы феодальных взаимоотношений, более прогрессивных по уровню общественного развития, чем отношения рабовладельческие, постольку превращение рабовладельческого уклада в рабовладельческую систему было невозможно. Но эта «патриархальная система рабства, рассчитанная, — по выражению Маркса, — на непосредственное потребление», способствовала консервации натуральных отношений. Рабство конкурировало с общиной, которая была подчинена феодалу-бегу благодаря собственности последнего на скот или на оросительные сооружения и владению (или даже собственности), на правах своеобразного лена, на землю, полученную от царствующей династии (как, например, в эпоху сельджуков). Причиной сложений такого своеобразного феодализма с широко развитым рабством было то положение, что рабство в рамках доклассового общества, в форме патриархального рабства, явилось одной из основных предпосылок, в результате которой явилось первое общественное разделение труда — отделение кочевников от земледельцев. И вторую, предназначенную рабству миссию — отделения ремесла от земледелия и в связи с этим отделения города от деревни — рабство производило в системе феодального общества. Но здесь историческая роль рабства была двусторонняя — оно, с одной стороны, способствовало общественному развитию (развитию производства), в частности развитию ремесла, с другой — будучи лишь дополнением к отношениям крепостным, способствовало не превращению крепостного в свободного, а, наоборот, укрепляло натуральное хозяйство. Этим самым оно способствовало росту торгового капитала, о реакционном значении которого мы уже упоминали. Недаром Энгельс выделял рабство Востока, о котором он писал, противопоставляя его античному рабству: «иное дело домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 133.

ства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом». [1] В этих условиях создалась своеобразная форма государства. Ожесточенная классовая борьба, которая происходила на Востоке, требовала сильной организации власти, способной выдержать сопротивление эксплуатируемых. Приход к власти той или иной династии совпадал с моментами наиболее яркого проявления этих классовых противоречий. Таков был приход к власти турок конца VII в., Караханидов — X в., Тимура — XIV в. Необходимо отметить, что классовая борьба Востока не привела в эту эпоху к смене феодальных отношений новыми отношениями. Причиной этого была своеобразно разрешаемая военно-феодальным государством классовая борьба. Если в более ранние времена смуты внутри народа влекли к организации походов и завоеваний, добыча которых частично попадала в руки эксплуатируемых, то это временно задерживало ход пауперизации последних, влекло к известному ослаблению классовой борьбы. Предоставляя новые земли и пастбища, располагая колоссальными сокровищами, царствующие династии могли держаться до тех пор, пока они могли искусно сдерживать эту классовую борьбу. Такое разрешение классовых противоречий не могло не явиться реакционной силой, что также частично объясняет ту своеобразность истории Востока, которая имела место.

Сформулируем наши выводы:

1. Факт перехода для большей части Азии от первобытного коммунизма к феодальному обществу, минуя рабовладельческую формацию, формирование которой было прервано связями кочевников с феодальным Китаем, а также благодаря сохранению общинного быта, конкурировавшего с рабством, в результате чего имел место сильно развитой рабовладельческий уклад, был первым условием так наз. «застойности» исторического развития Азии. В противовес Западной Европе, где античная формация, максимально по своим возможностям развив производительные силы, сократила сроки западноевропейского феодализма, подведя Западную Европу раньше других к капитализму, на долю феодализма Средней и Центральной Азии выпала задача двух общественно-экономических формаций. Этим объясняются долгие сроки его существования и его относительное своеобразие.

2. Деление на оседлую и кочевую часть и своеобразная форма их связи неоднократно имели своим результатом те последствия, о которых Маркс говорил, что они «способны были обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации».

3. Непосредственные условия производства, кочевое скотоводство и искусственное орошение, объясняют форму объединения непосредственного производителя. Родовой строй искусственно сохраняется, и формы родовых институтов, родовой взаимопомощи приобретают характер отработок. Все это, в свою очередь, является

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 451.

тормозом исторического развития. Это сохранение общин и было препятствием к развитию рабовладельческой формации.

4. Развитой торговый капитал консервировал эти исторически сложившиеся отношения.

5. Военно-феодальный характер государства, единственно возможная форма диктатуры господствующего класса, была наиболее реакционной силой, ибо она смогла веками сдерживать и направлять основную пружину исторического развития, — классовую борьбу трудящихся масс Востока — рабов и крепостных — против феодала, — путем организации завоеваний для грабежа и захвата земель, сокровищ и т. д., что временно замедляло ход пауперизации и наряду с этим увеличивало мощь феодала.

Все эти причины привели к тому, что Восток отстал по пути прогрессивного формирования общества. Но, вопреки утверждениям научной агентуры империализма, не буржуазия была той силой, которая смогла поднять Восток на высшую ступень цивилизации. Этой силой оказался Октябрь, оказалась пролетарская революция.

Б. Л. Богаевский

Доклад т. Полякова, который осваивает огромный литературный материал и дает, несмотря на ограничение темы, общее построение истории феодализма в Китае, бесспорно и интересен и своевременен.

Однако построение т. Полякова, по-моему, хотя я и не синолог, представляет в нынешнем его виде лишь предварительную рабочую схему, которая требует еще во многих отношениях значительной дальнейшей обработки.

Характер предварительности усиливается в значительной степени оттого, что в работе т. Полякова сказывается своего рода эклектизм: попытка применения марксистского метода сочетается здесь с односторонним, историко-филологическим подходом к источникам, с использованием только письменных источников и упоминанием лишь немногих данных истории искусства (китайский фарфор).

Отрицательные стороны такой двойственности в работе не могли не сказаться прежде всего в проявлении формализма, органически присущего филологическим приемам исследования.

В данном случае формализм дал себя знать прежде всего в отношении к источникам, что меня и заставляет высказаться, имея в виду главным образом вопрос о переходе к феодализму у племен, обитавших в районе бассейна среднего и нижнего течения реки Желтой в XIII—XII вв. до н. э.

В докладе отсутствует использование археологических, этнографических и лингвистических источников, в силу чего феодализм в Китае появляется внезапно; в докладе мы не имеем никакого показа родового общества, находившегося на высшем этапе своего разложения, в условиях которого, при развитии зародышевых форм классовой борьбы, развертывался процесс длительного становления феодализма.

Тов. Поляков, ограничив себя историко-литературным материалом, точно датирует переход к феодализму последним столетием династии Инь, как это делает и Масперо, начиная с этого времени «античный Китай». К сожалению, т. Поляков не только не подчеркнул критически различий в состоянии существующих источников, как это сделал Масперо, но создал впечатление равной полноты и ценности их.

Между тем династия Инь в Хенане, а именно в последнем столетии ее существования, становится известной не только по древнейшим песням и сказаниям, но и по данным археологических раскопок. Поэтому о памятниках материального производства было бы необходимо сказать, тем более что они требуют к себе критического отношения.

Так, например, находки на месте столицы Инь замечательных изделий из кости и рога, а также некоторые бронзы со своеобразным звериным орнаментом должны быть отнесены, как думает Хамада, к до-Чжоуской и Чжоуской династии, а белая керамика с меандрической орнаментацией принадлежит, повидимому, к до-Ханьской династии или к династии Хань, т. е. ко второму этапу в схеме т. Полякова.

Между прочим, в белой керамике, которая, по характерному для буржуазной вещеведческой терминологии выражению Хамады, «революционизировала» существующие представления о черной и серой керамике Чжоу и Хань, Хамада усматривает проявление «господского стиля» — «Herrenstil», заимствуя это выражение у Сам Виде, который лет 40 тому назад применял его к микенской керамике, противопоставляя ее «крестьянскому стилю» (Bauernstil) геометрической керамики начала архаической Греции. Хамада высказывает чисто формальное предположение о принадлежности тонкой, более грубой керамики типа Чжоу «крестьянскому стилю» в до-ханьское время, а белую относит к «господскому стилю» того же времени. Затем, говоря о переходе к феодализму в Хенане, необходимо было показать предшествующий этап разложения родового общества.

Здесь значительную помощь оказала бы опять археология. Раскопки в Яншао в Хенане, в культовой, как думает Андерсон, пещере Шао-Куо-Тун в юго-западной части Фентиене эпохи Яншао и в Ганьсу в Северо-западном Китае, давшие не только остатки поселений разных эпох, но и могильники, позволяют уловить характер еще родовых общин архаической формации. Кроме того, пережитки в языке и данные китайского фольклора и этнографии, как об этом говорят хотя бы Масперо и Грассе (Grasset), также позволяют уловить первоначальный характер древних общин еще материнского типа и замену их общинами патриархальными разного типа.

В последнем отношении опять-таки нужны археологические источники.

Важны находки поселений и могильников в Ганьсу в Хсиен-Тиене (VIII—IV вв. до н.э.) и в Ша-Шинге (VII—I вв. до н.э.). Нельзя

также обойти молчанием предметы, относящиеся к поздним этапам разложения родового общества в Ордосе, которые можно назвать «скифскими» в ковычках.

Напомню еще, что Пелльо уже в 1928 г. в одном из своих докладов в Ленинграде признался, что «la préhistoire commence à nous intéresser». Также Гобсон не мог, хотя и чисто формально-типологически, не уделить внимания неолитической керамике и в «доистории» открыть начала декоративного искусства, предшествующего династиям Чжоу и Инь. Иеттс усматривает влияние керамики эпохи Яншао на бронзы раннего Китая. Феноллоза хочет установить сходство между «китайским искусством» до-чжоуского времени и «звериным стилем» тихоокеанского круга.

Время не позволяет мне подробнее остановиться на археологических источниках (в частности на отношениях Китая к поздне-родовым обществам в Минусинском крае), но и то, что я мог привести, показывает, что методологически уже нельзя обойтись без археологии и истории материального производства. Синолог должен оперировать многообразными источниками, а в отношении археологии должен вести борьбу против всяческого формализма, типологии и «китайской экзотики», заниматься которой сделали своей привилегией представители господствующего класса Западной Европы и Америки.

Нельзя также не пожалеть об отсутствии использования этнографических источников. Современное население на берегах Желтой реки, в Хенане, Шанси, Зап. Шантунге сохраняет до наших дней в своем быту многочисленные пережитки так наз. неолита. Не может быть, чтобы привлечение живого этнографического материала ничего не дало для понимания разложения родового общества и становления феодализма. Этнографические источники важны, я думаю, также и для других частей Китая и в частности для пограничных областей Северного Китая, а также в областях, прилегающих к Тибету, Индии и Индо-Китаю. Использование этих этнографических источников было бы полезно и в лингвистическом отношении, причем нельзя не отметить, что новое учение о языке, применение методов которого Н. Я. Марр к китайскому уже делал, не используется в работах синологов. В вопросе же о становлениях феодализма и в изучении материального производства палеонтология речи откроет, бесспорно, новые стороны в истории Китая, как это она сделала в других языках. Китай не может представлять собой в этом отношении исключения.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. При использовании многообразных источников т. Поляков не должен был обойти молчанием выросший за последнее время в ходе научной работы вопрос о рабстве в конечных этапах разложения родового общества и при становлении феодализма.

Для Китая, как и для других стран, должна быть проведена эта работа. Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит: «Простейшей, естественно выросшей формой разделения труда было именно рабство.

При исторических условиях древнего, в частности греческого, мира переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства».

Историко-филологический формализм т. Полякова сказался также и в том, что Китай оказался каким-то географическим и социологическим монолитом, — совершенно, если память мне не изменяет за множеством заслушанных докладов, не упомянуто об отличиях и разных условиях общественной жизни обитателей в разных областях Китая — горных областей, речных приморья, долин и болотистых пространств и т. д.

Но на этом не могу останавливаться. В заключение еще одно замечание: т. Поляков, по-моему, чересчур большое значение придает цифровой, абсолютной хронологии, забывая об ее условном характере, особенно если он не основывается на достоверных и объективных данных, получить которые не всегда удается.

Кроме того, бросается в глаза формализм в своеобразном внутреннем циклизме развития каждого из этапов феодализма в Китае без показа разрешения противоречий, переводивших один этап на другой. В предложенной схеме каждый из шести этапов имеет свой подъем, расцвет и упадок, — по-моему, такая периодизация напоминает «ботанические» схемы построения, господствовавшие особенно в так наз. историях искусств, по формуле: рождение — расцвет — смерть. Но подобные построения с точки зрения марксизма-ленинизма явно антидиалектичны, о чем говорит Маркс уже в своей докторской диссертации, и не дают системы развития, заменяя ее обычной схемой прямолинейного развития. Хотя т. Поляков и упоминал о переходе каждого «цикла» на высший этап, но конкретно он не показывал внутренних причин этого общественного процесса. При изучении развития различных этапов необходимо было показать, как осуществлялось развитие, так как об этом говорил Ленин в известных своих заметках о диалектике: «Развитие как единство противоположностей — раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними». Я не могу на этом остановиться подробнее, но думаю, что «эпохи подъема» — это периоды раздвоения единого, которые в снятом виде и будут начальными эпохами следующего этапа.

В заключение, как я уже говорил, доклад т. Полякова нельзя не отметить как живое явление в современной синологии, так как т. Поляков ставит китаистику на широкий путь исторического исследования.

К сожалению, у меня нет времени, чтобы остановиться на докладе т. Толстова. Отмечая интерес темы о феодализме у кочевых народов, не могу не отметить обезличивающий характер многих утверждений докладчика. У т. Толстова все кочевники суть кочевники на какой-то один лад, где бы они ни кочевали и как бы ни кочевали.

Тот же обезличивающий характер положений доклада приходится отметить и в отношении скифов. Для т. Толстова, повидимому, су-

ществуют только геродотовские, причерноморские скифы, в какой-то их обособленности, слитности и изоляции.

Тов. Толстов совершенно не учитывает материала так наз. бронзового века из Суияна в Ордосе и на Алтае с характерным «скифским» звериным стилем изделий. Я думаю, что в Причерноморьи, в Центральной Азии и в Сибири мы имеем наличие обществ кочевнического типа на разных стадиях высшего этапа разложения родового общества, которое в Причерноморьи получило название «скифского». Сейчас начинают выясняться взаимоотношения между этими стадиальными группами обществ, которые отличаются между собой и по времени и по интенсивности процесса разложения и классообразующего процесса, который в отдельных случаях мог давать начало феодализма. «Скифский вопрос» является сложной проблемой, значительную помощь в постановке и в разрешении которой приносит общее изучение о языке с его палеонтологией речи.

В заключение, как ни мало остается у меня времени, я хотел бы сказать несколько слов о значении пленума ГАИМК, посвященного вопросам феодальной формации, учитывая ценные замечания т. Пригожина, которые, надо надеяться, приведут к равновесию все источники исторического исследования, выводя из опасности чрезмерной филологизации не только феодальный, но и рабовладельческий сектор академии и окончательно избавят от вещеведения сектор архаической формации.

Пленум феодального сектора — крупное событие. Впервые мы в организованном порядке познакомились с работами сектора, и, по-моему, нельзя не отметить его больших достижений. Выполненная работа уже и сейчас должна будет сказаться на работе и архаического и рабовладельческого секторов вследствие достигнутого большего выяснения состояния разлагавшегося родового общества, наличия рабовладения и патриархальной его формы без обязательства иметь всегда рабовладельческую формацию и для выяснения начал феодализма.

Сектор показал, что он имеет предпосылки стать центром по изучению феодализма. Однако настоящий пленум еще чересчур сильно, мне кажется, стоит под влиянием изучения феодализма в Западной Европе. Я позволил бы себе выразить надежду, что сектор в будущей своей деятельности планомерно расширит и углубит свою работу включением в план, кроме изучения русского феодализма, равным образом и вопросов истории феодализма народов востока СССР, а также феодализма во внеевропейских странах. Должна быть продолжена работа по изучению феодализма в Китае, необходимо организовать работы по изучению феодализма в Японии, Индии, в странах Ближнего Востока. Следует выяснить подлинное значение «феодализма» или затянувшегося разрушения родового общества в различных областях Тихого океана (Маори, Новая Зеландия, Гавайские острова). Необходимо распутать вопрос о феодализме в Америке и выяснить формы феодализма в Африке. На путях этого исследования укрепится значение археологиче-

ских, этнографических и лингвистических источников и методика их изучения.

Перед сектором открывается большая и полная глубокого научного интереса, а следовательно, и политического значения работа. И в связи с этим не могу не выразить чувства глубокого удовлетворения от трехдневной интенсивной работы пленума. Выдвинут на обсуждение ряд важных проблем и вопросов, даны построения сводного характера, заострено внимание на сложных и еще недостаточно ясных сторонах феодализма, продискутированы вопросы, и достигнуты осязаемые результаты. А главное, в течение трех дней шла по существу борьба за подлинно научное, маркистско-ленинское освоение понимания феодализма против старых антинаучных буржуазных взглядов и концепций. В живом научном общении вырабатывается общий научный язык. Где в Европе можно наблюдать подобную картину? Там нет и речи о переработке достигнутого, об оценке старого, из которого удерживается ценное, и о создании совершенно нового понимания и построения истории феодализма.

Поистине только в СССР существуют подлинно безграничные возможности научного изыскания, — это нельзя не отметить.

Х. Г. Гюламирян [1]

Проблема рабства и феодализма на Востоке является центральной в дискуссии по докладу т. Толстова. Тов. Удальцов в своем докладе также уделяет большое внимание употреблявшимся античными писателями терминам, выражающим социально-экономические отношения, та или иная интерпретация которых имеет существенное значение для определения природы данного общества.

При обсуждении этих вопросов очень интересно познакомиться с мнением по этому вопросу историка Армении проф. Я. А. Манандяна, которое он высказывает, в связи с вопросом о составе парфянского войска, в своем недавно вышедшем в Тифлисе исследовании.

Правильное определение общественного строя Парфии имеет важное значение не только для изучения Персии. От того или иного решения этой проблемы зависит понимание истории, если не всей Передней Азии, то во всяком случае стран, тесно связанных с Парфией в хозяйственном, политическом и культурном отношении. Особенно большое значение имеет оно для истории Армении, которая была не только ближайшим соседом Парфии, но и имела в течение четырех веков правящую династию, являющуюся ветвью династии, правившей в Парфии. После падения этой династии в Парфии в 226 г. н. э. и смены ее сасанидами парфянская династия в Армении просуществовала еще около 170 лет.

---

[1] Материал настоящего выступления лег в основу рецензии на работу Я. А. Манандяна «Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и аршакидской Армении», Научно-исследовательский институт кавказоведения Академии наук СССР, Тифлис, 1932 г., напечатанной в «Проблемах истории материальной культуры», 1933 г., № 9 — 10, стр. 69—72.

Проблема общественного строя Парфии являлась и является предметом оживленной дискуссии в западноевропейской, дореволюционной русской и современной советской литературе. Буржуазная историография оказывалась неспособной дать правильный ответ на вопрос о природе общественного строя Парфии по тем самым причинам, по которым она не в состоянии правильно понять исторический процесс в целом. Марксистская историография этим вопросом до последнего времени не занималась. Решение этой проблемы крайне затруднено вследствие чрезвычайно незначительного количества источников, дошедших до нас. Привлекая данные о характере парфянского войска, воевавшего против римских полководцев Красса и Антония, сообщаемые Плутархом и Юстином, исследователи недостаточно критически относились к сведениям, в особенности по отношению к социальной терминологии, употреблявшейся античными писателями.

Часть историков, считая, что ведущую роль в Парфии играли феодальные социально-экономические отношения, тем не менее решает вопрос, становясь на путь эклектического решения его: принимая как факт, что большинство парфянского войска состояло из рабов, они настаивают на том, что общественный строй Парфии был феодальным.[1] Некоторые исследователи, которые, повидимому, мало интересовались конкретной историей Парфии, основываясь на этих сведениях о составе парфянской армии, заключают: «парфянское царство было обществом, жившим на основе рабского труда, переживавшим стадию рабовладельческой (античной) социально-экономической формации».[2] Оба эти противоположные взгляда имеют в основе одни и те же свидетельства источников и имеют тот общий недостаток, что они безоговорочно, некритически принимают сведения упомянутых античных писателей.

В 1932 г. проф. Манандян в одном из своих исследований, посвященных этому вопросу, выдвигает два новых аргумента при изучении природы общественного строя Парфии.[3]

1. Ссылаясь на то, что германский ученый Фридрих Фрам в своей недавно вышедшей работе доказывает, что при помощи римских терминов очень трудно выразить своеобразие общественных отношений древних германцев, проф. Манандян исследует в этом аспекте свидетельства Плутарха и Юстина.

2. Учитывая отсутствие прямых источников по данному вопросу, проф. Манандян предлагает разрешить его следующим образом: «Армения, как известно, уже во время ахеменидского владычества являлась составной частью древней Персии и находилась под сильным культурным воздействием Ирана. Процесс социальной дифференциации и аристократизации страны происходил и здесь, как и в

[1] Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Спб., 1908 г., стр. 385—386.
[2] В. А. Богословский, Об общественном строе «нахарарской» Армении, V — IX вв.», изд. ГАИМК, 1932 г., стр. 9.
[3] Проф. Манандян, Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и аршакидской Армении, Тифлис, 1932 г.

Иране, в одинаковых условиях распада родового строя. Позднее, когда утвердилась в ней династия Аршакидов, под влиянием парфянской государственности и на аналогичных с аршакидской Парфией государственно-правовых основах окончательно оформился в Армении феодальный или нахарарский строй, который возник постепенно и существовал уже в предшествующие эпохи. Поэтому вполне понятно, что реконструкция феодального строя аршакидской Армении, представляющего в своих основных и характерных особенностях полную параллель с феодальным строем аршакидской Парфии, дает нам опору также и для выяснения феодального правопорядка государства парфян и сасанидской Персии». [1]

Оба способа, предлагаемые проф. Манандяном для разрешения проблемы общественного строя Парфии, не совсем необоснованы. Их можно использовать, если мы будем иметь в виду всю совокупность исторических данных, с одной стороны, а также то, что аналогиями можно пользоваться лишь очень осторожно, помня всю опасность, связанную с механистическим применением этого приема. Но оба эти способа являются до известной степени теоретическими конструкциями, поскольку они не основываются на фактах, а дают разрешение проблемы лишь при помощи аналогии и косвенных данных. Поэтому выводы, полученные посредством их применения, нельзя считать бесспорными. И постановка вопроса и его разрешение являются гипотетическими. Поэтому и выводы носят гипотетический характер.

Признать одну или другую гипотезу проф. Манандяна целиком правильной или нет — зависит от взглядов отдельных исследователей, занимающихся данной проблемой. В данном случае мне кажется, что проф. Манандян своевременно поднимает вопрос о том, как понимать социальные термины, встречающиеся в античных источниках, относящихся к характеристике такого общества, как феодальное. Ясно, что нельзя принимать безоговорочно эти термины, так как античные историки, жившие в условиях рабовладельческого общества, употребляли термины из словаря общества, в котором господствует рабский строй, изображая наблюдаемое ими общество по образу и подобию античного общества. Не учитывая этого, мы совершили бы ту же ошибку, как если бы мы безоговорочно принимали сведения, сообщаемые историком, игнорируя его классовую принадлежность и те конкретные условия и среду, которые заставили его смотреть на данное явление и характеризовать его так, а не иначе.

Исходя из такой постановки вопроса, я не могу не согласиться с проф. Манандяном, когда он высказывает сомнение по поводу свидетельства Плутарха о том, что 10 000 конницы парфянского военачальника Сурена, воевавшего с Крассом, были его рабами (dulos), как и по поводу свидетельства Юстина о том, что «Войско их [парфян. *Г. Г.*] создано не из свободных, как у других народов, но

[1] Проф. Манандян, ук. соч., стр. 6.

большею частью из рабов (servitiorum)... Когда Антоний начал войну против парфян и ему навстречу выступило 50 000 всадников, только 400 из них были свободные». [1]

Разделяя сомнение, высказываемое проф. Манандяном по поводу того, что парфянское войско состояло из рабов, я ни в какой степени не могу считать приемлемой его интерпретацию относительно того, какие социальные элементы в парфянском войске античные писатели обозначали словом «раб». Основываясь на сведениях, сообщаемых армянскими историками IV, V, VI вв. н. э. и позднейших, он находит, что «не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что конная служба была привилегией знатных не только в средневековой феодальной Европе или же в античном Риме и Греции, но и в аршакидской Армении». [2] «Из сообщаемых им [Фаустом — историком V в. н. э. *Г. Г.*] сведений ясно и определенно видно, что конница феодальной Армении состояла не из рабов или же зависимых крестьян, а из социально привилегированных «азатов», которые по своему социальному и, как увидим ниже, также и экономическому положению соответствуют «благородным воинам» или рыцарям средневековой феодальной Европы». [3] И, наконец, на основе данных армянских источников он утверждает: «Из сведений армянских источников мы знаем, что «азат», для которых обязательна была служба в аршакидской и нахарарской конницах не только ничего общего не имеют с рабами, но нередко они сами имели зависимых крестьян и домашних рабов». [4]

Если признать правильной характеристику, даваемую проф. Манандяном для социального положения того войска, из которого должна была быть составлена десятитысячная армия парфянского военачальника Сурена или пятидесятитысячная армия, с которой имел дело Красс, то будет совершенно невозможно допустить, что Плутарх и Юстин ошибались по существу, не поняв природы ленных отношений. Тем более, что Юстин, объясняя, в чем состоит сущность рабства в парфянском войске, пишет: «так как не было обычая отпускать рабов на волю и вследствие того все они рождались рабами». А в мирное время «свободные отличаются от рабов именно тем, что рабы ходят пешком, а свободные ездят постоянно верхом». [5]

Делать из этого вывод, что парфянская армия не могла состоять из рабов лишь потому, что они в мирное время не имели права постоянно ездить верхом, а также упрекать Юстина в противоречиях с самим собой, аргументируя это тем, что в одном случае Юстин пишет, что парфянская конница во время войны состояла из «рабов», а при описании внутреннего быта и социального строя древней Парфии, противопоставляя рабов и свободных, говорит, что последние

[1] Проф. Манандян, ук. соч., стр. 3.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Там же, стр. 6.
[4] Там же, стр. 3.
[5] Там же, стр. 4.

постоянно ездили верхом, а «рабы» просто ходили пешком, — значит, обвинять Юстина в несуществующих грехах.

Из сведений, сообщаемых Юстином, во-первых, нельзя заключить, что эти «рабы» вообще во время войны не могли бы ездить верхом или же их не заставили бы, если бы этого требовали обстоятельства.

Во-вторых, хотя в переводе текста Юстина, даваемом проф. Манандяном, говорится просто, что «*рабы ходят пешком*» (курсив мой. *Г. Г.*), в своих комментариях проф. Манандян говорит, что «рабы... ходили *постоянно пешком*»[1] (курсив мой. *Г. Г.*), приписывая, таким образом, рабам свойства, о которых у Юстина не говорится.

В последующем изложении проф. Манандян использует это произвольно приписываемое им Юстину свидетельство для обоснования своей концепции. С одной стороны, он, как мы видели, упрекает Юстина в противоречии с самим собою, с другой стороны, раз рабы ни в мирное, ни в военное время не могли ездить верхом, следовательно, они не могли быть конным войском, о котором говорят и Плутарх и Юстин.

Другая группа доказательств проф. Манандяна состоит в привлечении сравнительных данных из истории аршакидской Армении. Я считаю чрезвычайно неубедительным и механистическим применение для объяснения социального строя Парфии аналогии с аршакидской Арменией IV—V вв. где, несомненно, мы имеем дело с уже сложившимся феодальным обществом с сословием «азат» и где уже, по документальным данным, существовало 70 крупных нахарарских княжеских домов.[2] А в IV в. при царе Аршаке II существовала уже целая феодальная иерархия, состоящая из 900 «горцакалов».[3]

Спрашивается, имеем ли мы право так злоупотреблять аналогией, не считаясь со специфичностью армянского феодализма, тем более что развитие последнего происходило не вполне параллельно развитию Персии. Ошибочно думать, что Армения во время владычества парфян во всех областях общественной жизни имела стопроцентную аналогию с Парфией, основываясь лишь на том второстепенном обстоятельстве, что и первая и вторая имели в течение определенного времени один и тот же парфянский царский дом.

Исторический факт, что в этом единстве было противоречие, заключающееся в том, что аршакидские цари Армении, с одной стороны, стремились создать централизованное феодальное монархическое государство, с другой стороны, при каждом удобном случае противопоставляли себя вначале Парфии и в более сильной степени — сасанидской Персии, стремясь освободиться от вассальной зависимости по отношению к сюзерену, которым являлись парфянские и сасанидские цари.

---

[1] Проф. Манандян, ук. соч., стр. 4.

[2] История Армении Моисея Хоренского, приложение III, перевод Эмина, стр. 295—297. Алишан, Айрарат, стр. 430—431. См. также ук. соч. Адонца, стр. 251—252.

[3] Фауст Византийский, кн. IV, гл. II, Спб., 1883 г., стр. 56—57.

В таких случаях они не только искали помощи у Рима и затем Византии, но и органически ориентировались на эти страны, до известной степени воспринимая греко-римскую культуру.

Н. Я. Марром доказано, что термин «азат» в его первоначальном смысле означает буквально «родовитый», а не «свободный». Свобода от податей и несение конной службы были первоначально лишь одним из признаков «азата» и только в дальнейшем стали считаться основным моментом в понятии «азат».

Проф. Манандян, исходя из чисто абстрактного представления, что Парфянское государство является феодальным, а следовательно, его конное войско, как это обычно бывает в феодальных государствах, должно обязательно состоять из такого рода знатных людей, как, например, армянские «азаты» IV—V вв. или западноевропейские «благородные рыцари», привлекает лишь такие факты из древнеармянских историков, которые говорят, что конница Армении состояла только из «азатских отрядов», «азатских групп». Но из этого вовсе не следует, что все конное войско Армении должно было обязательно состоять только исключительно из «азатов». В большинстве случаев такая характеристика имеет вполне определенную политическую цель: поднять престиж войска данного феодала. И только в редких случаях, когда речь идет о нахарарах, враждебных данному историку, последний сообщает, что в составе их конницы были не азатские отряды, составленные из «рамиков», «шинаканов», т. е. из низшего слоя общества, крепостных крестьян. Например, Лазарь Парпский (историк V в.), наверное, никогда не упомянул бы о «рамикской» коннице, если бы речь шла не о войске враждебных любимому им армянскому военачальнику Вагану Мамиконяну феодалах, окруживших Вагана в одной из войн: «И когда увидел спарапет Армении Ваган такое множество войска Персии и нахараров Армении, которые были с ними, а также армянской *конницы из «рамиков»*... [1] и т. д.

Из-за недостатка времени я не могу коснуться вопроса о пешем войске Армении, которое, вне сомнения, состояло исключительно из «рамиков» и «шинаканов», а не из «азатов». Ограничусь тем, что приведу несколько фактов, говорящих о том, что в составе азатских отрядов была «рамикская» конница, которая в военном отношении расценивалась не ниже, чем азатская конница. Даже в таком торжественном случае, когда армянский военачальник Мушег Мамиконян был приглашен персидским царем Хосровом (Нушинрованом), он, по сообщению Себеоса, «берет с собою две тысячи латников из «азатов» и не «азатов», которых он считал достойными почета (повязки)», и на которых он полагался в (отношении) их конной военной выучки (буквально — всадничества). [2]

Лазарь Парпский сообщает о существовании «рамикских» конных отрядов в армии самого персидского царя Яздигерда II. Когда его

---

[1] Лазарь Парпский, отд. III, гл. 78, изд. 1908 г., Тифлис, стр. 318.
[2] Себеос, ч. II, гл. 3, Спб., 1879 г. стр. 42.

войско подверглось партизанскому нападению со стороны кушанов, «он потерял многих знатных людей из своей армии и также свою *конницу из «рамиков»*.[1]

Наконец, на церковном соборе в Двине в 649 г. было принято постановление, протестующее против того, что «некоторые (отряды) *конницы свободных и «рамиков»*, оставляя деревни, располагаются на постой в обителях».[2]

Все эти сведения относятся к жизни Армении V, VI, VII вв. Поэтому их нельзя безоговорочно переносить на отношение I в. до н. э. Но все же все эти факты опровергают тот взгляд, что в феодальной Армении и сасанидской Персии служба в конном войске была исключительно монополией «азатов».

С другой стороны, представляется вероятным, что в эпоху Парфии не имелось еще сильно развитых «азатских» отрядов (вспомним, что согласно исследованию Н. Я. Марра «азат» вначале означал просто «родовитого человека», число которых должно было быть ограниченным). Исходя из этого, а также учитывая слова Страбона относительно грузинского войска, что воины в мирное время занимаются земледелием, я полагаю, что наиболее близким к истине будет допустить, что «рабы» в составе парфянской конницы, о которых упоминают Плутарх и Юстин, были не чем иным, как зависимыми крестьянами, которых античные писатели легче всего могли принять за рабов, а не «азатами», равными европейским рыцарям.

С. В. Киселев

Важность вопроса, который выдвинул доклад т. Толстова о феодализме у кочевников, я думаю, для всех ясна.

По вопросу о развитии ранних классовых обществ в кочевых районах с большинством положений докладчика я согласен; о деталях на данном пленуме спорить не место, ибо этот пленум намечает основные направления, основные вехи, подытоживая основные этапы работы академии и намечая новую тематику на новом этапе. Мне кажется, что чрезвычайно существенным элементом концепции т. Толстова является упор, который он делает на рабстве и роли рабства в формировании феодальных отношений. Конечно, было бы совершенно неправильным возводить рабовладельческую стадию в какой-то для всех областей и всех стран обязательный этап, через который не может не пройти ни одно общество. Я вполне присоединяюсь к тем выводам, которые были, к сожалению, без нашего участия (участия москвичей), сделаны здесь в академии по вопросу о рабовладении в Киевской Руси. Однако остается фактом, что рабство, и особенно рабство в восточных странах, чрезвычайно недооценивалось до сих пор нашей исторической наукой. Если мы возь-

[1] Лазарь Парпский, отд. II, гл. 48, ст. 186.
[2] Книга канонов, стат. II, Тифлис, 1914 г., стр. 128.

*

мем, например, вопрос о социальном строе древнего Китая, возьмем и другие восточные страны, которыми занимаются и наши и буржуазные востоковеды, то вопросу о рабстве уделяется очень мало внимания.

Между прочим, и в отношении наших советских историков, которые занимались совершенно правильно, согласно тем указаниям, которые дал Маркс, сущностью восточной общины, исследуя восточные общества, — и в отношении их нужно сказать, что они мало внимания уделяли рабству на Востоке (специально им занимался только Андреев в «Проблемах Китая»), а между тем рабство на Востоке несомненно является одним из существенных элементов тех общественных образований, которые там слагаются, и в значительной степени совместно с застойностью восточной общины определяет специфику восточных обществ.

Если обратиться к примеру, который был здесь демонстрирован в обзорном докладе т. Полякова, то должно сказать, что т. Поляков, к сожалению, совершенно обошел и даже не упомянул о той стороне общественного строя древнего Китая, которой является рабство. Я вовсе не хочу здесь, говоря о значении и объеме рабства в древнем Китае, полемизировать в пользу возможности или невозможности существования на том или ином отрезке времени феодальных отношений. К сожалению, наши знания в этой области пока еще чрезвычайно скудны, и мы часто являемся рабами тех источников, которые имеются о древнейших стадиях китайской истории. Я более чем глубоко убежден в том, что когда полулегендарные и легендарные сообщения о древнем Китае будут изучены тем методом, который разрабатывается под руководством акад. Марра, наши представления об общественном строе Китая в корне изменятся. Но и сейчас нельзя проходить мимо таких свидетельств, которые говорят, например, о том, что в 420 г. до н. э. мы имели формулировку: «всякая пара супругов, владеющая участком земли, обязана иметь 8 рабов; из них рабы мужского пола должны обрабатывать землю, а женщины — вести хозяйство. Неженатым землевладельцам достаточно 4 рабов». Я согласен, что нужно принимать подобные источники со значительной степенью условности, с учетом того, что здесь только высказывается пожелание, но все-таки мы мимо такого источника проходить не можем.

С другой стороны, мы имеем целый ряд свидетельств о том, что в некоторых имениях Китая мы имели уже на древнейшей стадии замену быков рабами, которые впрягались в плуг.

Я не буду здесь касаться тех многочисленных свидетельств, которые имеются от эпохи, начиная с Хань и до Сунов. Не буду касаться всех экспедиций, которые велись в варварские страны и в результате которых получалось громадное количество полона. Укажу лишь, что здесь этот полон никак не мог быть использован иначе, как на месте, ибо продать раба из Китая было некуда. Здесь не могло быть полона в интересах работорговли. С другой стороны, я несколько более подробно остановлюсь на фактах, которые дает эпоха раз-

витого феодализма, относящегося к циньской и к последующим эпохам. Мы имеем целый ряд интереснейших данных, говорящих о значительности и распространенности рабства в циньскую эпоху. Так, в конце XII в. в северном Цине мы имеем из 6 млн. 158 тыс. душ населения рабов 1 млн. 345 тыс., т. е., значит, на каждое семейство примерно мы имеем по два раба. С другой стороны, в пограничных северных районах в эпоху Цинь мы имеем уже большее количество рабов, в среднем по три раба на семью. Это особенно важно, так как районы эти сохраняют строй сопредельных циньцам «варваров», которым также, повидимому, в эпоху, подготавливающую государство Чингиса, было характерно рабство как уклад. То же самое мы можем сказать и о несколько более ранней эпохе. От той же циньской эпохи существуют указания, что имелось, например, войско Цю-Дзюнь, которое называлось «войском освобожденных», так как было создано из освобожденного от рабства джюдженьского населения. Укажу также, что в эпоху Юань мы также имеем чрезвычайно большое количество источников, говорящих о рабстве.

Но интересно, что в китайских источниках даже этого, сравнительного позднего, времени мы имеем целый ряд указаний, говорящих о более древней стадии рабства варварских времен. В отношении джу-дженей мы имеем указания на более раннюю стадию «варварского» рабства. То же мы имеем в отношении целого ряда монгольских родов и племен. Чрезвычайно интересен факт, который сохранил, например, Рашид-Эдин, свидетельствующий о том, что у некоторых монгольских беков собственное хозяйство велось при помощи рабов. Так, один монгольский бек, происходивший из лесных урянхитов, осуществлял свое собственное хозяйство при помощи (так прямо и сказано) «нескольких простых рабов».

Однако мы не должны (это относится к вопросу терминологии источника) закрывать глаза на то, что в источнике должно относиться к термину «раб» чрезвычайно осторожно, ибо как китайские, так и арабские и древнетурецкие источники часто под словом «раб» разумеют «подданный»; правда, в большинстве случаев мы имеем точное определение.

Я остановлюсь еще на вопросе о проблеме мобилизации скота в процессе феодализации монгольского и древнетурецкого общества. То обстоятельство, что мы имеем чрезвычайно большие военные столкновения отдельных племенных и родовых групп в эпоху феодализации, в значительной степени объясняется, повидимому, тем, что мы имеем здесь дело с нажимом, с захватом скота — этого основного средства производства в кочевом феодализирующемся обществе — у древних родовых общинников.

Наконец, несколько слов (к сожалению, приходится быть очень кратким) уже из другой области. Мне хочется поделиться одним небольшим этюдом по истории крестьянских восстаний в древней Руси. Совместно с т. Арциховским мне удалось вскрыть более подробно сообщение о восстаниях в Белозерьи и установить, что в 1071 г.

мы имели настоящее крестьянское восстание на нашем Севере, из цикла крестьянских восстаний, которые происходили в противодействие тому феодализационному нажиму, который в это время шел со стороны господствующего класса. При этом под сказочной формулой удалось разглядеть, что не только против крупного боярства выступали крестьяне, но и против тех богатевших сельских слоев, которые в то время выделяла в землевладельческий класс расслаивавшаяся раннефеодальная деревня Руси. Не случайно, конечно, и то, что в раннюю эпоху классовые движения принимали религиозную окраску и белозерское восстание шло под флагом борьбы язычества с христианством.

С. А. Токарев

С. П. Толстов в своем докладе дал широкую и яркую картину феодальных отношений в восточных скотоводческих обществах, хорошо показал закономерность консервации застойных феодальных, а частью и рабовладельческих форм в этих обществах и правильно подчеркнул всю политическую остроту и значимость этой проблемы, связав ее с практическими задачами национальной политики в восточных республиках.

Но он оставил несколько в тени историческую сторону дела, лишь кратко коснувшись закономерности самого *становления* феодализма у кочевников, и не развил некоторых весьма важных моментов.

Центральным моментом в процессе перехода от доклассового общества к классовому является возникновение *частной собственности на средства производства*. В этом отношении скотоводческие народы стоят в несколько особом положении благодаря роли в их хозяйстве скота. Энгельс недаром связывал перворазделение общества на классы именно с выделением пастушеских племен. Всей глубины этого наблюдения никто еще до конца не понял. А дело здесь в том, что для скотоводов переход от присвоения предметов потребления (свойственного первобытнокоммунистическому обществу) к присвоению средств производства совершается естественно и происходит как бы сам собой, потому что основное их имущество — скот — является в одно и то же время и предметом потребления и средством производства. Наконец, другая форма хозяйства не дает такого единства предметов потребления и средств производства. Накопление средств потребления в известных пределах было знакомо и родовому строю (Мекензи, Северо-западная Америка), но такое накопление имело каждый раз свой весьма ограниченный предел в невозможности широко использовать накопленное имущество. Отсюда обычай типа «потлач» — раздаривания и уничтожения накопленного. Но когда объектом накопления становился скот, это создавало впервые в руках отдельных лиц (прежде всего родовых старейшин, вождей) массы таких потребительных ценностей, которые были в то же время средствами производства, и эта

концентрация средств производства в руках этих старейшин и вождей впервые создала возможность эксплуатации чужого труда.

Следует подчеркнуть также, что в силу своеобразных условий производства в скотоводческом хозяйстве имущественное неравенство, раз возникнув, стремится к закреплению и углублению, потому что малоимущие скотовладельцы подвергаются риску потерять имущество (от бескормицы, болезней, гололедиц, буранов, скотокрадов) в гораздо большей мере, чем владельцы больших стад.

Все это важно учесть для выяснения закономерности процесса классообразования у скотоводов.

Вполне понятно, почему и теперь среди наших отсталых народов Севера практика советского строительства и эмпирическое изучение фактов показали, что среди них производственная эксплуатация создается на основе оленеводства (северное скотоводство), и самое резкое имущественное расслоение имеет место у оленеводов (чукчи, коряки).

Второй момент, который нужно подчеркнуть, — это развитие феодальной земельной собственности. Для скотоводов захват феодалами земли является не первичным моментом, на котором складываются классовые отношения, а производным, выросшим из накопления больших стад скота. Тем не менее экспроприация земли имеет большое значение. В скотоводческих обществах с экстенсивным хозяйством этот процесс совершается под покровом общинного земельного права, которое настолько маскирует захват земли феодалами, что буржуазные исследователи до сих пор не видят этого факта. Так, самые солидные буржуазные исследователи-экономисты (Швецов и др.), изучающие обстоятельно формы землепользования на Алтае, ни слова не говорят о феодальном крупном и вообще частном землевладении. Лишь после самостоятельных исследований в Ойратии мне удалось установить широко распространенный факт захвата общинных земель зайсанами и баями. В Бурятии результаты исследования форм землепользования (Серебренников) говорят о «захватно-родовом землепользовании», противополагая его «общинно-уравнительному». В Монголии такие исследователи, как Майский, говорят об отсутствии частной земельной собственности. Подобный взгляд мешает или мешал многим из нас признать вообще самые феодальные отношения у скотоводов. Но общинное земельное право не только маскирует экспроприацию земли феодалами, но является и ее орудием.

Ведь само общинное право, сохраняющееся от первобытного коммунизма, допускает фактически индивидуальное пользование землей, никем другим не занятой. Право пользования сохраняется на все время фактического использования (Мекензи и др.). Таким образом, феодалы могли, *не нарушая* этого первобытнокоммунистического общинного земельного права, производить фактический захват земли своими стадами для пастбищ и покосов. Такой захват имел место (например, на Алтае) прежде всего по отношению к сенокосным угодьям и особенно на спутанных плоскогорьях. Здесь

зайсаны и баи огораживали лучшие сенокосы и присваивали их себе.

Таким образом, общинное земельное право приобретало *внутренне-противоречивый характер*. Оставаясь по форме общинным, т. е. первобытнокоммунистическим, оно по существу санкционировало захваченную собственность феодалов.

Далее я хотел бы коснуться некоторых закономерностей, свойственных политической надстройке феодализма вообще и восточного в частности. Этого вопроса не коснулся ни т. Толстов, ни т. Некрасова, говорившая о противоречиях феодализма.

Маркс указывал в I т. «Капитала» на контраст между устойчивостью азиатских обществ в области экспансии и «постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий». «Структура основных элементов этого общества, — говорит Маркс, — не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики».

Как раз эта особенность азиатских (да и не только азиатских) феодальных государств, их крайняя неустойчивость, частое перемещение политических центров, быстрый рост и быстрое разрушение больших царств, не раз отмечалась исследователями (Аристов, Бартольд и др.), но никто, в том числе и марксисты, не дал этому явлению общего объяснения, исходя из имманентных свойств феодального способа производства. [1] Примером указанного явления может служить хоть бы история Центральной Азии с ее непрерывно сменявшими друг друга крупными феодальными царствами — хунны, усуны, сяньбийцы, тугю, уйгуры, киргизы, кидане, найманы, чингисиды, ойраты, алтын-ханы, мангыты, не считая десятков более мелких царств и княжеств, так же быстро распадавшихся, как и слагавшихся.

Это явление глубоко закономерное, и причины его кроются в имманентных законах феодального общества. В условиях застойных производительных сил всякий рост эксплуатации, всякое увеличение массы прибавочного продукта возможно не в интенсивном направлении, не за счет роста общей массы продукта, полученного с данной территории, с данного населения, и не за счет роста относительной прибавочной стоимости (что имеет место только при техническом прогрессе), а почти исключительно за счет экстенсивного роста сферы эксплуатации, т. е. за счет политической экспансии. Эта феодальная экспансия стремится, таким образом, в отличие от капиталистической, не к захвату рынков, а только к захвату, увеличению массы прибавочного продукта путем территориального расширения сферы эксплуатации.

Но противоречивость феодального общества в данном случае состоит как раз в том, что преобладание натурального хозяйства, громоздкая потребительская форма продукта не допускают перемещения больших масс прибавочного продукта до самых верхов

---

[1] Ср. Вайнштейн, Косминский, Феодализм в Зап. Европе, стр. 62, 64 и др.

феодальной лестницы, задерживают значительную часть этого продукта на средних ступенях лестницы. Огромный процент прибавочного продукта оседает в руках низших и средних феодалов, присваивается разными беками, зайсанами. Тем самым натуральный уклад каждый раз кладет предел широкой феодальной экспансии, усиливая низшие и средние звенья феодальной лестницы за счет высших. Любой ничтожный толчок вызывает в таких условиях перемещение центра политической власти, что, как отметил Маркс, нимало не отражается на экономической структуре общества в целом.

В докладе т. Толстова наиболее ценной, убедительной и обстоятельно развитой частью является анализ роли родовых пережитков в восточном феодализме. Перерождение родовых коммунистических форм в формы классовой эксплуатации, узурпация родовой взаимопомощи феодалами, маскировка феодальной власти традициями родового старейшинства — все эти явления имеют чрезвычайно существенное значение как для теоретического понимания закономерности консервации этих родовых пережитков в классовом обществе, так и для практической ориентировки советской политики в отношении к этим пережиткам.

В докладе т. Полякова осталась совершенно не вскрытой закономерность движения и застойности китайского феодального строя. Основная мысль доклада в сущности сводится к тому, что застойность феодализма в Китае вызывалась не чем иным, как самими феодальными отношениями (тезис IV), т. е. что феодализм тормозил сам себя. При всем остроумии этого утверждения его нельзя назвать особенно содержательным. Мало помогает и указание на роль крестьянских восстаний, которые одергивали увлекавшихся феодалов и давали в общем феодализму возможность вновь и вновь собраться с силами. Разделение феодальной эпохи в Китае на шесть этапов совершенно произвольно и основано на переоценке значения смены периодов политического и культурного роста и упадка, периодов смут и порядка в феодальном государстве.

Для выявления подлинных условий устойчивости китайского феодализма очень важно изучить роль неразложившейся родовой общины, что совершенно не было не только сделано, но даже упомянуто в докладе т. Полякова. Сохранение родовых пережитков в Китае до наших дней объясняется целиком их ролью на службе феодального класса; эти пережитки со своей стороны в сильной степени содействовали устойчивости феодального способа производства.

Мне пришлось изучать пережитки родовых отношений в Китае во время двухлетней работы со студентами-китайцами университета Сун Ят-сена, и я убедился в огромном значении этих пережитков до настоящего времени. Родовые, «храмовые» земли служат в руках феодального джентри орудием власти. Средства, получаемые с этих земель, используются родовой знатью и джентри для укрепления своего авторитета, в частности они идут на стипендии для членов данного рода, обучающихся в средней и высшей школе; такой

стипендиат, естественно, вдвойне приковывается к патриархальным родовым традициям, и этим путем часть интеллигенции вербуется на службу реакции. Родовая солидарность противопоставляется классовой, что всецело используется феодалами. Генерал Ян Сен, глава провинции Сычуань, в 1925—1927 гг. выдвинул лозунг: «Все члены рода Ян, соединяйтесь» (очевидно, вокруг самого генерала).

Даже в революционном крестьянском движении родовые пережитки играли (вплоть до Северного похода, а может быть, и позже) тормозящую роль. Известен факт, когда отряды партизан (в южных провинциях) составлялись по родовому признаку и не помогали друг другу из междуродового соперничества, и их поодиночке били генералы.

Последний вопрос, по которому мне хочется высказать свои соображения, — это вопрос о перерастании патриархального крестьянского хозяйства в хозяйство товарное. Тов. Некрасова выдвинула чрезвычайно глубокое и важное положение, что патриархальное крестьянское хозяйство эпохи феодализма есть в *потенции* товарное хозяйство или зародыш товарного хозяйства. Тт. Смирнов и Косминский совершенно неправы, оспаривая это положение. Они механистически противопоставляют натуральное хозяйство товарному и не видят, что первое уже в самом начале таит в себе зародыши второго и, диалектически развиваясь, в дальнейшем в него перерастает. Ленин гениально показал, как крестьянская община (как будто бы антагонист капитализма) все время из себя рождает капиталистические отношения. Совершенно так же (и это другие стороны того же процесса) патриархально-натуральное хозяйство из себя рождает мелких товаропроизводителей, стремится к перерастанию в товарное.

Данное утверждение т. Некрасовой имеет то большое значение, что оно принципиально обосновывает понимание крестьянских восстаний как *прогрессивного* исторического явления, тогда как при всяком другом понимании тенденции развития крестьянского хозяйства мы должны были бы считать крестьянские движения исторически реакционными. В этом состоит политическая значимость основного тезиса т. Некрасовой.

А. С. Морозова

В докладе т. Толстова при анализе феодальных отношений кочевников совершенно почти обойдено молчанием то историческое прошлое, которое они пережили. В частности, разбирая сложение феодализма у туркмен, докладчик исключил, по непонятным нам причинам, богатое прошлое этого народа. На одном моменте в истории формирования туркменского народа, на монгольском завоевании на территории туркмен, я и хочу остановиться.

Маркс и Энгельс доказали, что с тех пор как у большинства народов и особенно на Востоке общество разделилось на две части — оседлую и кочевую, которые являлись двумя отраслями общего

процесса производства, с тех самых пор, естественно, должны возникнуть взаимоотношения между этими отраслями производства. «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части». [1]

Формы этой связи могут быть различны, и одной из форм этой связи является завоевание.

Ход завоевания и его последствия в дальнейшем процессе развития всего производства завоеванных кочевниками оседлых районов исчерпывающе разработаны основоположниками марксизма. Так, Маркс в своей «К критике политической экономии» пишет:

«При всех завоеваниях возможен троякий исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне); или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех этих случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из смешения обоих, определяет собой то новое распределение, которое устанавливается». [2]

Завоевание кочевников не несет с собой нового способа производства в завоеванную область. Завоевания, с которыми мы встречаемся на Востоке, в частности монгольское, потому не могли создать нового способа производства, что они происходили в рамках одной и той же общественно-экономической формации со стороны частей, стоящих только на различных этапах развития этой формации. Наряду с завоеванием стоит как форма связи — грабеж, в свою очередь являющийся только видоизмененной формой обмена. В отношении грабежа Энгельс писал, что он, в сущности, не создавая ничего нового, только перемещает накопленные уже богатства из одних рук в другие.

Острая нужда со стороны кочевников в продуктах производства оседлой полосы, с одной стороны, и наличие в руках кочевников частной собственности в форме продуктов своего производства — с другой, выдвигают, кроме прямого захвата и насилия, новую форму связи — торговлю. В данном случае мы не будем затрагивать вопрос о торговле, а остановимся на завоевании. Завоевание в тех случаях, когда оно исходило от кочевников, стоящих на низшей ступени развития, чем покоренное ими население, зачастую «уничтожало целую массу производительных сил». В большинстве же случаев такие завоеватели принимали способ производства завоеванных и ассимилировались с местным населением, на что неоднократно указывает Энгельс.

Кочевники при завоеваниях всегда использовали в своих интере-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, письмо Маркса к Энгельсу от 2/VI 1853 г.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 66.

сах классовую борьбу, происходящую в земледельческих районах, они превосходно учитывали всю обстановку борьбы и все создавшиеся группировки как в среде господствующего класса, так и в массе городского и сельского эксплуатируемого населения. И на определенных этапах своего продвижения в глубь страны они ориентировались на те или иные борющиеся классы и группы города и деревни. Что это так, доказательством могут служить многочисленные примеры завоеваний кочевников в истории Востока, в частности в истории Средней Азии. Возьмем, например, приход к власти Караханидов. В Бухаре, центре Саманидов, к концу X в. можно установить две группировки, оппозиционно настроенные к политике Саманидов, — высшее духовенство и крупные феодалы. К борьбе этих двух групп присоединяется какое-то глухое, не вылившееся, правда, наружу волнение остального населения как самой Бухары, так и сельской округи. Ориентация Караханидов была на первые две группы, они использовали их оппозиционность друг к другу и к саманидскому правительству и пришли к власти при их поддержке и при пассивном, нейтральном отношении к этой борьбе основной массы населения. Другим примером классовой борьбы может служить восстание Муканны, правда, это восстание развернулось не в эпоху непосредственно перед монгольским завоеванием, но на нем следует остановиться, потому что его характер, широкое территориальное распространение и продолжительность могут служить материалом для характеристики классовой борьбы в уже развитом феодальном обществе Средней Азии. Восстание Муканны, длившееся около 15 лет (последняя четверть VIII в.) и охватившее районы от Мерва, в окрестностях которого оно вспыхнуло, и до Бухары и дальше, возглавлявшееся ремесленником, мервским прачечником, является интересным фактом соединения борющихся демократических элементов городов — ремесленников — и эксплуатируемого населения деревень против феодального гнета. Вспыхнув в Мерве, оно перешло почти на все значительные города и селения Мавераннагра и Хорасана.

Еще в окрестностях Мерва к Муканне присоединилось много сторонников — крестьян и ремесленников, из Мерва же исходила и пропаганда Муканны, его эмиссары были разосланы во все значительные города и селения, и повсюду пропаганда имела большой успех. Это движение особенно развернулось в окрестностях Кеша и Нахшаба. Восстание двигалось, разрушая селения и грабя феодалов, в городах — духовенство и зажиточных, по дорогам — торговые караваны и купцов. Восстание приняло громадные размеры, и известия о нем дошли до Багдада; для борьбы с восставшими были посланы регулярные войска. Борьба продолжалась несколько лет. За характеристикой, которую дает движению Нершахи в «Истории Бухары» как сборищу разбойников и развратников, убивающих и грабящих честных и знатных горожан и феодалов, — за этой явно тенденциозной характеристикой можно усмотреть действительный характер и направленность движения.

Нершахи упоминает, что отголоски этого движения существуют и после того, как оно в основном было подавлено. Широта охвата восстанием селений и городов, быстрота, с которой оно двигалось, характер его как соединения всех борющихся эксплуатируемых элементов города и сельской округи против эксплуататоров говорят за то, что в этот период в земледельческой полосе шла развернутая классовая борьба. Естественно, что такое крупное восстание отразилось в исторических источниках более подробно, чем другие, но массу мелких, местных возмущений, выступлений и восстаний мы имеем и на дальнейшем протяжении истории развития феодального общества в Средней Азии, вплоть до монгольского завоевания. Восстание Муканны говорит нам о феодальном обществе, сложившемся задолго до нашествия монголов.

Легкость и быстрота, с которой монголы передвигались по Средней Азии, захватывая без сопротивления города, и объясняется той классовой борьбой, которая ослабляла силы противника, не давала возможности к единому отпору. Эта внутренняя борьба противников была учтена Чингис-ханом. Ориентируясь в своем завоевании на демократические элементы города, он, с точки зрения представителя господствующего класса кочевого феодального общества, поступал совершенно правильно. Он по собственному опыту знал, какое значение и силу имеет движение этих элементов в стране, как они ослабляют силу господствующего класса. Чингис-хан поэтому, учитывая серьезность восстания эксплуатируемых, сознательно провел политику их поддержки, облегчив этим самым свое продвижение. Следует сказать, что сами монголы в этот период являлись в сильной степени уже феодализирующимся обществом. Само кочевое общество являлось уже разделенным на классы, включало в себя, по выражению самого Чингис-хана, «ловких и проворных» табунщиков и «несведущих» овечьих пастухов. Чингис-хан в борьбе с Чжамухой прекрасно понял, какую силу представляет эксплуатируемая масса, когда она поднимается на борьбу со своими эксплуататорами. Чингис-хан сам пережил момент, когда вокруг его противника Чжамухи объединилась неимущая, беднейшая часть кочевого общества, не желавшая подчиняться Темучину-Чингис-хану. Это восстание Чжамухи ослабляло силу его государства. Он подавил это движение и организовал, кроме того, ряд походов, в результате которых он имел возможность, предоставляя награбленные сокровища и завоеванные пастбища населению, временно смягчить ход борьбы в своем собственном государстве.

Захватывая города, монголы, производя массовое уничтожение населения, особенно феодалов и знатных, богатых горожан, сохраняли ремесленников. Посмотрим, что говорят по этому поводу источники.

Так, Рашид-Эддин, описывая взятие Чингис-ханом г. Самарканда, говорит: «Когда город и крепость сравнялись в разрушении, и избили множество беков и воинов, то на другой день сосчитали оставшихся. Из того числа тридцать тысяч человек означили ре-

месленниками и разделили сыновьям, супругам и бекам». [1] Часть населения — молодежь и женщин — обыкновенно уводили с собой, молодежь использовалась монголами в качестве осадной силы при взятии городов (выражение — «угнали в толпу», т. е. в рабство). Остальную же массу, и прежде всего феодалов, убивали. По этому же вопросу Хондемир, говоря о взятии монголами Хорезма, сообщает следующее (повидимому, речь идет об Ургенче): «Когда город был взят, монголы выгнали в поле всех его жителей и, отделив от них 100 000 ремесленников и разных искусных людей, а женщин и детей повлекши в неволю, остальных разделили, чтобы предать смерти». [2] Можно привести еще ряд подобных указаний: так, тот же Хондемир о взятии Мерва говорит, что монголы, «разрушив город и перебив жителей, сохранили 400 ремесленников». Следовательно, ремесленники сохранялись монголами как часть производительных сил, необходимых также и им самим, и уводились. Но о дальнейшей судьбе их нам почти ничего не известно, кроме того, что их не убивают; мы имеем указания, что они в то же время являются тем элементом, на который часто опираются монголы в завоеваниях, как мы уже говорили выше. В этом отношении интересно место из сочинения Хондемира: Тули-хан, осаждая Герат, обещал жителям последнего за добровольную сдачу пощадить их жизнь, уменьшить вдвое налог (по сравнению с тем, что они платили хорезм-шаху). «Услышав такие предложения, жители города отворили ворота и отправили наперед к Тули-хану эмира Из-уд-Дина Мукаддема, предводителя сословия ткачей, с сотней сих ремесленников, из коих каждый нес по девяти драгоценных платьев». [3] Следовательно, к этому моменту в Герате создается такое положение, что ремесленники приобретают какой-то вес среди населения города, положение, когда в качестве послов выдвигаются ремесленники-ткачи.

По отношению к феодалам и зажиточным со стороны Чингис-хана были обратные действия. Их имущество отбиралось, на них же раскладывалась контрибуция за весь город, их самих снимали с должностей и убивали. Рашид-Эддин по поводу взятия Чингис-ханом Бухары пишет: «Когда от этого дела освободился, то закончил хутбу на том, что потребовал богатых и зажиточных и приказал, чтобы отдали зарытые имущества. Обозначилось 280 человек, из них 190 горожан, а остальные пришлые. Сообразно приказу, произошло требование имущества от их доверенных; что они дали, эти (монголы) взяли и сверх того взяли контрибуцию и налог». При взятии Мерва Тули-хан, по Джувейни, потребовал также список богачей города, у которых он отобрал все имущество и драгоценности. Так наз. контрибуцию Чингис-хану, его сыновьям и эмирам возлагали на богачей. В том же Мерве 400 000 динаров Тули-хану разложили на 400 мервских богачей. Наряду

[1] Перевод Березина, стр. 59.
[2] Перевод Григорьева, стр. 23.
[3] Там же, стр. 29.

с таким положением существуют факты, когда с населения снимается часть налогов или уменьшается их размер. Так, при взятии Герата Тули-хан обещал снять с жителей города половину суммы налога, которую они платили хорезм-шаху Мухаммеду. Из всех приведенных фактов вытекает, что разрушительная деятельность монголов — уничтожение и насилие над господствующим классом побежденных, а также сознательное сохранение ремесленников — все это являлось результатом определенной политики Чингис-хана. Нас не может удовлетворять характеристика, данная буржуазными учеными как самому завоеванию монголов, так и его последствиям для завоеванной страны. Так, например, Григорьев склонен был видеть в монгольском завоевании факт только одного грубого насилия, и ему представлялось, что единственной целью монголов была «мысль перерезать все народонаселение этой страны (речь идет о Китае) и обратить возделанные земли ее в пастбища для себя». [1] Бартольд все успехи монголов в завоеваниях Средней Азии и в создании таких размеров империи, а также и политику Чингис-хана объясняет только личными качествами последнего, его огромной силой воли, настойчивостью, рассудительностью и справедливостью к беднейшему населению стран, завоеванных им, и пр. «Справедливость» Чингис-хана прежде всего была следствием внутренней борьбы, а предоставление сокровищ и пастбищ своему народу — не более как реакционной попыткой укрепить государство кочевых феодалов.

Таким образом, действительно, монгольское завоевание подходит к тому типу завоеваний, по характеристике Маркса и Энгельса, в результате которых победители оставляют существовать в завоеванной стране старый способ производства, довольствуясь взиманием дани, и *в конце концов подчиняются тому высшему «экономическому положению», которое они находят у побежденных, ассимилируясь с последними.* Разрушительная деятельность монголов в первые годы завоевания, ориентация на демократические элементы города и уничтожение феодалов, снижение налогов с населения — все это надо считать только средствами, которыми монголы подкупали расположение масс для более успешного движения. Уже через несколько лет после того, как крупные города были завоеваны и разрушены, замечается тенденция к восстановлению некоторых из них. Впоследствии верхушка монголов — феодалы — приобретает земельные участки, сливаясь тем самым с феодалами завоеванной ими страны. Временные уступки населению, о которых говорилось выше, уничтожаются. Кроме того, появляются известия, указывающие на прикрепление крестьян к земле. Феодальная эксплуатация, следовательно, не только не уничтожается или ослабляется, а наоборот — она усиливается, точно так же, как и классовая борьба. Иллюстрацией и доказательством этого может служить

[1] Журнал министерства народного просвещения, т. CLXXVIII, отд. II, Григорьев, Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами.

народное восстание в Самарканде в 1365 г., направленное сначала против завоевателей-монголов, а потом и против местных феодалов.

Каковы же последствия монгольского завоевания? — Оно, во-первых, сознательно уничтожило производительные силы страны в тех пунктах, откуда монголы могли больше всего ожидать взрыва со стороны местных феодалов, взрыва, способного уничтожить их господство, — уничтожение центров, откуда исходило влияние на окружающее население. Такой город, как Мерв, был уничтожен совершенно — стены крепости, постройки сравнены с землей, сады, хлопковые и рисовые поля, виноградники и основное условие развития сельского хозяйства на Востоке — оросительная система, достигшая удивительно высокого уровня развития, — были уничтожены, население вырезано. Мерв был превращен в развалины, жизнь прекратилась на два столетия. До прежних своих размеров и значения Мерв уже никогда не доходил, хотя и был восстановлен при Шахрухе, в начале XV в. Мерв, этот огромнейший древний культурный оазис с сильным дехканством, в эпоху перед монгольским завоеванием являлся центром, откуда распространялась власть мервских дехкан на окружающие территории. В сельджукский период гузы платили дань Мерву, следовательно, он имел под собой крепкую экономическую и политическую базу. Уничтожение Мерва — это уничтожение целого крепкого очага, целой культуры. Уничтожен был нерв мервского оазиса — оросительная система, в результате чего перестала существовать одна из древнейших культур Средней Азии.

На примере Мерва подтверждается мысль Энгельса: «Одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации».

Во-вторых, монгольское завоевание, дополняя восстание эксплуатируемых против феодального гнета, делая временные льготы населению, не ликвидировало феодального способа производства. В самом деле, дальнейший процесс идет в рамках развивающейся феодальной формации. Усиливается эксплуатация населения, появляется прикрепление к земле, бурно развивается торговый капитал. И только в ходе завоевания начали складываться новые отношения, исследование которых — особая тема. Способ же производства остался феодальным, да иначе и не могло быть. «Восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта». [1]

И этот факт, что уже в период монгольского завоевания XIII в., следуя положению т. Толстова о единстве развития оседлой и кочевой части в тезисе 20-м, общество на территории туркмен было феодальным, вызывает у нас сомнение в правильности тезиса 8-го, в котором т. Толстов склонен утверждать, что туркмены XIX в.,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 164.

т. е. «накануне русского завоевания», были представителями рабовладельческой стадии.

С. А. Майзель

Выступление мое посвящено обсуждению одной из проблем, поставленных в докладе т. Толстова.

Бесспорно ценна и заслуживает всяческого одобрения постановка т. Толстовым вопроса об общественно-экономическом строе кочевого хозяйства. Бесспорны, в первую очередь, указания докладчика о значении правильного учета феодальных и других пережитков в экономике и сознании сегодняшних и вчерашних кочевников, населяющих территорию Советского союза и народно-демократических республик Монголии и Тувы, совершающих под руководством победившего пролетариата и его ленинской партии свой укороченный исторически путь к социализму. Серьезно поставленные учет и изучение этих пережитков определяют, не в последнюю очередь, успешность антиимпериалистических колониальных революций.

Тем не менее, доклад много выиграл бы при минимально серьезной попытке конкретного исследования хотя бы одного из перечисленных на огромнейшей исторической карте кочевых обществ. Устранение диспропорции между исключительной широтой охвата темы и ее обоснованием послужило бы только на пользу. И дело, конечно, не в одном регламенте настоящего пленума: декларация, вместо решения проблемы, неизбежна при подобном экстенсивном, так сказать, подходе и в рамках трехчасового доклада.

Переходя от этих вводных замечаний к сути своего выступления, посвященного вопросу о социальном строе кочевых арабов доисламского периода, я должен предупредить, что оставляю совершенно в стороне вопрос о социальном строе несравненно более высокого по уровню развития и социальной дифференциации юго-западно-арабского общества на территории современного Иемена.[1] Говоря о высказываниях классиков марксизма по вопросу о соотношении между кочевниками и оседлыми земледельцами, докладчик счел почему-то нужным обойти это указание Энгельса.

Мы имеем совершенно четкое положение Маркса о том, что «кочевые народы первые развивают у себя денежную форму» и что «люди нередко превращали самого человека в образе раба в первоначальный денежный материал, но никогда землю не превращали в этот материал».[2] Кочевые и полукочевые племена доисламских арабов (в том числе и полукочевое племя корейшитов) вели оживленнейшую, но преимущественно посредническую, торговлю (скупка, продажа и караванная транспортировка пряностей и ряда других товаров). Возьмем для этого к примеру такой сравнительно ранний документ, как Коран, густо пропитанный торговым и в то же время феодальным духом.

[1] См. соответствующее указание Энгельса в «Переписке», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 484.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 45.

В связи с тем, однако, что «все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме» (Маркс), широта распространения у кочевников, в частности у арабов, торговых связей не сопровождалась адэкватным углублением этих связей, созданием мощных кулаков торгово-ростовщического капитала. К самостоятельной чеканке монеты арабы приступили лишь со времен Омайядов, пользуясь до того монетой персидской и византийской и широко применяя товарообмен. Характерно, что народ относился на первых порах недоверчиво к новой арабской монете, «так как на ней не было византийского креста». Не менее характерны сохранившиеся в арабской литературе рассказы о том, как, по совету будущего халифа Али, арабы, завоевавшие Персию, разрезали на части с целью дележа знаменитый ктезифонский ковер и как бедуины, не умевшие считать дальше тысячи, за бесценок продавали захваченные драгоценные камни.

Одним из основных предметов торговли (продажи, грабежа, купли) были рабы, но в кочевом скотоводческом хозяйстве арабов рабы могли играть лишь подчиненную роль (патриархальное рабство и затем, при переходе к феодализму, рабство домашнее). «Иное дело рабство на Востоке: здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом». [1]

Об отсутствии базы для массового применения рабского труда говорит, между прочим, широко распространенный обычай (вызвавший нападки Корана) своеобразного «регулирования» движения народонаселения посредством убийства новорожденных девочек. При самом критическом подходе к произведениям арабских историков уместно будет привести, что военнопленный раб Фируз, убийца халифа Омара, занимался самостоятельно своим ремеслом, ограничиваясь уплатой подати в размере трех диргемов ежедневно. Сообщения историков о том, что секретарь Мухаммеда, усыновленный им Зейд, был вольноотпущенным рабом, что вольноотпущенным рабом был также первый муэдзин Билаль, представляют собой факты, мало гармонирующие с представлением о рабовладельческой формации или хотя бы о наличии свежих ее пережитков.

В военных операциях кочевых арабов, являвшихся продолжением их производственной деятельности, рабы активной роли не играли. Примечателен следующий эпизод из биографии одного из ярчайших представителей так наз. доисламской поэзии, Антары, сына черной рабыни, который по желанию своего отца, араба-абсита Шеддада, был осужден на рабство. Во время набега одного из племен на абсов отец крикнул Антаре: «помогай, Антара», но тот ответил: «раб не умеет сражаться. Он знает одно: доить верблюдиц и подвязывать им вымя». Тарик, завоеватель Испании, именем которого назван Гибралтар, был прежде рабом главнокомандующего

[1] Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV стр. 451.

Мусы и постоянно затем подвергался побоям от руки своего бывшего господина.

При первых халифах стали уже применяться феодальные формы эксплуатации завоеванных стран: Ирака, Персии, Сирии, Египта и др. Оставшиеся сравнительно мало экспроприированными местные «неправоверные» землевладельцы уплачивали подушную подать (джизья), налог с домов и с земли. Приведем образец более или менее типичной соответствующей охранной грамоты, приводимый историком ал-Белазурием:

«Во имя аллаха, всемилостивого и всемилосердного. От Мухаммеда, посла божьего, хабибитам и жителям Макны. Дарую вам мир, ибо было мне откровение, что вы вернетесь в ваше селение. И когда дойдет до вас это мое письмо, то вы будете находиться в безопасности и под покровительством аллаха и посла его; посол божий простил вам ваши прегрешения и всякую пролитую вами кровь, за которую вас преследовали. Вы не поделитесь вашим селением ни с кем, кроме посла божьего или посла посла божьего. Вас не будут обижать и вас не будут притеснять, так как посол божий будет защищать вас так же, как и самого себя, ибо послу божьему принадлежат ваши наряды, ваши рабы, ваши лошади и ваши кольчуги, за исключением того, что оставит вам посол божий или посол посла божьего. И кроме того, вы должны выдавать четверть урожая ваших пальм, четверть вашего рыбного улова и четверть того, что выпрядут ваши женщины; а затем вы свободны, и посол божий избавляет вас от всякого поголовного налога и натуральной повинности... И кто из мусульман решится сделать добро хабибитам и жителям Макны, то это пойдет впрок ему; а кто будет поступать с ними дурно — сделает это на свою голову. И не будет над вами иного эмира, кроме выбранного из вашей среды или из семейства посла божьего. И писал Али-ибн-абу-Талиб в 9-м году».

Подобная политика феодальной эксплуатации местного населения постоянно сопровождалась (вопреки ссылкам на запреты Омара) массовой аппроприацией земли арабской родовой и феодальной знатью.

«Из первого крупного общественного разделения труда [выделение пастушеских племен из остальной массы варваров. *С. М.*] возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых». [1] Продолжая эту мысль, Энгельс пишет: «Произошло *второе крупное разделение труда:* ремесло отделилось от земледелия. Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность человеческой рабочей силы; рабство, только возникавшее и случайное на предыдущей ступени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми помощниками, десятками их сгоняют теперь работать на поля и в мастерские. [2]

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г., стр. 162

[2] Там же, стр. 164.

В этих ограниченных пределах применяли доисламские кочевники-арабы доклассовой эпохи рабство. На современном феодальном Аравийском полуострове рабство сохранилось и по сей день в виде уклада. Арабское слово «абд» (раб) является и сейчас синонимом слова «негр» (раб — только иноплеменник).

Варвары — кочевые арабы VII в. н. э. — феодализировали завоеванные ими страны (закрепляя феодализм там, где он был) и одновременно феодализировались сами (как на полуострове, так и в странах, ими завоеванных, куда они инфильтровались). Факт живучести рабства в арабских странах говорит не в пользу тезиса о рабовладельческой формации кочевого арабского общества доисламского периода. Это общество не подверглось великому, всеочищающему процессу революции рабов.

Д. А. Ольдерогге

Мне, работающему в области изучения Африки, доводится выступать уже второй раз на пленуме ГАИМК. Не случайно то обстоятельство, что чаще и чаще обращаются к примерам, взятым из истории доклассового и раннеклассового общества Африки. Если обычно этот материал приводится лишь в качестве аналогии более или менее удачной, то в докладе т. Толстова прозвучала совершенно иная нотка — более глубокая постановка вопроса — «Ряд проблем истории общества Центральной Азии должен найти свое решение в Африке».

На первый взгляд это звучит почти парадоксально. Обычно утверждается обратное — все культурные круги распространяются из Азии, из Азии приходят хамиты, из Азии обработка железа, словом — все африканское находит свое объяснение в Азии. На этом сходятся мнения и представителей культурно-исторической школы в Вене — Шмидта и Копперса, таково же мнение Фробениуса. Словом, проблемы Африки всегда решались на азиатском материке. И вот, когда т. Толстов предлагает здесь совершенно обратное, то дело не заключается в том, что решается где — Африка раньше или Азия. Вопрос глубоко принципиальный. Дело заключается в том, с какой точки зрения изучается материал, — с точки зрения культурно-исторической или же марксистской. Действительно, лишь стоя на точке зрения марксизма, стоя на точке зрения единого исторического процесса, диалектического в своем развитии, можно признать правильность утверждения т. Толстова. Действительно, многое из истории кочевников Центральной Азии может быть понято лишь при учете африканского материала, конечно, при учете всей его специфичности. Давно уже отмечалось поразительное сходство быта восточноафриканских скотоводов с кочевниками Средней Азии. Недаром же и культурно-историческая школа объединяет их вместе в один «большесемейный патриархальный культурный круг скотоводов».

Этнографические данные об африканских народах дают нам при-

меры в общем более ранних, по сравнению с Азией, ступеней развития общества — общества на стадии разложения рода и сложения классовых государственных образований. Словом, в данном случае налицо примерно то же положение вещей, которое выражено в известном всем по Энгельсу сравнению ирокезов с греками — когда первые являются, так сказать, предшественниками вторых.

Однако, если можно вполне соглашаться с этим утверждением т. Толстова, новым по своей четкости утверждением, которое хочется выразить словами — ex Africae lux, то совершенно иначе обстоит дело с использованием самого материала. Сравнивать два общества — дело трудное, гораздо более трудное, — надо знать оба, да притом взятые не изолированно, а во всем их конкретно-историческом окружении.

Немудрено поэтому, что при своем фантастически широком охвате от туарегов до монголов и от туркмен до зулу т. Толстов допустил, как мне лично кажется, некоторые ошибки. Ошибка его заключается в следующем: типичными образцами рабовладельческой формации у кочевых народов т. Толстов считает доисламских арабов, еврейское общество X в. до н. э. и несколько африканских племен. Остаюсь при сомнении — действительно ли доисламские арабы и евреи эпохи Авраама образовывали общество, которое можно назвать рабовладельческим. Что рабы там существовали — это несомненно, но вопрос ведь ставится не так, — всюду, где имеется упоминание о рабах — там рабовладельческий способ производства, или где есть крепости, там обязательно феодализм. (Напомню известнейшие примеры германцев эпохи Тацита, имевших рабов, и Фессалию). Но это замечения, сделанные так сказать, в сторону.

Из числа африканских народов т. Толстовым были упомянуты в тезисах туареги, тиббусы, сомали, масаи, вахума и зулусы, и, кроме того, в докладе дополнительно он упомянул еще галласов. Несколько зная именно этот африканский материал, я хотел бы сделать несколько замечаний. Вопрос сводится, в сущности говоря, к тому, являются ли эти общества конкретными разновидностями рабовладельческой стадии в развитии кочевых скотоводческих обществ, которая «соответствует античной формации Средиземноморья», другими словами — являются ли рабы в данном обществе основой производства, основой, на которой зиждется все скотоводческое хозяйство.

Я начну с сомали. Чтобы не быть голословным, я приведу мнение наиболее авторитетного и солидного исследователя, каким является для Северо-восточной Африки Пауличке, основной источник наших знаний об этой области. Вот что он пишет: [1] «В хозяйстве кочевников сомали и данакиль оно, т. е. рабство, в сущности не существует, так как области, населяемые обоими народами, населены очень редко, земледелие несущественно, и, кроме того, по-

[1] Paulitschke, II, стр. 138—139.

гому что при скотоводстве люди относительно легко добывают себе средства к существованию, а прокормить большое число рабов от дохода, полученного от стад, невозможно. У сомали держание рабов — роскошь, которую позволяют себе лишь богачи-горожане. Вместо рабов у сомали имеются так наз. парии, отношения которых к сомали не являются простым подчинением. Они всегда оплачиваются за свои услуги. Рабство развилось лишь со времени появления ислама. Следует иметь в виду, что при использовании женского труда и при существовании париев в этом нет особой нужды. Торговля рабами у сомали и даникиль незначительна». [1] Таким образом, мы имеем здесь не рабовладельческий способ производства, а лишь использование рабов либо для перепродажи либо для домашних услуг, да и то в условиях городской жизни. Надо сказать, однако, что рабство в северо-восточном углу Африки чрезвычайно развито, но как раз не среди скотоводческих народов, а среди земледельцев в Абиссинии, например, в Каффе, где рабы составляют почти половину всего населения. Там именно используются они в земледелии и составляют, повидимому, основу всей экономики, всего способа производства. Кроме того, рабы имеются и у соседей сомали — у галла. Их упомянул т. Толстов, но думаю, что по ошибке, потому что, за исключением небольшого числа, все галла — земледельцы, и, таким образом, к теме доклада они никакого отношения не имеют. По той же причине следует исключить еще и тиббу (которых, впрочем, лучше называть теда), так как они также не скотоводы.

Что касается зулу, то факт отсутствия у них рабовладельческого способа производства доказывается, мне кажется, лучше всего тем, что всех военнопленных, а тем самым рабов, зулу включали в свои войска и формировали из них новые полки и не делали никакого различия между ними и собой. Некоторое количество рабов у зулу; конечно, существовало, но это рабство было типично-патриархальным рабством. Что касается масаев, то этот пример попал сюда, конечно, по недоразумению. На нем не следовало бы и останавливаться, но, чтобы не допустить неясностей, скажу что именно масаи могут служить интересным примером общества, в котором как раз отсутствует рабство. Военнопленных мужчин убивают,— они ненужны, они лишние рты. Женщин, особенно молодых, берут в жены:

«Gefangene machen die Masai nicht... Nur selten kommt es vor, dass sie auch Frauen mitführen, diese werden aber nicht zu Sklaven gemacht, sondern von dem Bettrefenden, der sie erbeutet hat, geheiratet». [2]

Для чего могут быть нужны рабы? — Пасти скот, но это дело настолько «почетно», что к уходу за скотом не допускаются даже свободные женщины своего племени: пасти скот должны лишь воины.

---

[1] Paulitschke, I, стр. 260.
[2] M. Wies, Die Völkerstämme im Norden Afrikas, стр. 348.

Наконец, последний пример — туареги. Есть ли у туарегов рабство? — Да. Туареги торговали рабами, причем эта торговля принимала большие размеры, кроме того, известное количество рабов имеется у них и в хозяйстве. Но и в данном случае я затруднился бы вместе с т. Толстовым определить их способ производства как рабовладельческий. Дело в том, что характерным и, я думаю, определяющим для общества туарегов является не столько деление на рабов и свободных (что было бы типично для рабовладельческой стадии), но деление всех свободных туарегов на imghad, зависимых, от majghan, причем эта форма зависимости вряд ли может быть определена как рабство.

Среди кочевников Сахары встречаем также особую форму эксплуатации, а именно — эксплуатацию туземного населения, занимающегося земледелием, со стороны кочевников-скотоводов. Эксплуатация эта выражается в обязательстве снабжать скотоводов продуктами земледелия. Так именно обстоит дело, помимо кочевников Сахары, эксплуатирующих население оазисов, и у масаев, но там это не выражено так четко, как у сомали. Среди сомали живет большое количество народов, называемых обычно париями — id Gabôj, которые все противопоставляются самим сомалийцам — Gôb. Эти племена париев, — наиболее известны среди них Tomal, Midgän и Jebîr, — главным образом охотники и кузнецы — находятся в зависимости от сомали. Но можем ли мы говорить про эти подчиненные племена, что они представляют собою рабов, уже подходя с чисто формальной точки зрения — от определения, чем отличается раб от крепостного? — Тем, что отделен от средств производства. Как раз этого нет у всех этих народов-париев. Они живут своими поселками, своими ордами, женятся и выходят замуж в своей среде по своему желанию, работают на своих полях, своим орудием, охотятся и т. д. Наконец, работа кузнецов и т. д. всегда оплачивается сомали. Я думаю, что считать их рабами было бы по меньшей мере некритично и во всяком случае без приведения веских данных в пользу этого — недоказательно. Вообще же положение этих париев должно быть делом ближайшего исследования.

Я не сказал еще ни слова о вахума. Трудно дать в двух словах представление об этом обществе. Надо сказать, что в государствах африканского междуозерья основную массу населения составляют крепостные — люди, живущие общинами на своей родовой земле (butana), — земле, которая противополагается земельным участкам, пожалованным за службу на определенных условиях (batongobe). Вся система эта весьма близко напоминает феодализм, вплоть до существования иерархической зависимости, где от кавана зависят более значительные batongobe, от этих batongobe — другие, более мелкие и т. д. Я не стал бы переоценивать также и значение феодализма, но это особый вопрос, почему для настоящей темы это не имеет значения. Во всяком случае о рабовладельческом способе производства среди вахума не может быть и речи.

Но вот может быть задан вопрос — а существовал ли рабовла-

дельческий способ производства в Африке? Да, думаю я, мы имеем тому примеры. Во-первых, в некоторых областях Западного и Центрального Судана, затем в Абиссинии и Каффа, наконец в Восточной Африке, в арабских латифундиях в Занзибарском султанате, где мы имеем примеры крупного рабовладельческого хозяйства, как о том сообщают суахельские тексты.

Вообще же у целого ряда преимущественно земледельческих народов именно на пороге классового общества всегда заметно большое развитие рабовладения.

А. Маргуланов

Проблема, поставленная т. Толстовым о генезисе кочевого феодализма, чрезвычайно интересна. Но, к сожалению, докладчик не смог развернуть те специфические черты феодальных отношений у скотоводческих народов, о которых он часто упоминал в своем докладе. В данном случае мы имеем в виду вопрос о феодализме в дореволюционном Казакстане, который стоял в центре его доклада. Вообще, говоря о докладе т. Толстова, можно заметить, что его доклад поставлен вне времени и пространства, в докладе нет системы, о чем уже говорили другие товарищи. В частности я вполне солидарен с т. Равдоникасом в том, что рассматривать древних скифов в одинаковой плоскости с современными кочевниками нельзя, ибо скифы и современные кочевники жили не в одинаковом социально-экономическом окружении. Мне кажется, это весьма справедливое замечание. В самом деле, если взять дореволюционный Казакстан, то там мы имеем такое многообразие в общественно-экономической жизни, которое вряд ли можно найти у скифов, живших еще не только вне капиталистического окружения, но и вне феодальной формации. В дореволюционном Казакстане наравне с пережитками патриархально-родовых отношений мы имеем не только развитой ростовщический капитал, но и внедрение капиталистической системы, носителями которой являлись городские предприниматели, купцы, тоже имевшие свое кочевье на летний сезон где-нибудь в долинах рек или в горах, например, типа купцов Каражановых.

Тов. Толстов вполне прав, однако, тогда, когда он говорит, что народническо-националистически настроенная интеллигенция Казакстана, вроде Байтурсунова, не признавала расслоения в казакском ауле, что для нее не было различия между баем и бедняком (кедеем). И действительно это было так. В духе русских народников казакские националистические интеллигенты не хотели видеть дифференциации в ауле; они ставили того же купца Каражанова наравне с каким-нибудь батраком. Но дифференциация в ауле произошла не вчера, не в XIX столетии, расслоение аула на два класса (бай и кедей или султан — толенгит) мы видим еще в XVII в., а может быть, и еще раньше. Трудовое обязательство бедняка баю-феодалу нам известно под названием «at majь», «savьn». Баи да-

вали беднякам в пользование своих жирных лошадей на время, пока они «не исхудают», и дойных коров или кобылиц, за что бедняки обязаны были чем-нибудь отработать, т. е. фактически они закабалялись.

Таким образом, около феодала-бая группировалось известное число бедняков, преимущественно из родственников, образующих аул в 10—30 кибиток. Эти бедняки служили своему господину-баю за «at majь» (рабочий скот), молоко, за шерсть скота, и по требованию последнего они должны были выполнять любую работу, которая возлагалась на них.

Ростовщический капитал еще более жестоко эксплуатировал народную массу, «букару»; он довел маломощные хозяйства до пауперизации и образования аульных батраков-джатаков. Нам известна форма кредитной системы «gьzьl buzav», по которой кредитор или купец отпускает беднякам за приплод скота деньги или мануфактуру, а через год взамен gьzьl buzav» он требует уже годовалую телку. Таким образом, бедняки задолжались ростовщику не по одному приплоду, а по несколько «gьzьl buzav», ибо кредит в один «gьzьl buzav» не удовлетворял насущную потребность бедняка, так как за «gьzьl buzav» ростовщики давали по рублю деньгами или по 3—4 аршина мануфактуры. Такая заманчивая сделка казалась для бедняка, у которого нет готовых средств для приобретения нужных вещей, на первый взгляд выгодной, и поэтому бедняк, несмотря на тяжелые последствия этой гнетущей системы, по нужде должен был брать кредит в 3—4 «gьzьl buzav» с расчетом, чтобы через год вернуть ростовщику 4 телки. Но уже вернуть четыре головы рогатого скота бедняк, естественно, не мог, и он должен был отработать этот долг физическим трудом своим или всей семьи. Стало быть, бедняки уже оказывались в полной зависимости у ростовщиков и возделывали их поля и пасли их стада.

Таким образом, мы подошли к своеобразной форме феодальных отношений. В скотоводческом хозяйстве мы можем проследить также и тот путь, по которому шел средневековый европейский феодализм. Если характерной чертой западноевропейского средневекового феодализма является вассальная зависимость, то это же мы наблюдаем и в Казакстане в первой половине XIX столетия. В этом отношении чрезвычайно типичен известный в литературе феодал Джангир.

«Джангир землями между Волгою и Уралом распорядился, как своей собственностью: 400 000 десятин оставил себе, а большую часть раздарил или распродал своим родственникам и любимцам». [1]

Также: «... Две трети ордынской территории лучшей земли были ханом Джангиром отданы нескольким султанам (читай — вассалам) и старшинам во владение». [2]

За пользование землей букара (простолюдин) обязаны были пла-

---

[1] Н. Веселовский, В. В. Григорьев по его письмам и трудам, стр. 124.
[2] «Уральские войсковые ведомости», 1877 г., № 5.

тить хану дань в виде оброка, и каждой «осенью собирали с каждой кибитки на зарез для ханского стола по одной лошади, стоящей непременно 70 рублей; если кто не имеет такой лошади, то должен отдавать 70 рублей деньгами». Кроме того, каждой «осенью собирали с каждой кибитки сено» [1] по одному возу.

Основное отличие современного скотоводческого хозяйства от древних кочевников заключается еще в том, что здесь мы видим сочетание скотоводства с земледелием, иногда с упором на обработку поля. При возделывании земли бедняки целиком попадали под тяжелую экономическую кабалу от своих баев и по существу становились их батраками. Дело в том, что у бедняков не только не было инвентаря, но и рабочего скота и семян. За помощью они были принуждены обращаться к баям и таким образом попадали в кабалу.

Богатые казаки сами обычно кочевали на джайляу, поручая обработку земли зависимым от них беднякам и снабжая их зерном, рабочим и молочным скотом и инвентарем. Отсюда получились сельские (аульные) батраки в Казакстане, известные под названием джатаки.

Можно установить также узурпаторские отношения баев-феодалов. Здесь характерна известная среди казаков фраза, которая гласит: «у кого крепкий кнут, у того и земля; богатые устраивают по 2—3 зимних стоянки (помещения) и отнимают у нас, бедняков, сенокосы и стоянки». [2]

Кстати сказать, некоторые этнографы до сих пор объясняют общественный уровень кочевого хозяйства по форме кочевания как пережиток первобытности. В сущности, кочевание являлось лишь внешней формой, по сути же дела феодальные отношения у скотоводов те же, как у феодалов средневековой Европы. Возьмем, например, курдов или монголов, которые летом кочуют, а зиму проводят в деревне.

А. С. Поляков

Остановлюсь прежде всего на вопросах, выдвинутых в выступлении т. Богаевского. Первый и основной упрек, который был мне брошен в этом выступлении, заключался в том, что я якобы пользовался «филологическим методом». Повидимому, т. Богаевский возражает против того, что я использую только письменные источники. Но при том положении, в котором находится археология в Китае, когда вещественные памятники исследованы лишь в чрезвычайно узких пределах и лишь для отдельных, главным образом древнейших, периодов, широкое привлечение этих памятников для историка, в особенности при изучении общих проблем, практически невозможно.

Работы по общей истории Китая западных буржуазных авторов обходят полным молчанием вещественные источники. Работы по

[1] «Уральские войсковые ведомости», 1877 г., № 4.

[2] Материалы по киргизскому землепользованию, IX, Петербург—Воронеж, 1898 г., стр. 19.

общей истории Китая строятся буржуазными историками главным образом на основе китайских общеисторических работ, а нередко и на основе *переводов* с китайских работ, сделанных еще в XVIII в. (Кордье), или на основе работ лишь европейских авторов (Груссэ).

В отношении использования источников я постарался сделать шаг вперед и базирую свои выводы на данных *хроник* (Бэнь-Цзи) и *отделов «Предметов потребления и товаров»* (Ши-Хо Чжи) династийных историй, а для древнейших периодов частично и на данных *надписей* и других первоисточников (современных эпохе философских и литературных произведений).

Беря письменные источники, я все свои построения основываю на использовании данных, именно — о *материальном производстве*. В отношении деления истории Китая на этапы, которые я выдвинул, и в отношении внутреннего развития этих этапов я должен заметить, что основным моментом для меня было именно развитие экономики, развитие экономической структуры Китая в тот или иной период, та расстановка классовых сил, те наиболее крупные классовые схватки, которые происходили на этих этапах. И совершенно необоснованным является обвинение в формальном подходе, которое бросил мне т. Богаевский. Я подходил к решению проблемы не с точки зрения анализа лишь *формы* развития исторического процесса в Китае, а с точки зрения исследования самого глубокого *содержания* этого процесса, самой основы исторического развития, которая заключается в столкновении основных классов общества.

Мне кажется, что если бы мне возразили, что те факты, на которые я указал в рамках намеченных мной этапов, относительно *начальных* периодов этих этапов, характеризующихся элементами экономического роста, укреплением оброчных отношений, растущей политикой централизации, продолжающимися крестьянскими восстаниями, относительно *центральных* периодов этих этапов, характеризующихся значительным экономическим подъемом, образованием всекитайских империй и временным прекращением крестьянских восстаний и феодальных усобиц, наконец, относительно *заключительных* периодов этих этапов с их характерными признаками; если бы мне возразили, что указанные мною факты неверны, что они не повторялись через определенные периоды в истории Китая с четкой закономерностью, — тогда бы я признал мою ошибку в этих пунктах и изменил бы те или иные звенья своей концепции. Но пока этого не сделали ни специалисты китаисты, ни оппоненты на данном пленуме. Поэтому я не вижу оснований отказываться от какого-бы то ни было из выдвинутых мной соображений.

В то же время я ни в какой мере не считаю свою схему окончательной, но в интересах ее дальнейшей разработки я хотел бы услышать *конкретные возражения*. Таких возражений я не слышал. Я не слышал возражений против деления мной эпохи феодализма на шесть этапов и деления каждого этапа на три периода.

Коснусь далее вопроса о рабстве, затронутого в р[ечи]

т. Киселева. Я специально останавливался на этом вопросе на пленуме сектора античной формации и там указывал, что, действительно, первое деление общества на классы в Китае было делением на рабовладельцев и рабов. На это указывают отдельные памятники. Я указывал, что источники по рабовладельческим отношениям в Китае чрезвычайно обширны и что можно отметить существование этих отношений, начиная с образования феодальных отношений и до настоящего времени. Но вопрос этот требует особого изучения. Однако и при данном его состоянии ясно, что на каждом отдельном этапе рабовладельческие отношения играли лишь чрезвычайно незначительную роль, я даже не назвал бы их укладом, так как в основном экономическом костяке Китая они не имели большого значения.

Все данные, которые приводил т. Киселев, ни в какой мере не противоречат выдвинутой мною концепции. В Китае действительно были отдельные элементы рабства. Но данные, которые привел т. Киселев относительно XII в., требуют некоторых поправок. Получилось представление, что речь идет о всем Китае и что на определенном периоде во всей стране каждая семья имела одного или двух рабов. На самом же деле приведенные т. Киселевым данные относятся только к царству Цзинь, которое занимало лишь часть территории Китая, а в этом царстве (кстати, не китайском, а основанном *жучженями*) цифры относятся к двум-трем небольшим районам на северной его границе, ближе к исконным территориям царства Цзинь.

Если мы возьмем данные китайской династийной истории царства Цзинь, составленной в середине XIV в. (отдел «Предметы потребления и товары», подраздел «Население»), то мы увидим, что рабы составляют *по переписи* той эпохи четвертую часть населения царства, разделенного на старые родовые подразделения (около 1 350 000 душ из 4 800 000 душ). Приведенные переписью данные о рабах лишь для населения, разделенного на старые родовые подразделения, явно указывают на применение рабов не основной массой китайского населения, а завоевателями жучженями, безусловно стоящими на значительно более низкой ступени общественного развития, чем китайцы. Централизованное царство сложилось среди племен жучженей только за 50—60 лет до их вторжения в Китай; именно эти племена, еще недавно вышедшие из стадии родового быта, и принесли с собой в Китай сравнительно значительно развитые рабовладельческие отношения (*элементы* рабства в Китае имелись искони). Основная же масса китайского населения в эту эпоху безусловно жила на основе феодальных отношений, так как общая цифра населения, даваемая теми же переписями для *всей территории* Северного Китая, уже составляет около 43 000 000 душ. Таким образом, рабовладельческие отношения и в самом царстве Цзинь играли чрезвычайно незначительную роль.

В заключение я должен еще раз заметить, что я отнюдь не считаю свое построение окончательным — я жду возражений, которые

помогли бы мне исправить те или иные неверные моменты в моей концепции, которые помогли бы мне продолжать разрабатывать проблему закономерности развития феодальной формации в Китае. Но в выступлениях по моему докладу на данном пленуме никаких конкретных возражений, требующих пересмотра того или иного из выдвинутых мной соображений, я не слышал.

С. П. Толстов

Я, конечно, не могу остановиться на всех высказываниях по моему докладу. По моему подсчету, они исчислются в количестве двенадцати и заняли минимум 3½ часа. Поэтому я должен сгруппировать все выступления и остановиться лишь на основных вопросах, вызвавших разногласия.

Прежде всего должен сказать, что основной мой тезис, который был и целью доклада, тезис о формах земельной собственности в обществах кочевников, формах эксплуатации и роли родовых пережитков в условиях ставшего уже классовым общества, не встретил возражений. Наоборот, целым рядом выступавших, оперировавших новым материалом, этот тезис был подтвержден. Это, конечно, не может не дать мне большого удовлетворения.

Дискуссия развернулась главным образом вокруг вопроса о скифах, который был затронут в моем докладе лишь косвенно, и другого, тесно связанного с этим, вопроса — о роли рабства и рабовладельческой стадии в развитии обществ с ведущей ролью кочевого скотоводства.

Прежде всего, для того чтобы уяснить себе основную, отправную точку зрения, я еще раз должен сказать, что подчеркиваю совершенную неправомерность изучения социально-экономического уклада кочевников вне связи с земледельческими элементами общества, которые, как правило, принадлежат тому же самому обществу. Следовательно, сам термин «кочевой феодализм» — термин условный. Задачей доклада было доказать возможность и наличие развития феодальной собственности на землю в сфере скотоводства, а это нельзя было сделать, изолируя феодальные отношения в скотоводстве от отношений в области земледелия. Точно также при подходе к вопросу о рабстве мы ничего не поймем в этом вопросе, если изолируем кочевников от соседних земледельцев, составляющих органическую часть того же общества. Проблема скифов при правильном к ней подходе должна получить несколько иное решение, чем то, которое обычно ей дается. Обычно скифов рассматривают как замкнутое общество, в отрыве от тех «городских обществ», которые известны под названием «греческих колоний».

Дело в том, что моим оппонентам должны быть, более чем кому-либо, известны работы Н. Я. Марра, которые дают нам твердую опору для того, чтобы рассматривать эти города, это городское общество как продукт автохтонного процесса развития, где греческая колонизация явилась лишь второстепенным фактом, но са-

мый процесс генезиса рабовладельческого общества на территории южного Причерноморья являлся процессом спонтанным, который столкнулся с встречным движением со стороны греческой колонизации. Поэтому мы не можем рассматривать колонии северного побережья Черного моря иначе, как ту высшую ступень, которой то же самое скифское общество достигло в своем процессе развития, или, точнее, лишь как более яркое проявление той же самой формации, которая господствовала у «царских скифов».

Я должен отметить также, что я вполне согласен с тем, что говорил т. Быковский о невозможности «стрижки скифов под одну гребенку». Я должен напомнить, что дословно то же я говорил по этому вопросу на пленуме ГАИМК в апреле по докладу т. Артамонова. Совершенно естественно, что в этом свете отпадает и то возражение, которое выдвинул против меня т. Быковский, относительно связи, исторической преемственности между скифским обществом и обществом восточных славян, именно, что поскольку установлен «внерабский» путь развития восточных славян — мое утверждение о рабстве у скифов будто бы противоречит факту происхождения восточных славян от скифов.

Я вполне присоединяюсь к тем положениям, которые по этому вопросу были развиты Н. Я. Марром, но и сам т. Быковский, надо надеяться, не думает, что, скажем, предки восточных славян мигрировали из Тавриды, переселились из Причерноморья в область их теперешнего обитания. Если бы т. Быковский стоял на этой точке зрения, то он был бы в праве поставить свой вопрос, так как я действительно утверждаю, что скифы Тавриды, в первую очередь Прикубанья и других прилежащих к ней областей материка, прошли рабовладельческую стадию в своем развитии. Но я отнюдь этого не утверждаю для более северных скифских племен, тех племен, которые явились действительными предками восточных славян, которые, возможно, и миновали рабовладельческую стадию.

У скифов Причерноморья это явилось результатом совпадения возникновения у них классовых отношений с процессом разложения рабовладельческой формации Причерноморья. Как в связи с разложением античного общества общество германцев пошло своим, минующим рабскую стадию путем развития, так же и Восточная Европа могла пойти своим путем, минуя рабовладельческую формацию.

Равным образом я должен категорически отвести попытку т. Быковского провести какую-то аналогию между моей точкой зрения и взглядами Ростовцева. Если Ростовцев в своей борьбе против теории первобытного коммунизма объявляет скифское общество феодальным, а все свидетельства об элементах родового строя у скифов просто выдумкой, досужими измышлениями греческих утопистов, то это нечто совсем другое, чем мое, целиком базирующееся на опорачиваемых Ростовцевым авторах и археологических материалах утверждение, что чрезвычайно сильные пережитки родо-племенных отношений у скифов налицо, пережитки, уже иска-

женные сложившимися классовыми, рабовладельческими отношениями, уже превращенные в орудие господствующего класса. И уж если говорить о «единомышленниках» Ростовцева, то не нужно забывать тех товарищей, которые в полном с ним согласии объявляют сарматов первых веков до н. э. феодальным обществом, так же как и Боспорское царство, давая блестящий образец ростовцевской «модернизации».

Я должен прийти к следующему основному выводу, который нужно сделать по скифскому вопросу. Схемы, предложенные на сегодняшний день, в частности схема т. Равдоникаса, являются пока только гипотезами, и моя обязанность как человека, работающего в области, близко соприкасающейся с вопросами классовой борьбы на современном «кочевом» Востоке, сигнализировать о тех опасностях, которые стоят на этом пути по линии несколько, может быть, поспешных «обобщений», к которым склонен, однако, далеко не я один. Я думаю, что платформу для общей работы по этому вопросу мы найдем в том, чтобы пойти по пути дифференцированного анализа всей территории «Скифии» и выявления тех обществ, где процесс формирования рабовладельческих отношений зашел далеко, и тех обществ, которые можно отнести к доклассовой формации, тем самым внеся корректив к Геродоту и дифференцировав его высказывания, а не объявляя, по примеру Ростовцева, то, что нам не нравится, враньем.

Второй вопрос, который был затронут в выступлениях, — это вопрос о рабовладельческой стадии у кочевников вообще. Ряд товарищей упрекал меня в том, что я не развернул достаточной аргументации по тем обществам, которые я приводил в качестве подтверждения моих выводов. Прежде всего, арабское и туркменское общество аргументированы в моих работах и в докладах, которые я читал в Ленинграде. Поэтому в виду необычайной жесткости регламента я был вынужден отослать к этим работам. Если же мы подойдем к Аравии, не изолируя бедуинов от городов Западной Аравии, от земледельческих районов Южной и Восточной Аравии (Йемена), то мы сумеем понять, почему и каким образом шел здесь процесс развития рабовладельческой формации. Большая часть тех примеров и фактов, которые развертывал здесь в своем чрезвычайно интересном выступлении т. Якубовский, которые цитировал т. Майзель и другие товарищи, мне известна, многие из них я уже упоминал в своем докладе, и все они целиком подтверждают мои выводы, что в скотоводстве широко применяется рабский труд, причем в первую очередь в наиболее интенсивной его сфере — в обработке продуктов скотоводства. Ведь не случайно задача раба, согласно упомянутому т. Майзелем стихотворению Антары, заключалась в «доении скота и подвязывании вымени». Но сам факт наличия рабства еще ничего не решает. Понять развитие формации мы сможем, если отойдем от попытки характеризовать ее статически, вырывая из конкретного исторического процесса отдельные экономические факты. Мы поймем ее только в процессе развития

классовой борьбы, и если мы посмотрим на классовую борьбу Западной Аравии в эпоху возникновения ислама, то увидим, что эта классовая борьба совпадает в деталях с классовой борьбой, которая происходит в эпоху становления рабовладельческого общества в Италии, в Греции. Это противопоставление богатых рабовладельцев, в лице ли бедуинской аристократии или рабовладельцев-землевладельцев городов, противопоставление их массе, потерявшей уже связь с родами и лишенной возможности эксплуатировать рабов, свободных производителей, — это чрезвычайно яркий момент в процессе становления каждого рабовладельческого общества. Победа этой массы приводит (так же, как она привела в Греции и Риме) к тому, что тенденции к закрепощению свободных членов родов, которые проявляет эта разбогатевшая, выросшая на базе рабства верхушка, ликвидируются или, во всяком случае, сокращаются, и на место закрепощения появляется дальнейшее форсированное развитие рабовладельческих отношений. Борьба корейшитов и сакифитов против ахлаф — двойник борьбы патрициев и плебеев в Риме.

Но в условиях развития Аравии процесс осложняется исторической обстановкой. Формирование Омайядского халифата как рабовладельческого государства протекает в условиях разложения античной формации в Средиземноморьи, когда везде, кроме Центральной Аравии, созрели все материальные предпосылки перехода к феодализму. Но, хотя Аббасидский халифат в основном носил уже феодальный характер, им далеко еще не был закончен процесс перехода от рабовладельческой формации к феодализму. Самый факт крупнейшего рабского восстания, так наз. восстания зинджей в IX в., факт таких восстаний показывает, что даже в этот период мы имеем еще целый кусок территории халифата, который еще не перестроен по феодальному образцу. В рамках халифата еще уживались области с господством рабовладельческих отношений. Халифат представлял собой государство, составные части которого характеризовались господством различных форм эксплуатации. И вполне прав Энгельс, говоря о том, что лишь с турками мы имеем окончательное утверждение господства феодализма.

Перейдем теперь к вопросу о карматском движении. Факт возникновения уже в X в. рабовладельческого государства в Бахрейне, возникновение этого рабовладельческого государства на базе карматского движения, являвшегося движением общин и направленного против феодалов, против закрепощения общин феодалами, доказывает, насколько сильны внутри самой деревенской общины тенденции рабовладельческой формации, и мы видим, что как только общины освобождаются от гнета феодалов, они быстро развивают заложенные в них рабовладельческие тенденции.

В чем же ключ к консервативности рабовладельческого уклада на Востоке? Для всех ясно, что рабство играло в феодальных обществах Востока очень крупную роль, но важно вскрыть причины этого. Причина, как мне кажется, заключается в том, что в сфере

сельского хозяйства продолжает играть центральную роль община. Нужно вспомнить то определенное указание Энгельса, что община представляла сильнейшее орудие сопротивления крестьянства эксплуатации феодалов. Сохранение общины на Востоке обусловлено, как это вскрыл Маркс, необходимостью коллективного труда в целях искусственного орошения. В результате феодалу противостояли не разрозненные крестьянские хозяйства, а сплоченные коллективы общин, затруднявшие и ограничивавшие возможность эксплуатации. Этим, наряду с другими причинами, объясняется и форма феодальных государств на Востоке — централизованных деспотий, так как для господства над общинами и их систематического феодального грабежа нужен был режим централизованной диктатуры. Отсюда и интересующий нас факт крупной роли рабовладельческого уклада.

Община кладет предел эксплуатации крестьянства, затрудняет эксплуатацию крестьянина со стороны феодала. Отсюда феодал сохраняет и продолжает развивать старый способ эксплуатации, что в других условиях не играло бы крупной роли. В своем хозяйстве он продолжает эксплуатировать рабский труд, компенсирующий слабое развитие барщины.

Последнее замечание, которое я должен сделать, — это замечание по вопросам Африки. По поводу отдельных замечаний т. Ольдерогге я должен отметить следующее. Говоря о развитии рабства у сомали, я имел в виду южных и центральных сомали. У северных Пауличке действительно отмечает слабое развитие рабства. Но те дополнения, которые тов. Ольдерогге сделал в отношении неравноправности родов, о «родах-париях» в частности, лишь подтверждают наше положение о близости социально-экономического уклада туркмен и этого африканского народа и позволяют видеть именно в рабстве пружину возникновения этого неравенства родов. Ведь не случайно «парии» у сомали носят название «adôn — «раб», так же как и у туркмен. Что касается туарегов, то роль рабства и работорговли в их обществе общеизвестны — сошлюсь хотя бы на Барта и Нахтигаля, — и отношения клиентелы, которые мы имеем между кочевой аристократией и земледельческим населением оазисов, не меняют дела. Нужно уяснить себе то основное положение, что эти отношения между «патронами» — кочевниками — и «клиентами» — оседлыми жителями оазисов Сахары, так же как аналогичные отношения в Туркмении, вопреки Каутскому и К°, не есть первичное явление. Эти отношения сами целиком порождены развитием рабства, являются его проекцией в область отношений внутри свободной части общества. То же самое нужно сказать о масаях. Масаи — это своеобразная африканская Спарта, уясняющая, кстати сказать, многое в истории настоящей Спарты. И отношения между масаями и вандороббо должны нами рассматриваться именно как отношения между спартиатами и илотами, как наиболее примитивная форма рабства — коллективное общинное рабовладение.

В целом те вопросы, которые были затронуты в выступлении

т. Ольдерогге, чрезвычайно интересны. Они показывают, какие громадные возможности для решения целого ряда проблем открывает Африка и вообще мобилизация этнографических источников в целях исторического исследования. Подлинная, настоящая марксистская история начинается только там, где мы овладеваем первичным документом. История, которая пишется только на основании хроник, не может понять исторического процесса в его внутренней сущности, не может дойти до понимания самой сердцевины процесса. По линии изучения классовых отношений у кочевых народов мы этого первичного документа почти не имеем, и этнографический материал выступает здесь в качестве первичного документа, пополняя зияющие пробелы. Этот материал охватывает стадиально наиболее раннюю эпоху истории классовых отношений и проливает чрезвычайно много света на понимание исторического процесса в эпоху хуннов и других древних среднеазиатских кочевых народов.

Е. А. Косминский [1]

Я просил предоставить мне пять минут для того, чтобы поговорить по двум вопросам.

Во-первых, мне показалось, что те замечания, которые я сделал по поводу докладов тт. Пригожина и Некрасовой, были некоторыми поняты не в том смысле, в каком они были сделаны. Из всех докладов, которые были здесь зачитаны, я выбрал те, которые мне казались наиболее интересными. Я сделал свои замечания по поводу этих докладов, но эти замечания относились не к самому существу докладов, не к основной постановке вопроса в этих докладах. Я сделал это потому, что в основном с обоими докладами солидарен. Я не подчеркнул этого в своем первом выступлении и хочу подчеркнуть это сейчас. Мне казалось, что эти доклады в основном разрешили те проблемы, которые были ими поставлены. В своих замечаниях мне хотелось только дополнить эти доклады и исправить их в тех местах, которые мне казались не совсем полными и правильными.

В докладе т. Пригожина подведен, собственно говоря, итог работы марксистской мысли по вопросу о генезисе западноевропейского феодализма. Этот вопрос теперь поставлен на твердую почву. В дальнейшем мы, идя по этому пути, дополняя, исправляя в целом ряде моментов, уточняя, сможем, наконец, разрешить эту так долго не разрешавшуюся историографией проблему.

Я хотел только подчеркнуть, что, быть может, нужно было бы обратить больше внимания на роль германских завоеваний. Эта тема была затронута отчасти т. Мишулиным.

Что касается доклада т. Некрасовой, то я полагаю, что она вполне правильно показала основную, ведущую линию феодального способа производства, но мне казалось, что это основное положение следовало бы еще развить и дополнить теми моментами, о которых я

[1] Печатается по стенограмме, не исправленной Е. А. Косминским.